

РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ

А.Я. ВЫШИНСКИЙ

СТАЛИН
И ВРАГИ НАРОДА

Вышинский А. Я.

Сталин и враги народа / Андрей Вышинский. - М.: Алгоритм, 2012. - 336 с. - (Рядом со Сталиным).

ISBN 978-5-4438-0019-6

Андрей Януарьевич Вышинский был одним из ближайших соратников И.В. Сталина. Их знакомство состоялось еще в 1902 году, когда молодой адвокат Андрей Вышинский участвовал в защите Иосифа Сталина на знаменитом Батумском процессе. Далее было участие в революции 1905 года и тюрьма, в которой Вышинский отбывал срок вместе со Сталиным.

После Октябрьской революции А. Я. Вышинский вступил в ряды ВКП(б); в 1935-1939 гг. он занимал должность Генерального прокурора СССР и выступал как государственный обвинитель на всех известных политических процессах 1936-1938 гг. В последние годы жизни Сталина, в самый опасный период «холодной войны», А.Я. Вышинский защищал интересы Советского Союза на международной арене, являясь министром иностранных дел СССР.

В книге А.Я. Вышинского рассказывается о И.В. Сталине и его борьбе с врагами Советской России. Автор подробно останавливается на политических судебных процессах второй половины 1920-1930-х гг., приводит фактический материал о деятельности троцкистов, диверсантов, шпионов и т.д. Кроме того, разбирается вопрос о юридических обоснованиях этих процессов, о сборе доказательств и соблюдении законности по делам об антисоветских преступлениях.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выходец из старинного польского шляхетского рода, Андрей Вышинский избрал для себя путь русского революционера. В 1903 году он вступил в меньшевистскую организацию РСДРП, которая занимала прочные позиции в Закавказье (семья Вышинских жила тогда в Баку). Следует заметить, что расхождения между большевиками и меньшевиками в то время еще носили характер теоретических споров, а в революционной борьбе большевики и меньшевики часто выступали вместе.

В 1901 году Вышинский поступил на юридический факультет Киевского университета, но окончил его только в 1913 году (так как исключался за участие в студенческих беспорядках), был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию, но отстранен администрацией как политически неблагонадежный.

В 1904 году Андрей Вышинский познакомился со Сталиным: в этом году состоялся знаменитый Батумский процесс по делу проведения рабочей демонстрации. Иосиф Сталин был одним из организаторов демонстрации и предстал перед судом в качестве обвиняемого, а молодой адвокат Андрей Вышинский защищал его.

В 1905—1907 годах Вышинский участвовал в революционных выступлениях в Баку. В начале 1908 года он был осужден Тифлисской судебной палатой за «произнесение публично противоправительственной

речи». Отбыл год лишения свободы в Баиловской тюрьме, где тогда же отбывал срок заключения Сталин.

После Октябрьской революции 1917 года А. Вышинский вышел из меньшевистской партии и вступил в РКП(б). В 1920—1921 годах он преподавал в Московском университете и занимал должность декана экономического факультета Института народного хозяйства имени Плеханова. В 1923—1925 годах Вышинский был прокурором уголовно-следственной коллегии Верховного суда СССР. Выступал в качестве государственного обвинителя на многих процессах: Дело «Гукон» (1923); Дело ленинградских судебных работников (1924); Дело Консервтреста (1924).

В 1925—1928 годах А.Я. Вышинский — ректор Московского государственного университета. В 1928—1930 годах он возглавлял Главное управление профессионального образования (Главпрофобр). В 1928—1931 годах был назначен членом коллегии Наркомата просвещения РСФСР.

Одновременно он продолжал выступать государственным обвинителем на политических процессах и в 1931 году стал прокурором РСФСР, затем заместителем наркома юстиции РСФСР, с 1933 года — заместителем Генерального прокурора СССР, а в 1935 году — Генеральным прокурором СССР.

Вышинский выступал как прокурор на всех трех Московских процессах 1936—1938 годов. Его судебные речи отличаются строгой логикой в изложении фактов, последовательной системой доказательств и принципиальной непримиримой позицией в отношении тех, кто являлся врагами советского строя.

Вместе с тем, А.Я. Вышинский требовал от советских органов юстиции безусловного исполнения закона, — так, например, он настоял на пересмотре принятого после убийства Кирова решения о высылке из Ленинграда бывших дворян, генералов, интеллигенции (большинство из них вернулись в Ленинград, их восстановили в правах). Добился пересмотра дел инженеров и техников угольной промышленности, проходивших по «делу Промпартии» и их реабилитации.

* * *

4 февраля 1936 года Вышинский направил личное письмо председателю Совнаркома В. М. Молотову, в котором обращал внимание на неправомерность и нецелесообразность действий Особого совещания; год спустя, выступая на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б), он резко критиковал действия органов НКВД, возглавлявшегося Г. Ягодой, по расследованию политических дел. Вышинский отмечал незаконные методы принуждения к признанию обвиняемых и невозможность вынесения материалов такого следствия в суды. Основным недостатком в работе следственных органов НКВД и органов прокуратуры Вышинский считал «тенденции построить следствие на собственном признании обвиняемого. Наши следователи очень

мало заботятся об объективных доказательствах, о вещественных доказательствах, не говоря уже об экспертизе. Между тем центр тяжести расследования должен лежать именно в этих объективных доказательствах. Ведь только при этом условии можно рассчитывать на успешность судебного процесса, на то, что следствие установило истину».

Таким образом, распространенная легенда, согласно которой Вышинский утверждал, что признание обвиняемого является «царицей доказательств», — не соответствует действительности. В своей работе «Теория судебных доказательств в советском праве» он декларировал обратный принцип:

«Было бы ошибочным придавать обвиняемому или подсудимому, вернее, их объяснениям, большее значение, чем они заслуживают этого как ординарные участники процесса. В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае, считавшейся наиболее серьезным доказательством, «царицей доказательств» (*regina probationum*).

Мы считаем, что обвиняемый в уголовном процессе не должен рассматриваться как единственный и самый достоверный источник этой истины. Нельзя поэтому признать правильными такую организацию и такое направление следствия, которые основную задачу видят в том, чтобы получить обязательно «признательные» объяснения обвиняемого. Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и — еще хуже — единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар все дело в случае изменения обвиняемым своих показаний или отказа от них.

Несомненно, следствие может только выиграть, если ему удастся свести объяснения обвиняемого на уровень обычного, рядового доказательства, устранение которого из дела неспособно оказать сколько-нибудь решающего влияния на положение и устойчивость основных установленных следствием фактов и обстоятельств. Это положение, как нам кажется, является одним из важнейших методологических правил, строгое применение которого чрезвычайно облегчает задачи следствия, ускоряет развитие следственных действий и гарантирует следствию значительно больший успех, чем это может быть при отказе от руководства этим правилом».

* * *

И.В. Сталин высоко ценил деятельность и теоретические разработки А.Я. Вышинского. После окончания московских процессов Вышинский возглавил, по предложению Сталина, Институт права АН СССР, являлся ответственным редактором журнала «Советское государство и право».

Накануне войны глубокие юридические знания А.Я. Вышинского понадобились советскому государству в решении сложнейших международных вопросов. Он был назначен заместителем наркома иностранных дел СССР — В.М. Молотова. В начальный, наиболее тяжелый период войны А.Я. Вышинский приложил огромные усилия к созданию антигитлеровской коалиции и 12 июля 1941 года присутствовал при подписании соглашения СССР с Великобританией о совместных действиях в войне против Германии. Позже он принимал участие в конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившей в октябре 1943 г. в Москве. По предложению советского правительства конференция рассмотрела вопросы сокращения сроков войны против гитлеровской Германии и её союзников в Европе, открытия второго фронта, обращения с Германией и другими вражескими странами в Европе, создания международной организации для обеспечения всеобщей безопасности и др.

В 1944—1945 годах А.Я. Вышинский принимал активное участие в переговорах с Румынией, а затем с Болгарией. В феврале 1945 года участвовал в качестве члена советской делегации в работе Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. В апреле того же года присутствовал при подписании договоров о дружбе и взаимопомощи с Польшей, Югославией и другими государствами.

Именно Вышинский привез в Берлин текст Акта о безоговорочной капитуляции Германии, ознаменовавший победу в Великой Отечественной войне, и оказывал маршалу Г. К. Жукову правовую поддержку при окончательном редактировании этого текста.

Далее Вышинский участвовал в работе Потсдамской конференции; в январе 1946 г. возглавлял делегацию СССР на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Летом и осенью 1946 г. выступал на пленарных заседаниях Парижской мирной конференции, в комиссии по политическим и территориальным вопросам для Румынии, аналогичных комиссиях для Венгрии и Италии, в Комиссии по экономическим вопросам для Италии, о компетенции губернатора в Триесте, в Комиссии по экономическим вопросам для Балкан и Финляндии, о мирном договоре с Болгарией.

В 1949—1953 годах, на пике «холодной войны» и во время войны в Корее И.В. Сталин доверил А.Я. Вышинскому защиту интересов Советского Союза в мире — Вышинский был назначен министром иностранных дел СССР. Гибкая политика Вышинского на международной арене и его яркие страстные речи против поджигателей войны сыграли не последнюю роль в предотвращении военной катастрофы, которая могла бы привести к гибели всего человечества.

* * *

После смерти Сталина одним из первых, от кого поспешил избавиться Хрущев, был А.Я. Вышинский. Фактически он был отправлен в почетную ссылку — назначен представителем СССР в ООН.

В 1954 году А.Я. Вышинский скоропостижно скончался в Нью-Йорке от сердечного приступа. А через два года, в докладе Хрущева на XX съезде КПСС о «культе личности Сталина» в качестве одной из рубрик значились «Нарушения законности органами прокуратуры в надзоре за следствием в НКВД». Именно тогда впервые прозвучало утверждение о тезисе, якобы выдвинутом Вышинским, о признании обвиняемого как главным методе сбора доказательств. После XX съезда имя Вышинского стало прочно ассоциироваться с одним «из организаторов и активных пособников сталинских репрессий», его труды перестали быть официально используемыми пособиями для юристов; родственники Вышинского были лишены всех государственных привилегий.

С тех пор работы А.Я. Вышинского, посвященные И.В. Сталину и борьбе с врагами советского государства, не издавались; данная публикация является первой за шестьдесят лет.

ВВЕДЕНИЕ

Советское государство, как государство нового типа, ново своим демократизмом — последовательным социалистическим демократизмом. Советский демократизм обеспечивает господство в обществе воли большинства рабочих и крестьян, большинства трудящихся, участвующих в управлении государством. Именно советская форма демократизма пробуждает к активной жизни, к социалистическому творчеству миллионы людей, обеспечивает выделение из народных масс тысяч и тысяч руководителей и организаторов. В качестве одной из важнейших особенностей советской власти Ленин отмечал то обстоятельство, что именно советская власть, формы и методы работы органов Советского государства обеспечивают решение задачи выделения и воспитания новых руководителей и организаторов из народа.

Тысячи и тысячи раз подтверждаются слова Ленина и Сталина о советском демократизме как высшей форме демократии, на деле обеспечивающей за миллионными народными массами участие в государственном управлении, в строительстве социализма.

Сколько десятков и сотен тысяч людей выдвинуто в качестве руководителей и организаторов нового общества, замечательных представителей нашего талантливого, умного, деятельного, великого народа!

Однако создание новой государственной формы и последующее развитие этой формы в сторону все большего и большего усиления и расширения демократических принципов, в сторону все большего и большего расширения прав и обязанностей в государстве миллионов людей, естественно, не могли обойтись без борьбы, и притом жестокой борьбы.

Ленинизм учит, что ни один вопрос, связанный с классовыми интересами, не решается в истории иначе как насилием, иначе как при помощи принуждения. Естественно, насилие и подавление явились, и не могли не явиться в руках рабочих и крестьян, приступивших к строительству своего государства, серьезным средством преодоления сопротивления со стороны всех отживших и разлагающихся сил старого общества. Государственное

насилие и принуждение являются необходимыми в условиях классовой борьбы, и нет государства, которое не прибегало бы к принуждению...

Известно, что нашу партию пытались столкнуть на путь ошибочной политики, губительной для Советского государства, такие отщепенцы, как Бухарин, Троцкий и их сторонники, уже представлявшие собою тогда, в первые годы революции, в потенции «пятую колонну», которую мы благодаря гениальному предвидению товарища Сталина вовремя ликвидировали. В то время как нашей главной потребностью было развивать тяжелую промышленность, производить как можно больше железа, стали, чугуна, угля, машин, станков, чтобы стать индустриальной, экономически независимой страной, — эти предатели настаивали на том, что главное — это вырабатывать побольше ситца, галантереи, что всю экономическую политику нужно свести к задаче «обуть и одеть».

Слов нет, легкую индустрию: нужно двигать, но нельзя всю политику строить под углом зрения тех потребностей, которые хотя и являются важными, но не определяющими. Наша партия, опирающаяся в своей политике на научную базу, познав задачи, вытекающие из коренных нужд нашего народа, нашего государства, направила свою экономическую политику на то, чтобы строить шахты, разрабатывать медные, железные и прочие рудники, создавать предприятия, которые обеспечили бы нам крепкую индустриальную экономическую базу, ибо только на такой базе, опирающейся на современную могучую технику, можно было строить социалистическое хозяйство и социалистическое государство, можно было «обуть и одеть» народ.

Наша партия пошла по пути социалистической индустриализации, который отвечает жизненным интересам советской страны. По этому пути пошло хозяйственное развитие СССР, и социализм победил. Наша страна с исключительной быстротой изменяла свой облик и становилась могучей индустриальной и колхозной державой. Товарищ Сталин писал в 1929 г.:

«Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую «расейскую» отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, — пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией». Мы ещё посмотрим, какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталые и какие в передовые».

Недолго пришлось ждать того времени, когда сама жизнь воочию показала, какие из стран действительно можно определить в «передовые» и какие в «отсталые». В 1938 г. можно было уже констатировать гигантский подъем социалистической промышленности, что явилось прямым результатом социалистической системы организации нашего народного хозяйства. На XVIII съезде партии товарищ Сталин имел все основания заявить о том что «с точки зрения техники производства, с точки зрения объема насыщенности промышленного производства новой техникой, наша промышленность стоит на первом месте в мире».

Сталинские пятилетки сделали свое великое дело. Советский Союз сел на автомобиль, крестьянин-колхозник — на трактор, страна стала металлической,

стала страной автомобилизации и тракторизации. Были созданы новые промышленные отрасли черной и цветной металлургии, станкостроительная, авиационная и химическая промышленность, тракторостроение и др. Можно было бы привести большие колонки цифр, показывающие гигантский рост нашего народного хозяйства за время советской власти, дающие ясное представление о превращении Советской страны в мощную индустриальную державу, оснащенную передовой техникой.

* * *

...Товарищ Сталин продолжил великую работу Ленина. Товарищ Сталин отстоял и развил учение Ленина о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране, создал в исчерпывающем и совершенном виде учение о социалистическом государстве переходного от социализма к коммунизму периода и при коммунизме, в условиях капиталистического окружения. Сталин показал, как органически связано дело социалистического строительства и его успехи в нашей стране с Советским государством, с его экономической, военной и культурной мощью силой таких важнейших его рычагов, как Красная Армия и Военно-Морской Флот, как советская разведка, юстиция и органы советского государственного аппарата.

Одна из величайших заслуг товарища Сталина в разработке теории государства заключается в том, что товарищ Сталин показал значение механизма государства, механики государственной работы, ее методов, приемов, способов, значение приводных ремней, рычагов, пружин этого механизма. Без этого понимания, без ясного представления об этом механизме и механике дьявольской работы империалистических государств невозможно разоблачение коварных методов их подрывной, интервенционистской деятельности.

Забвение марксистско-ленинской истины, что государство — это вооруженные люди и «вещественные придатки», учреждения, организации, органы, механизм, действующий по всем правилам государственной тактики и стратегии, подчиняющийся, так сказать, внутренне присущим законам развития, определяемого классовой структурой данного общества, — забвение этой материально-технической стороны дела, подмена этого важнейшего вопроса вопросом абстрактно-идеологического порядка явились одной из причин извращений учения о государстве.

Троцкисты, бухаринцы пытались увести наше сознание, нашу мысль от этих вопросов, разработка и изучение которых могли бы обогатить наш практический опыт, облегчить нам борьбу с нашими врагами, со всеми враждебными нам силами. Все эти господа не только в теории, но и на практике старались всячески расшатать аппарат Советского государства, лишить его необходимого авторитета, свойственного государственной власти, внушая и предрекая скорейшее «отмирание» государства и пропагандируя необходимость сдать его в архив древностей, как ненужную ветошь.

На этой почве возникла недооценка Советского государства и его роли, против чего не раз решительно выступал товарищ Сталин. На XVIII съезде партии он сказал:

«Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме. Так обстоит дело при капитализме».

Не менее важное значение имеет и та часть сталинского учения о социалистическом государстве, которая говорит об исторической связи функций нового государства с функциями старых государств, с одной стороны, и о неизбежности изменений первоначальных функций пролетарского государства в зависимости от изменяющихся исторических условий и новых потребностей этого государства с другой. В процессе роста и развития социалистического государства изменяются его формы, его методы деятельности, его функции.

«На самом деле, — говорит товарищ Сталин, — формы нашего государства меняются и будут меняться в зависимости от развития нашей страны и изменения внешней обстановки».

В условиях гражданской войны формы пролетарской диктатуры, как и методы ее работы, иные, чем в мирный период социалистического строительства. Особенности того и другого периода заключаются, говорит товарищ Сталин, в том, что в период строительства социализма «особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д.».

Но товарищ Сталин предупреждает против механического понимания этих особенностей. Насильственная сторона диктатуры пролетариата не может отпасть и в период относительно мирного социалистического строительства.

«Органы подавления, армия и другие организации, необходимы теперь, в момент строительства, так же, как в период гражданской войны. Без наличия этих органов невозможна сколько-нибудь обеспеченная строительная работа диктатуры».

Товарищ Сталин дал исчерпывающий ответ и на вопрос о том, сохранится ли государство и в будущем, в период коммунизма. Товарищ Сталин ответил на этот вопрос положительно: пока не будет уничтожена опасность военных нападений извне. Этим ответом товарищ Сталин покончил с путаницей и разбродом в важнейшем вопросе — о роли Советского государства и перспективах его развития, научив правильно оценивать его историческое место и его значение в деле борьбы за социализм, в деле дальнейшего, развития и роста социалистических отношений.

* * *

Учение Сталина о социалистическом государстве было сформулировано накануне того, как вспыхнула Вторая мировая война, затеянная немецко-фашистскими захватчиками. В огне этой войны сгорело и было уничтожено не одно государство, была ограблена и разорена не одна страна,

был разгромлен и поработен не один народ. Но Советское государство, как и весь советский народ, принявшие на себя основные удары врага, вышли из борьбы укрепленными и в материальном, и в морально-политическом, и в духовном отношениях. Советский народ, Советское государство вынесли из этой борьбы свое знамя нетронутым и победным, указывающим путь для новых успехов в дальнейшем развитии социалистического общества, в дальнейшем прогрессе человеческой культуры и цивилизации.

Завершенная война с особой силой подтвердила всю исключительную роль Советского государства в судьбах нашего отечества, а также и в судьбах всего мира. Перед лицом великих событий четырех лет нашей борьбы против ненавистного врага, событий, равных которым не знала еще человеческая история, было бы излишним приводить доказательства для подтверждения той роли и значения, которые принадлежат Советскому государству в этой войне. Наше государство выдержало все испытания суровой войны, преодолев многочисленные трудности, стоявшие на его пути, собрав все силы народа и организовав их соответственно новым и чрезвычайно повышенным требованиям обороны советской страны против врага, вооруженного не только совершенной техникой, но и опиравшегося на гигантские человеческие и материальные ресурсы почти всей покоренной им Европы.

В решающие дни Второй мировой войны Советское государство оказалось на высоте своего положения, вновь и вновь подтвердив непобедимость советского строя, его жизненность и великие творческие способности. Советский строй, созданный Октябрьской социалистической революцией и укреплявшийся с каждым годом и пятилетием существования советской власти, в этой войне показал такую силу своей стойкости и непоколебимости, которые могут быть объяснимы лишь тем, что далеко в почву советской земли ушли могучие корни его исторического бытия. Советское государство показало себя в эти годы как олицетворение всего советского народа, как гигантский конденсатор, собравший все животворящие силы народные, всю сумму народных талантов и способностей, как воплощение всенародного гения, уверенно идущего вперед по своей широкой исторической дороге. Теперь, когда война завершена, когда у нас, у нашего народа, остались позади все испытания и лишения четырех лет тяжелой борьбы с немецко-фашистскими ордами, потерпевшими свои первые и самые решительные поражения на русских равнинах и у стен Москвы, Сталинграда, Ленинграда, Севастополя и многих других прославленных советских городов, — теперь уже нетрудно убедиться в подлинной силе Советского государства, вынесшего на своих плечах всю основную тяжесть испытаний этой войны.

Победоносные советские армии вышвырнули наглого врага из пределов нашей земли. Они сломили сопротивление союзников Германии — Румынии, Финляндии, Венгрии, Болгарии — и принудили их к капитуляции. За короткий срок советскими войсками были освобождены Польша, Венгрия, большая часть Чехословакии, значительная часть Австрии с ее столицей Веной. За четыре месяца 1945 года Красная Армия овладела на территории Германии Восточной Пруссией, Померанией, Силезией, большей частью Бранденбурга и центром немецкого империализма столицей Германии Берлином, водрузив над ним знамя победы.

Социалистический строй дал нашему народу и вооруженным силам Советского Союза непреодолимую силу.

А.Я. Вышинский

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 1930-х гг.

1.1. ДЕЛО О ВРЕДИТЕЛЬСТВЕ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СТАНЦИЯХ В СССР

В течение 1931—1932 гг. на крупных электростанциях СССР — Златоустовской, Челябинской, Ивановской, Бакинской и др. — имели место систематические аварии отдельных котлов, моторов, турбин, генераторов и т. д., выводившие их из строя на более или менее длительные сроки и понижавшие мощность электростанций.

Образованная в стадии предварительного следствия и вызванная в судебное заседание специальная техническая экспертная комиссия на основе представленных ей данных пришла к заключению о наличии во всех обследованных случаях аварий либо преступной небрежности, либо прямого вредительства со стороны технического персонала, обслуживающего перечисленные станции.

Следствие установило, что причиной указанных аварий была вредительская деятельность контрреволюционных групп, состоявших из государственных служащих электростанций, в большинстве своем из высшего технического персонала, действовавших в соучастии с некоторыми служащими частной английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», работавшей в СССР по договору.

Среди служащих фирмы «Метрополитен-Виккерс» руководящая роль по совершению контрреволюционных преступлений принадлежала Торнтону Л. Ч. — главному монтажному инженеру этой фирмы, под руководством которого осуществляли вредительство на отдельных электростанциях СССР и инженеры и монтеры фирмы, английские подданные Макдональд и Нордволл, а равно и английский инженер Кушни и монтер фирмы «Метрополитен-Виккерс» Олейник П. Е.

Через этих лиц, а также и непосредственно Торнтон вступил в связь с контрреволюционными группами советских служащих на электростанциях, договаривался с ними о совершении аварий, о сокрытии дефектов оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» (Крашенинников, Зиверт), и давал взятки государственным служащим за совершенные ими преступные действия; занимался военным шпионажем на территории СССР, собирая через Макдональда, Кушни, Грегори и Олейника секретные сведения военно-государственного значения, и давал за полученные сведения через указанных лиц взятки советским государственным служащим.

Уполномоченный московской конторой фирмы «Метрополитен-Виккерс» Монкгауз был осведомлен о действиях Торнтон по организации аварий на этих электростанциях совместно с вредительскими контрреволюционными группами советских государственных служащих электростанций и принимал участие в даче взяток государственным служащим электростанций за сокрытие дефектов оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс», а также за сокрытие дефектов монтажа этого оборудования, что приводило к авариям.

Исполнителем вредительских заданий Торнтона на Бакинской электростанции был монтажный инженер фирмы «Метрополитен-Виккерс» Кушни, организовавший в 1928 году на этой станции аварию с турбиной № 11 и собиравший секретные сведения военного характера для передачи Торнтону.

Исполнителем преступных заданий Торнтона на ряде электростанций (1 МГЭС, Макеевка, Мотовилиха) был служащий московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» Олейник, систематически скрывавший дефекты оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс», что привело к ряду аварий. Кроме того, Олейник собирал секретные военные сведения и вербовал агентуру для Торнтона.

Обвиняемая Кутузова А. С., состоя на службе в Московской конторе фирмы «Метрополитен-Виккерс» в качестве секретаря и зная о контрреволюционной работе служащих этой фирмы, систематически передавала и пересылала денежные вознаграждения отдельным участникам контрреволюционных групп государственных советских служащих электростанций за их шпионскую и вредительскую деятельность.

Дело это рассматривалось в Москве 12—18 апреля 1933 г. Специальным присутствием Верховного суда СССР.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ А. Я. ВЫШИНСКОГО

«Может быть, какие-нибудь сутки отделяют нас от того решительного момента, когда будут подведены окончательные итоги всей нашей работы этих дней, когда в этих итогах будет произнесено авторитетное слово Верховного суда по настоящему делу. Нас отделяет не много времени от того момента, когда со всей отчетливостью, точностью, ясностью, определенностью и категоричностью будет дана последний раз в этом деле квалификация и всех тех отдельных событий, которые были предметом рассмотрения всего нашего судебного следствия, а до того — предварительного расследования и всей суммы тех общественных и политических фактов, которые лежат в основе настоящего процесса.

Эти итоги должны быть и будут весьма значительными, ибо настоящее дело даже среди других дел, проходивших перед Верховным судом в предшествующие годы, имеет исключительное значение, ибо это дело даже среди других дел, уже являвшихся предметом рассмотрения Специального присутствия Верховного суда за последние годы, характеризуется как дело, имеющее исключительное, мировое значение, как дело, к которому сейчас приковано внимание всего мира, трудящихся нашей страны, трудящихся всех стран, всех наших друзей и всех наших врагов.

Всех тех врагов, которые, ослепленные своей классовой ненавистью, охваченные своим чувством классовой вражды и злобы, в преддверии этого процесса забыли границы, поставленные им суверенностью нашего государства, забыли пределы допустимого в международных отношениях и сделали попытки оказать на все направление этого процесса, этого дела такое моральное давление, которое свидетельствует о том, что часто антисоветские круги, бьющиеся в истерике, теряют необходимое и широко возмущенное хладно-

кровие, переступают границы допустимого и, конечно, получают должный и заслуженный отпор.

Я не сомневаюсь в том, что и впредь они будут получать такой же решительный отпор, который заставит их понять, что в стране строящегося социалистического общества, что в стране, сбросившей 15 с лишним лет тому назад иго капиталистов и помещиков, не будут считаться с какими бы то ни было требованиями, расходящимися с интересами пролетариата, пролетарской революции, государства пролетарской диктатуры, откуда бы эти попытки ни исходили.

Дерзкие, наглые требования некоторых иностранных кругов, как я уже сказал, получили заслуженный отпор... Они будут получать его и впредь, когда хотя на мгновение забудут, что имеют дело с СССР, страной великой социалистической стройки, страной, отвоевавшей себе свободу от собственных капиталистов и помещиков, ликвидированных Октябрьской революцией, отвоевавшей себе государственную независимость, укрепившуюся и укрепляющуюся с каждым годом нашего существования на основе великих социальных, экономических и политических завоеваний великого Октября, на основе великих успехов нашей первой пятилетки, на основе великих и неисчерпаемых творческих сил трудящихся масс нашей страны, строящей под руководством нашей великой Коммунистической партии новое, социалистическое общество.

Мы никогда и никому не позволяли, не позволяем и не позволим вмешиваться в наши внутренние дела, несмотря ни на какие маневры, истерики, крики, шум и гам. Нельзя не напомнить сейчас об этом, об этих криках, об этих истериках некоторых кругов Англии, потерявших равновесие, плохо усвоивших или вовсе не успевших еще усвоить мысль, высказанную еще три года тому назад товарищем Сталиным в связи с вопросом о «камне преткновения» в деле улучшения наших экономических связей с буржуазными государствами.

Товарищ Сталин на XVI партийном съезде в политическом отчете ЦК говорил:

«Говорят, далее, что камнем преткновения является наш советский строй, коллективизация, борьба с кулачеством, антирелигиозная пропаганда, борьба с вредителями и контрреволюционерами из «людей науки», изгнание Беседовских, Соломонов, Дмитриевских и т. п. лакеев капитала. Но это уж становится, — говорил товарищ Сталин, — совсем забавным. Им, оказывается, не нравится советский строй. Но нам также не нравится капиталистический строй... Не нравится, что десятки миллионов безработных вынуждены у них голодать и нищенствовать, тогда как маленькая кучка капиталистов владеет миллиардными богатствами. Но раз мы уже согласились, — говорил товарищ Сталин в этом своем историческом политотчете, — не вмешиваться во внутренние дела других стран, не ясно ли, что не стоит возвращаться к этому вопросу? Коллективизация, борьба с кулачеством, борьба с вредителями, антирелигиозная пропаганда и т. п. представляют неотъемлемое право рабочих и крестьян СССР, закрепленное нашей Конституцией. Конституцию СССР мы должны и будем выполнять со всей последовательностью. Понятно, следовательно, что кто не хочет считаться с нашей Конституцией — может проходить дальше, на все четыре стороны».

Этим господам, видите ли, не нравится наша Конституция, наш советский строй, наш советский суд, и они выражают это свое недовольство и Конституцией, и советскими порядками, и советским судом — клеветой, инсинуациями, извращениями, фальсификациями, — словом обычными методами «морального давления» на свое собственное общественное мнение в своих узких, грубых, жестоких, бесчеловечных, капиталистических классовых интересах. Им не нравится, что советский суд — это классовый суд, и они пытаются клеветать, что раз это — классовый суд, то есть суд, который стоит на страже интересов рабочего класса и пролетарского государства, то это вовсе не суд, и что в этой стране, где суд состоит из трудящихся, где суд действует во имя интересов трудящихся, где суд направляет свое и моральное и политическое влияние против эксплуататоров, против врагов трудящихся, — то в этой стране нет правосудия.

Мистер Пэтрик, как об этом мы можем судить по недавно состоявшимся в английской палате общин прениям по вопросам, связанным с биллем против ввоза советских товаров, заявил: «Вся идея правосудия (очевидно в Советской стране, ибо говорилось о советском суде) лежит на классовой основе. Это обстоятельство мной усвоено пару лет тому назад в Москве, когда я был в Верховном суде на одном из процессов, сидел на очень жестком стуле и смотрел на громадное красное полотнище, подвешанное позади судейского стола, за которым судьи сидели и курили». Мистер Хенон — с места: «Судьи курили?» Мистер Пэтрик: «Да». «На этом полотнище, — продолжал мистер Пэтрик, — большими белыми буквами было написано: «Суд — орган пролетариата».

«Это одно, — говорит он, — из классических высказываний Ленина, цитируемое при всяких случаях».

«Эти слова означают как раз то, что они говорят, — суд есть орган пролетариата и по простой логике коммунистической доктрины суд есть орган классовой борьбы и существует для этой главной цели».

«Но, — продолжал Пэтрик, — сама классовая борьба давно уже перестала быть реальностью. Я не сомневаюсь, — говорит далее Пэтрик, — что она была в достаточной степени действительна в первые дни революции и гражданской войны... Много времени прошло с тех пор, и сопротивление буржуазии окончательно и совершенно сломлено».

Этим самым Пэтрик хотел сказать, что раз классовой борьбы нет, то, следовательно, суду ничего не останется делать с точки зрения логики коммунистической программы, которая считает и признает суд органом, осуществляющим защиту интересов пролетариата.

Мы никогда не скрывали и не скрываем подлинной классовой природы нашего суда, подлинных классовых задач, стоящих перед нашим правосудием.

Мы всегда и везде и устами наших учителей и нашей постоянной работой на теоретических и на практических участках социалистического строительства признавали классовую природу нашего суда, как и всего нашего государства, никогда не отрывали ни одной нашей задачи от общих и основных задач осуществления и защиты интересов рабочего класса и никогда не отрывали нашей судебной работы от этих задач и задач нашей судебной деятельности.

Владимир Ильич в самом начале революции указывал именно на эту действительно величайшую особенность нашего советского правосудия: «На

место старого суда, — говорил он про нашу Октябрьскую революцию, — она стала создавать новый народный суд, вернее, советский суд, построенный на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов, — и только этих классов, — в управлении государством. Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или оставить свои привилегии, или тайком протащить, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий».

Советский суд есть суд Советского государства, суд рабочего класса, есть суд трудящихся нашей страны, осуществляющий величайшие исторические задачи построения в нашей стране социалистического общества, служащей примером и образцом для наших братьев по классу во всех других странах, борющихся за свое социальное освобождение.

В противоположность этому суду, во всех капиталистических странах суд всегда был и остается судом, осуществляющим и защищающим интересы капиталистических классов, классов, эксплуатирующих и угнетающих человеческий труд.

«Суд был, — говорит Ленин, — в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации».

И когда нам говорят о том, что вот наш советский суд — классовый суд, и вы, сидя в этом суде, творите неправосудно свои дела, потому что вы стоите на почве классовой доктрины, то это не что иное, как обычные выпады, свидетельствующие об обычных приемах фальсификации и клеветы, при помощи которой эксплуататоры пытаются замазать подлинную классовую эксплуататорскую сущность своего собственного суда, как и всего своего государства.

* * *

Кое-какие господа из английской палаты общин пытаются противопоставить нашему суду свой суд и свое правосудие, указывая на то, что между нашим правосудием и правосудием, скажем, английским существует та разница, которая заключается в том, что в английском суде творится правосудие, а в советском суде правосудия искать нельзя. Вот, например, майор Хильс (Hills), выступая не так давно в палате общин в связи с делом «Метро-Виккерс», прямо заявил: «Правосудие в этой стране (то есть в Англии) и правосудие в других цивилизованных европейских странах, — а также капиталистических, как Америка, не сравнимо с правосудием в России».

Полемизируя против Криппса, он далее говорит: «Криппс пускает диалектическую дымовую завесу о том, что будто бы в России есть система правосудия. Он очень хорошо знает, что ее нет».

Майор Хильс — храбрый майор, если он решается говорить то, что я сейчас, к сожалению, вынужден был, оскорбляя ваш слух, цитировать на заседании Верховного суда. Но этому майору не плохо ответили его же сограждане, другие члены парламента.

Вот, например, Криппс, в том же заседании в палате общин заявивший: «Достопочтенный и ученый джентльмен, лорд-адвокат, если бы он был здесь, я уверен, поддержал бы меня в том, что я говорю относительно дела

шотландского шелка. Прошел целый месяц после ареста и освобождения под залог, прежде чем обвинение было полностью сформулировано».

Прошел целый месяц, прежде чем было полностью сформулировано только обвинение!

Или Керквуд, заявивший, что в 1913 году член парламента от Дэмбартона был арестован в 1 час 30 минут ночи, брошен в тюрьму и выслан без суда. Его оторвали от его жены и семьи на 16 месяцев. Это не я говорю. Это говорит Керквуд. Это говорит Криппс. Это говорят члены английского парламента, англичане, не потерявшие чувства действительности и умеющие видеть неразвращенными глазами эту действительность, каждый день издевающуюся в капиталистических странах над тем, что там именуется правосудием.

Не нравятся господам капиталистам и наши процессуальные порядки и наши процессы, направленные против контрреволюционеров и вредителей, всегда и неизменно встречающих горячую поддержку, сочувствие, защиту со стороны определенных кругов буржуазии и, в частности, — я об этом должен сказать именно на этом процессе, — со стороны некоторых определенных кругов английской буржуазии.

Министр торговли Рэнсимен сказал по поводу нашего — процесса, т. е. именно того дела, которое сейчас является предметом нашего обсуждения: «Инсценировка процессов вроде этого, по обвинению в саботаже, часто случается в России. Были произведены тщательные изыскания, и мы не могли найти ни одного примера, чтобы один из таких процессов не окончился осуждением».

Что это может означать? Только то, что мы зря, огульно не сажаем людей на скамью подсудимых. Обвинительная власть и органы предварительного расследования, прежде чем посадить на скамью подсудимых по обвинению в том или другом преступлении граждан своей или чужой страны, в высокой степени тщательно взвешивают все обстоятельства, в высокой степени осторожно относятся к этому акту.

Но если британский министр торговли имел в виду сказать, что ни в одном из таких процессов мы не встречаемся с оправдательными приговорами, то это уже переходит в прямое искажение имеющих место фактов. И для того чтобы долго на этом вопросе не останавливаться и чтобы так, на ходу, опровергнуть подобного рода утверждения, я обращаюсь к одной исторической справке, которая касается Шахтинского процесса, по которому были оправданы Потемкин, Штельбринк, Отто и Мейер — четверо из обвиняемых по этому крупнейшему вредительскому процессу, по процессу контрреволюции в Донбассе, о контрреволюционной организации, пытавшейся взорвать нашу всесоюзную кочегарку, нанести тяжелый удар по нашему тепловому хозяйству.

Как же можно после этого говорить о том, что у нас процессы кончаются всегда осуждением? Правда, английский министр торговли говорит о тщательных изысканиях, которые им были предварительно произведены, чтобы сделать, тот вывод, которым он поделился в палате общин со своими согражданами. Но нужно сказать, что эти тщательные изыскания столь же очевидно дефектны, как и кое-какие турбины фирмы «Метро-Виккерс», о которых вчера здесь говорил гражданин Монкгауз.

Вы знаете, что буржуазия всегда пытается скрыть истинную классовую природу всех своих учреждений и, в частности, такого, каким является суд. Можно было бы привести целый ряд в высокой степени авторитетных и ценных фактов, которые говорят именно об этой исторической и постоянной практике капиталистических и эксплуататорских классов, пытающихся скрыть и замазать истинную, эксплуататорскую сущность своих государственных учреждений, в частности — своего суда.

Но, товарищи судьи, это давно, давно уже было очень хорошо и исчерпывающим образом разоблачено, в частности и в отношении того, что собой представляют хваленые суды хотя бы английского государства. У Энгельса в его «Английской конституции» с исчерпывающей и убийственной характеристикой дается анализ классовой природы судов капиталистических стран. Говорится, что «английский суд присяжных, как самый выработанный, есть завершение юридической лжи и безнравственности». И в самом деле, что представляет собой любой суд капиталистической страны.

Энгельс об английском суде говорит так: «Кто слишком беден... получает на предварительный просмотр только обвинительный акт, первоначально данные мировому судье показания и, следовательно, не знает в подробностях собранных против него улик (а это как раз для невинных опаснее всего); он должен тотчас же, по окончании обвинения, отвечать, говорить, может только один раз; если он не исчерпает всего, если не достанет свидетеля, которого он считал нужным, — он погиб».

После этого нам говорят о том, что правосудие как раз царит в тех странах, где имеет место порядок, нашедший себе уже много десятков лет тому назад такую беспощадную оценку, какая дана этим учреждениям одним из основоположников научного социализма и одним из величайших наших учителей — Фридрихом Энгельсом. Но с тех пор прошло много лет, и каждый год приносит новые и новые примеры, подтверждающие исключительную правильность именно этой оценки. И на сегодня мы могли бы таких примеров найти несчетное число.

Классовая юстиция всем своим острием направлена против интересов трудящихся и по существу не является юстицией, правосудием. Английский журнал «Нью лидер» характеризует мирутский процесс «как величайший скандал в области политических преследований, наиболее позорный в судебных анналах мира». И кто же из людей, следящих за печатью, не знает, что уже больше 4 лет тянется этот чудовищный процесс, в котором над 30 революционерами индусами и англичанами, обвиняющимися в коммунистической деятельности и в организации революционного профессионального движения, в буквальном смысле слова издевается классовая юстиция. 4 года тянулось следствие с допросами при помощи всех тех методов, которые нашли свое применение и в недавно прошедшем в Англии процессе по обвинению в шпионаже офицера Стюарта: «третья степень», содержание в нечеловеческих условиях, все меры подлинного физического и морального воздействия, — все это было пущено в ход этим буржуазным так называемым

правосудием, в защиту которого сейчас выступают буржуазные парламентарии, осмеливающиеся со своих парламентских трибун бросать столь же голословные, сколь оскорбительные обвинения по отношению к единственной подлинно свободной в мире стране — к Советской стране, по отношению к единственному в мире подлинному правосудию — правосудию советского суда, где осуществляется воля пролетариата, творящего новую жизнь, строящего новое, социалистическое общество.

Этим господам не нравится и наш процессуальный порядок, касающийся предварительного следствия, которому в тех же самых дебатах уделялось очень много внимания, как и всему этому делу и общим вопросам наших судебно-процессуальных порядков, которых я не могу не коснуться сейчас. В этой связи в этих дебатах говорилось, в частности, о том, что у нас на предварительном следствии обвиняемые не пользуются никакой защитой. Один из этих «остроумных» парламентариев заявил: «Прежде признание, а юридическая помощь потом...» Мы видели уже по реплике Криппса, по реплике Керквуда, где именно действительно — бывает так, что люди, привлеченные к ответственности, в действительности лишаются всякой защиты. Да, наш процессуальный кодекс и наше процессуальное право в стадии предварительного расследования не знают участия защиты, но это потому, что самый наш закон — и я должен об этом напомнить сегодня, и, в частности, статьи 111 и 112 Уголовно-процессуального кодекса на самые государственные органы возлагают обязанность всестороннего и полного исследования дела — обязанность исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие привлеченных к ответственности, как усиливающие, так и смягчающие ответственность.

И когда наши враги говорят в порыве классового гнева и слепой классовой ненависти, что при этих условиях не может идти речь о гарантиях, обеспечивающих установление судебной истины, и хотят сослаться на другие, так называемые цивилизованные страны, то очень нетрудно будет отвести подобного рода нападения хотя бы ссылкой на один из новейших германских уголовно-процессуальных кодексов, именно на кодекс 1924 года. Я говорю именно о тех годах, а не о сегодняшней эпохе, связанной с торжеством в Германии фашизма. В соответствии с параграфом 147, защита, допускаемая к участию в предварительном следствии, допускается к просмотру материалов предварительного следствия лишь в том случае, «если это не угрожает каким-либо ущербом целям и задачам предварительного расследования».

Мы гарантируем права обвиняемых не только на суде, но и в процессе предварительного расследования и, в частности, при помощи той ст. 206 Уголовно-процессуального кодекса, о которой мы уже не раз говорили в процессе судебного следствия.

Я этим вопросом занимаюсь только потому, что все те общие разговоры, которые имели место в палате общин о нашем правосудии, о нашей судебной системе, о наших процессуальных порядках, имели место не абстрактно, — они имели место в связи с настоящим делом и в прямом расчете определенных кругов английской буржуазии дискредитировать и предварительное расследование по этому делу и самый суд, который, конечно, должен иметь в виду и материалы предварительного расследования.

Больше того, мы были здесь свидетелями того, как некоторые подсудимые — я назову Торнтон, я назову Монкгауза, — по крайней мере, пытались осуществить здесь перед нашим судом, в ходе нашего судебного следствия, в сущности говоря, ту линию, которая была им заказана и нашла свое отражение в первом выпуске известной нам всем так называемой «Белой книги»: басня Торнтон о «моральном давлении», с которым он так постыдно оскандалился, басня Монкгауза о 18-часовом допросе, который в английском парламенте превратился в 19-часовой допрос (еще час набежал), версия, — я не знаю, кто был инициатором ее, — но версия, здесь публично испробованная Монкгаузом в качестве метода своей защиты, за которую он должен был поплатиться необходимостью принести Верховному суду свое извинение.

Все это, товарищи судьи, стоит в прямом соответствии с одной телеграммой, опубликованной в «Белой книге» за подписью сэра Ванситтарта, на имя сэра Эсмонда Овия, которую я хотел бы здесь продемонстрировать, — это документ, носящий номер 27. Эта телеграмма приподнимает кой-какую завесу в инциденте с выступлением на суде Монкгауза. «Советский посол, — телеграфирует Ванситтарт сэру Овию, — был у меня по моему требованию». Так сказано в документе 27, опубликованном в «Белой книге». «Я сказал, — читаем мы дальше, — что из того, что произошло вчера в палате общин, он должен знать причины данного свидания. Негодование в этой стране (в Англии) по поводу произвольных арестов и грубого обращения с британскими подданными в России растет, будет продолжать расти и будет продолжать расти обоснованно. Широко распространено чувство, что обвинения против этих людей нелепы и истеричны и что эти аресты были инсценированы и к тому же очень плохой были инсценировкой, поставленной просто для того, чтобы путем выставления козлов отпущения (это Торнтон и Монкгауз — козлы отпущения!) замаскировать неудачи кой-каких промышленных мероприятий в России».

«Советское правительство, — говорится в этом документе, может говорить, что хочет, но общественное мнение здесь никогда не посмотрит на эту постановку в каком-либо ином свете».

Итак, 16 марта была послана, занесенная в историю данного процесса и английской дипломатии, эта телеграмма под номером 27, а вчера, 15 апреля, в утреннем заседании имело место выступление Монкгауза, который пытался, как он заявил, довести до сведения суда свою декларацию о том, что «этот процесс есть инсценировка против фирмы «Метро-Виккерс» путем показаний запуганных подсудимых. Но даже такой «пугливый» человек, как Торнтон, не мог привести ни одного факта, который говорил бы о том, каким именно образом он был напуган, и единственно, что он сказал в этом случае, — это следующее: «Я сам не знаю, чего я испугался».

Я уже сказал, что я не знаю, кто кого здесь соответствующим образом инспирирует, но для меня несомненно, что английское общественное мнение введено в заблуждение целым рядом искусно предпринятых маневров. Я думаю, что будет величайшей заслугой этого процесса, нашего суда по этому делу, разоблачение этих извращений, восстановление действительности, какой она была на самом деле, что показало бы общественному мнению Англии и даже тем

кругам, которые настроены враждебно против нашего государства, что они оказались и на этот раз жестоко введенными в заблуждение. И в самом деле, мы имеем заявление министра иностранных дел о том, что Монкгауз, «не имея предъявленного ему обвинения и будучи увезенным в тюрьму в ранние часы утра, был подвергнут в 8 часов утра первому допросу, продолжавшемуся 19 часов без перерыва».

«Я, — говорит оратор, — справлялся у посла относительно допрашивающих, — со стороны допрашивающих были три смены следователей, которые сменяли один другого, но со стороны допрашиваемого (как само собой разумеется) все время было одно и то же лицо».

Интересное, конечно, сообщение, которое могло, разумеется, внушить очень печальные настроения даже самым непредубежденным против наших процессуальных порядков джентльменам. В самом деле, непрерывные 19 часов допроса, бедная жертва этого допроса джентльмен Монкгауз, один против трех смен следователей — все один за другим атакуют этого несчастного Монкгауза.

19 часов. Вероятно, первый солгавший был сам Монкгауз. Это он солгал, это он пустил в ход версию о 19 часах. Ее подхватили те, кому это было удобно и выгодно, ее пустили широко в оборот, мобилизовали общественное мнение и хотели на этом построить свои требования в связи с этим процессом, — требования, с негодованием нами отвергнутые.

Некогда здесь вчера Монкгауз заявил: «Я признаю свою ошибку, я извиняюсь», — то мне казалось, что он извиняется не перед нами, товарищи судьи, он извиняется перед теми, кого он обманул. А как обстояло дело на самом деле? Мы вчера об этом говорили достаточно подробно, но разрешите мне очень кратко коснуться этого и сегодня. Я продолжу сообщение, которое было сделано в палате общин министром иностранных дел: «Мистера Монкгауза отвели обратно в его камеру около 3 часов утра 13 марта, где он и оставался до 7 час. 30 мин. В 7 час. 30 минут он был подвергнут второму допросу, который продолжался около 17 часов. Итого за двое суток — 36 часов, 36 часов почти непрерывного допроса».

36 часов. А оказалось что? Оказалось то, что Монкгауз уличен во лжи, что ничего подобного не было, что все то, что говорилось в палате общин, над чем трудятся почтенные джентльмены, в связи с этим заявлением является прямыми издержками производства, и я на их месте обязательно предъявил бы гражданский иск Монкгаузу... за потерянное время.

* * *

Мы не впервые встречаемся с инсинуированием, с фальсифицированием, с клеветой на наш суд, на наши судебные процессы. Так было, когда мы рассматривали Шахтинское дело. Так было, когда мы рассматривали дело «Промпартии». Так было, когда мы рассматривали дело так называемого Центрального бюро меньшевиков. Нам особенно нечего удивляться этому методу борьбы, которая ведется против нас, и не только остатками той буржуазии, какая ниспровергнута и Октябрем и всеми 15 годами нашей эпохи социалистического строительства, но и господствующей в разных капиталистических странах буржуазией, и идейно и очень часто материально через свои определенные круги связанной с остатками разбитых и разгромленных Октябрьской

революцией капиталистических эксплуататорских классов в нашей стране, находящих всегда поддержку в этих наиболее агрессивных и реакционных кругах мировой буржуазии.

Однако особенности настоящего процесса не в том потоке клеветы и инсинуаций, о которых мы только что говорили и которыми наши враги, как я уже сказал, встречают обычно каждый процесс о вредительстве, каждый наш удар по контрреволюционным заговорам, по контрреволюционным заговорщикам.

Особенности этого процесса заключаются в том, что он отражает собой величайшую классовую схватку, являясь в подлинном смысле этого слова актом классовой борьбы, борьбы двух миров. Особенность процесса в том, что все эти пять дней нашей судебной работы являются по существу пятью днями классовой битвы, в которой столкнулись два мира идей, два мира принципов, два мира понятий, два мира социальных стремлений и принципиально противоположных классовых интересов. При всем отличии этого процесса о вредительстве от процессов о вредительстве прошлых лет особенностью этого процесса является именно то, что это процесс о вредителях, которые остаются еще на нашей земле, несмотря на то, что все их попытки, до сих пор направлявшиеся против успехов социалистического строительства, неизменно оканчивались жестоким поражением.

Говоря о положении вещей в этой области в период Шахтинского процесса, товарищ Сталин указывал, что «вредительство составляло тогда своего рода моду», что тогда «одни вредили, другие покрывали вредителей, третьи умывали руки и соблюдали нейтралитет, четвертые колебались между Советской властью и вредителями». С тех пор положение в среде старой производственно-технической интеллигенции изменилось. Сейчас имеются «определенные признаки поворота известной части этой интеллигенции, ранее сочувствовавшей вредителям, в сторону Советской власти»». Но товарищ Сталин предупреждал, что это не значит, что у нас нет больше вредителей. «Вредители, — говорил товарищ Сталин, — есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение». Вот почему очень важно сейчас отметить, что вредительские акты еще имеют место, что они организуются в таких важнейших отраслях социалистического хозяйства и социалистической промышленности, какой является область электростроительства, электрификации, электроснабжения, — область, являющаяся одной из важнейших отраслей нашего хозяйственного строительства...

Правда, сейчас мы имеем иные формы классового сопротивления, чем это было несколько лет тому назад. Еще по поводу Шахтинского дела апрельским пленумом ЦК нашей партии было указано на своеобразие этого вида преступления, именно как проявления особой, новой формы классового сопротивления буржуазии успехам нашего социалистического строительства. Это нужно будет сказать, и это нужно будет с особой силой подчеркнуть и в настоящее время.

Однако одновременно нужно будет сказать, что, несмотря на всю новизну оттенков и форм, в которых выражается это сопротивление низвергнутых, разгромленных, пущенных ко дну, ликвидированных в своем экономическом и

политическом господстве капиталистических эксплуататорских классов, за этими новыми формами скрывается старая, не ослабевающая, но, наоборот, усиливающаяся классовая ненависть наших врагов к делу социалистического строительства.

«Надо иметь в виду... — говорил товарищ Сталин, — то обстоятельство, что наша работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, рвущая экономические связи капитализма и опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызывать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Оно так и есть, как известно. Злостное вредительство верхушки буржуазной интеллигенции во всех отраслях нашей промышленности, зверская борьба кулачества против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий Советской власти со стороны бюрократических элементов аппарата, являющихся агентурой классового врага,— таковы пока что главные формы сопротивления отживающих классов нашей страны. Ясно, что эти обстоятельства не могут послужить к облегчению нашей работы по реконструкции народного хозяйства.

Надо иметь в виду... — продолжал товарищ Сталин, — то обстоятельство, что сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения. Капиталистическое окружение нельзя рассматривать, как простое географическое понятие. Капиталистическое окружение — это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально, и материально, и путем финансовой блокады, и, при случае, путем военной интервенции. Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне. Империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал прочно на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира в СССР».

* * *

Одной из иллюстраций, тяжелой и яркой иллюстрацией этой классовой борьбы является этот процесс, отразивший собой преступную деятельность отдельных контрреволюционных групп, гнездящихся еще кое-где в СССР, пытающихся не только сорвать, задержать, замедлить работу наших предприятий, но даже взорвать отдельные предприятия, отдельные участки нашего социалистического строительства, нанести урон нашей социалистической стройке.

И вот то, что мы здесь видели в течение этих дней, все то, что мы слышали от самих подсудимых, — все это убедительно говорит, действительно, о тех классовых отношениях, о том своеобразии нынешних форм этой классовой борьбы, проявляющейся, в частности, и в актах вредительства.

Было бы, однако, в высшей степени ошибочным представлять себе положение вещей так, что этот процесс электриков-вредителей свидетельствует о том, о чем свидетельствовал в свое время Шахтинский процесс, — что и сейчас

мы имеем дело с широко распространенным явлением вредительства в кругах технической интеллигенции. Шахтинское дело свидетельствовало о том, что это вредительство являлось своего рода модой: одни вредили, другие прикрывали, третьи помогали. Шахтинский процесс отражал довольно распространенное, к стыду нашей технической интеллигенции, в то время явление в ее среде. Ныне дело обстоит не так. Было бы в высокой степени ошибочно допускать какую бы то ни было в этом отношении параллель между этим процессом и Шахтинским процессом, между тем и нынешним отношением к вредительству нашей технической интеллигенции.

Несомненно, за эти годы в силу и в зависимости от тех величайших процессов, которые произошли в нашей стране, одержавшей крупнейшие, гигантские победы в деле социалистического строительства, произошел перелом и в настроении и в сознании широких кругов технической интеллигенции. Этот вывод ни в какой мере не может быть поколеблен тем фактом, что в 1931/32 году еще нашлась какая-то группа вредителей, что, оказывается, еще не все вредители перевелись на нашей советской земле. В этом нет ничего ни неожиданного, ни удивительного. Но они лишь ничтожные отщепенцы, отбросы технической интеллигенции.

Когда товарищ Сталин в своей исторической речи о новой обстановке и новых задачах хозяйственного строительства говорил о том переломе, который произошел в среде технической интеллигенции за время от Шахтинского процесса примерно к моменту опубликования этой его исторической речи, он говорил одновременно и о том, что этот перелом еще не означает того, что в среде этой технической интеллигенции у нас не будет больше вредителей. И здесь, как всегда, товарищ Сталин оказался прав. «Вредители есть, — сказал товарищ Сталин, — и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение. Но это значит, что коль скоро значительная часть старой технической интеллигенции, так или иначе сочувствовавшая ранее вредителям, повернула теперь в сторону Советской власти, — активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье». А те, которых мы из подполья сейчас вытащили за ушко да на солнышко, производят впечатление, в своей подавляющей массе, в своем подавляющем большинстве, я бы сказал, «вредителей второго сорта»...

В чем основное содержание преступлений, которые инкриминируются по данному делу этим людям на скамьях подсудимых?

Государственное обвинение формулирует эти обвинения, главным образом направляя свое внимание по трем основным линиям, по трем основным группам совершенных подсудимыми контрреволюционных преступлений, а именно: 1) умышленная порча механизмов, агрегатов, оборудования; 2) военный шпионаж; 3) подкуп. Тячайшие преступления, совершенные подсудимыми против государства пролетарской диктатуры, против Советской страны, против своего народа!

В высокой степени характерно, что именно здесь, как во всех вредительских контрреволюционных группах, всегда так называемые идейные побуждения смешиваются или переплетаются с грубой, низменной, материальной заинтересованностью, именно в этом процессе это особенно ярко сказывается.

Я напомним здесь объяснения некоторых подсудимых, которые на мой вопрос: «Чем же вы руководствовались?» — и даже на вопрос своих собственных защитников: «Руководствовались ли вы материальными побуждениями или идейными побуждениями?» — мялись, разводили руками и говорили, что они затрудняются определить, затрудняются ответить на этот вопрос, до такой степени у них все это перепуталось, до такой степени они оказываются и политически и морально разложившимися. Это не случайно, это тоже есть явление времени, явление, как раз характерное для той эпохи, когда, с одной стороны, рабочий класс гигантски растёт во всех областях своего творческого строительства, растёт культурно, растёт экономически, растёт политически, в то же самое время как эти последние остатки, эти разбитые осколки капиталистических классов все более и более проявляют свое и культурное, и духовное, и моральное ничтожество, разложение и вырождение.

* * *

Почему вредительство, шпионаж и подкуп здесь так причудливо сплетаются в действиях чуть ли не любого из обвиняемых по настоящему делу? Мы судим электриков-вредителей, организовавшихся в контрреволюционные группы, чтобы нанести свой удар по советскому хозяйству, борющемуся за свои все новые и новые успехи. Конечно, мы заранее были уверены — и действительность это красноречиво подтверждает, — что все и всякие подобного рода попытки никогда и ни в какой мере не сумеют привести к тем результатам, о которых мечтают вредители, что все эти вредительские карты будут биты и в лучшем случае могут превратиться, как это доказывает и настоящий процесс, в кратковременные остановки турбин, в непродолжительные по времени затруднения, которые благодаря бдительности, творческой энергии, энтузиазму пролетарских масс быстро и решительно устраняются и исправляются, парализуя действия этих вредителей, нейтрализуя и ликвидируя их растлевающее влияние. И действительно, несмотря на все вредительские усилия, несмотря на всю их подрывную работу, мы имеем в области электрификации поразительные успехи. Об этих успехах говорят такие факты, как наличие у нас 10 станций мощностью свыше 100 тысяч киловатт — Кашира, Штеровка, Шатура, «Красный Октябрь» (Ленинград), Могэс, Зугрэс, Днепрогэс, Нигрэс, Челябингэс, Бакинская «Красная звезда». Мы имеем громадные успехи в области электрификации, являющейся, по историческому замечанию Владимира Ильича, важнейшим элементом коммунизма, ибо, как вы помните, по словам товарища Ленина, «коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Мы имели в 1928 году только 18 районных станций, с мощностью 610 тысяч киловатт, а в 1932 году мы имеем 44 станции с мощностью 21/2 миллиона киловатт. Мы имеем теперь мощность всех станций в 4 600 000 киловатт против 1 875 000 киловатт в начале первой пятилетки.

Мы имели в 1928 году количество электроэнергии, измеряемое в 5 миллиардов киловатт-часов, а в 1932 году мы имеем 13^{1/2} миллиардов киловатт-часов в год.

Ну-ка, вредители,— что вы на это скажете? Пропали ваши усилия и не могли не пропасть, потому что против вас стоит непобедимой стеной пролетариат, против вас стоит непобедимой стеной честная советская интеллигенция, вместе с рабочим классом строящая социалистическое общество, против вас стоит во всеоружии пролетарская диктатура, а вы — лишь жалкая группа отщепенцев технической интеллигенции, группа, отмеченная клеймом позора.

Я уже указывал на то, что мы благодаря величайшим усилиям, величайшим жертвам, величайшему самопожертвованию, настойчивости, труду имеем 10 станций мощностью свыше 100 тысяч киловатт. Среди них имеются те самые станции, с которыми нам сейчас, к сожалению, приходится иметь дело, когда мы говорим о вредительских группах, о контрреволюционных гнездах, пытавшихся разрушить молодой организм этого еще строящегося участка нашего социалистического хозяйства.

В настоящее время, как я уже сказал, изменились в значительной степени по сравнению с тем, что мы имели в прошлые годы, и методы вредительства.

В данном деле со всей отчетливостью сказались основные четыре способа вредительства: во-первых, заведомое, умышленное сокрытие государственными служащими, поставленными на ответственные посты, тех дефектов, устранение которых являлось их первой и прямой обязанностью.

Второе — затягивание работ всякими искусственными способами: ненужным ремонтом, плохим монтажом и т. д., удлинением пусковых периодов, отсрочиванием испытательных сроков, наибольшим удлинением этих сроков.

Третье — прямая порча агрегатов, как это мы видели, например, в случае, о котором здесь так эпически спокойно повествовал Гусев, когда рассказывал о порче им мотора в 1400 л. е., или Котляревский, когда говорил о том, как он сунул болт в междужелезное пространство между ротором и статором и вывел таким приемом турбогенератор из строя.

Четвертое — более утонченные, более искусные, более хитрые и более скрытые, замаскированные методы вредительства, удара по нашему хозяйству, когда сознательно подбираются соответствующие вредительским целям кадры, когда сознательно ставятся на более ответственные участки работы менее подготовленные для этой работы люди, когда более ответственная и важная работа заведомо и сознательно для организующих это вредительское дело поручается тем, кто менее подготовлен или вовсе не подготовлен к этой работе, с прямым расчетом, что непроверенный кочегар заснет, что неопытный механик не поймет, в чем дело, не сумеет вовремя открыть клапан, который нужно открыть, или, наоборот, закроет клапан, который не нужно закрывать, и т. д. и т. п. Вот нынешние методы и способы вредительства, которые обладают всеми необходимыми для успеха этого вредительства качествами, когда вредитель может действовать с очень малым риском, когда, действуя таким образом, он может рассчитывать на очень большую безнаказанность, когда он, наконец, может рассчитывать на длительность самого срока своей вредительской работы. Эти вредительские действия тем и опасны, что они, очень часто сами по себе мелкие, в то же время, производимые систематически изо дня в день, на каждом шагу, затрагивая каждый агрегат или множество отдельных агрегатов, именно этой своей обыденностью и повседневностью способны у некоторых притуплять чуткое и настороженное отношение к этим явлениям.

Здесь характерна именно форма этих вредительских актов, очень удобная для того, чтобы прикрыть это вредительство всякого рода «объективными причинами», «неполадками», тем, что как будто вовсе не зависит от злой человеческой воли.

Это в высшей степени характерно сказывается на анализе целого ряда аварий, с которыми мы встречаемся в настоящем деле и которые будут дальше служить предметом моего более подробного анализа.

Мы знаем, что в настоящее время классовый враг, разгромленный, разбитый, не сможет, не сумеет, как бы он этого ни хотел, пойти прямой атакой против советской власти, против социалистического строительства, на каком бы участке этого строительства он ни обнаружил свое присутствие. Мы знаем, что от этих прямых, лобовых ударов классовый враг, потерпевший жесточайшее поражение, перешел к другим методам, действуя так называемой тихой сапой. Именно этим объясняется то, что он становится менее легко уловимым, менее легко уязвимым и менее, следовательно, доступным для изоляции...

* * *

Нужно сразу же сказать, что мы к государственным служащим, нарушившим свой долг перед государством, потерявшим чувство своей родины, забывшим свой долг перед своим социалистическим отечеством, должны подходить и подойдем самым суровым образом, безотносительно к тому, явились ли они «жертвой» чьего-либо коварства или же пошли по пути преступления самостоятельно, независимо ни от каких посторонних влияний.

Мы должны раз навсегда и, пользуясь высокой трибуной Специального присутствия Верховного суда, на всю нашу страну заявить о том, что государственные служащие есть государственные служащие, к которым у нас будет отношение как к государственным изменникам в тех случаях, когда они будут действовать так, как действуют подсудимые, привлеченные к уголовной ответственности по настоящему делу.

Я должен буду напомнить постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР от 14 марта этого года, которое, хотя и обращено непосредственно к ОГПУ, имеет для нас глубочайшее принципиальное значение, постановление, которое говорит об особо строгой ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты, ими совершаемые, за которые они должны отвечать особо строго, и что эта особая строгость будет применена по отношению ко всем уличенным в этих преступлениях служащим в государственных учреждениях и предприятиях. Каждый гражданин нашей страны, состоящий на службе в наших государственных учреждениях и предприятиях, которому вверен определенный участок работы, на ответственности которого лежит правильное функционирование того или иного учреждения или предприятия, являющегося элементом, составной частью всей системы нашего государственного устройства, должен нести особую ответственность перед своим обществом, перед своим народом. От этой ответственности он не может быть освобожден ни в малейшей степени, независимо от того, сам ли он пошел по пути преступления,

или его кто-то повел по этому пути преступления, или с ним еще кто-то пошел по этому пути преступления.

Вот почему государственное обвинение, поддерживающее обвинение по настоящему делу против лиц, сидящих на скамье подсудимых, будет и в дальнейшей своей оценке и квалификации степени ответственности и вины отдельных подсудимых; исходить именно из этих соображений, имея в виду, что мы должны самым суровым образом ответить на каждую попытку изменить своему долгу государственного служащего, и я бы сказал даже больше, — даже независимо от степени и объема причиненного государству этими преступлениями вреда.

В этом деле государственное обвинение считает основными и главными виновниками государственных служащих, и против них обвинение в первую очередь направляет свое острие, улики, доказательства и требования суровой уголовной репрессии. Ибо именно они — государственные служащие — обязались честно работать на пролетарское государство и изменили этому обязательству, изменили своему долгу, предали свое пролетарское государство. Мы к ним относимся поэтому иначе, чем относимся к служащим частных фирм, частных контор и своих и чужих. Мы должны особенно подчеркнуть сугубую ответственность наших государственных служащих по сравнению с ответственностью специалистов-иностранцев или вообще иностранцев, может быть, не специалистов или иных специалистов, чем те, за которых мы их принимали, явившихся к нам работать, участвовать в нашем общем государственном строительстве. Конечно, отвратительны, безобразны преступления, совершенные Торнтонами и Монкгаузами, Кушни и Макдональдами. Но нет слов, чтобы выразить все чувство негодования, чтобы найти формулу презрения, говоря об ответственности государственных служащих нашей страны, забывших свой долг перед страной, изменивших своей социалистической родине. Они изменяли, изменяли настолько систематично, настолько повседневно, что, в сущности говоря, некоторые из них даже забывали, чьи они служащие, и вели себя так, как будто они являются служащими не государственного учреждения, а служащими тех коммерческих предприятий, которые сами несут очень высокие обязательства и очень высокую ответственность перед нашим государством, с которым они вступают в те или иные деловые отношения.

* * *

Я уже сказал, что государственное обвинение строит свое обвинение по отношению к подсудимым по настоящему делу по трем основным направлениям.

Это раньше всего умышленная порча агрегатов, оборудования. Это, во-вторых, военный шпионаж и, в-третьих, та система подкупов, с которой мы столкнулись в очень широком виде при рассмотрении индивидуальных преступлений отдельных, привлеченных к ответственности по настоящему делу, подсудимых.

По вопросу о военном шпионаже в ходе судебного следствия было много разговоров, и некоторые из подсудимых делали вид, что они, в сущности говоря,

недостаточно ясно себе представляли содержание этого понятия. Это очень упорно и настойчиво пытался нам здесь внушить Торнтон, который говорил, что шпионаж в его представлении (а эту версию поддерживал и Монкгауз, а за ними двумя шли потом и другие обвиняемые из английских граждан, например Кушни) очень серьезно расходится с теми представлениями, какие он получил в процессе предварительного расследования из формулировок предъявляемых ему обвинений. Все они делали вид, что шпионаж по нашему советскому праву в их представлении есть собирание «всяких» сведений и что там, когда они говорили о признании себя виновными в собирании шпионских сведений, они говорили, если хотите, и правду и неправду. Правду потому, что они употребляли эти слова «шпионские сведения», а неправду потому, что под этими словами они представляли себе совершенно не то содержание, которое соответствует статьям нашего Уголовного кодекса.

Я думаю, что в этот вопрос нужно внести полную ясность. Мы словом «шпионаж» не играем. Мы имеем совершенно точное и ясное представление о том, что такое шпионаж как контрреволюционное преступление, и мы вправе требовать от каждого прибывающего на территорию нашей страны такого же ясного и точного представления о том, как наш закон и наше государство понимают значение этого слова, значение и содержание этого преступления. Я хочу остановиться на теоретическом, если позволено будет так сказать, хотя и очень беглом, изложении понятия шпионажа по нашему праву.

Я хотел бы также просить разрешения, ввиду интереса некоторых параллелей, коснуться этого вопроса и с точки зрения иностранного права, права иностранных государств и в том числе английского права, статутного права.

Мне кажется, это будет не бесполезно для нашего дела с точки зрения характеристики или оценки индивидуальной ответственности того или иного подсудимого по настоящему делу в связи с предъявленными к ним в этой области обвинениями.

Мы знаем, что и отдельные лица, находящиеся на нашей территории, и даже целые группы этих лиц занимаются собиранием разнообразных сведений на территории нашей страны. Но мы никогда не предъявляли и не думаем предъявлять кому-нибудь обвинение в шпионаже на основании только того, что кто-либо, вращающийся в тех или иных кругах нашего общества, вполне легальными путями получает те или иные сведения и об экономическом положении нашей страны, и об урожае, и о ходе той или другой хозяйственно-политической кампании, скажем, посевной или хлебозаготовительной, или о тех или иных даже затруднениях, которые переживает та или иная отрасль нашей промышленности или нашего хозяйства, неизменно растущего в процессе постоянного и победоносного преодоления возникающих на его пути затруднений. Мы не вменяем никогда в вину и не можем рассматривать как основание для привлечения к ответственности по обвинению в шпионаже, экономическом или политическом и тех, кто пользуется различного рода сведениями — о политических настроениях тех или иных кругов нашего общества, даже если он эти сведения о политических настроениях этих кругов попытается в той или иной обстановке направить против наших интересов. Мы не можем, скажем, требовать, чтобы лица, принадлежащие к другим классам, стоящие на почве совершенно иных,

свойственных им классовых интересов, имеющих совершенно определенное миропонимание и отношение к окружающей их действительности, воспринимали явления нашей действительности так, как воспринимаем мы, советские люди.

Мы никогда не ставим и не поставим вопроса об ответственности по статье 58.6 Уголовного кодекса, когда будем иметь дело с получением или даже собиранием сведений такого рода, о которых я только что доложил суду, т. е. таких сведений, как сведения об экономическом положении, о политических настроениях, об урожае, о разного рода хозяйственных кампаниях и т. д. и т. п.

Но, разумеется, это не дает и не должно давать никому никаких оснований пытаться прикрывать действительно шпионскую работу в — настоящем значении этого слова указанием на то, что это «обывательские сведения», как пытался утверждать здесь Торнтон, ссылаясь к тому же на якобы очень широкое понимание шпионажа с точки зрения нашего советского права. А Торнтон так и говорит, что, признавая себя виновным в шпионаже, он думал, что у нас шпионскими сведениями считаются не сведения, имеющие военно-государственное значение, как это есть на самом деле, а всякие сведения, и в том числе такого рода сведения, о которых мы говорили уже выше. Почему он мог так говорить? Может быть, потому, что хотел использовать действительно достаточно широкие определения в этой области права капиталистических стран, согласно которым под шпионаж можно подвести и такие действия, которые направляются и против интересов отдельных капиталистических групп или даже отдельных капиталистов.

Наше право для этого не дает никаких оснований. Мы имеем совершенно точное понятие о шпионаже. Оно в высокой степени точно изложено в наших действующих законах, и с точки зрения именно наших действующих законов мы и постараемся строить свое обвинение в шпионаже, которое мы предъявляем по нашему делу целому ряду обвиняемых.

● * * *

Несколько слов о том, как смотрят на вопрос о шпионаже различные иностранные государства. Если обратиться к английскому праву, то мы здесь для ответа на данный вопрос имеем материал в виде закона 22 августа 1911 г. о государственных тайнах и такой же закон под аналогичным названием от 1920 года. Статья 2-я закона о государственных тайнах от 22 августа 1911 г., представляющего собой новую редакцию закона 1889 года, гласит следующее: «При уголовном преследовании на основании этой статьи не требуется, чтобы вина обвиняемого была установлена каким-либо определенным действием, доказывающим цель, угрожающую безопасности и интересам государства. Обвиняемый может быть осужден, хотя бы такое деяние и не было установлено, если из обстоятельств дела, из его поведения или из доказанных свойств его характера явствует, что цель, которую он преследовал, заключала в себе угрозу и опасность интересам государства».

Вот так буржуазия защищает интересы своего государства, свои классовые интересы, когда ставит вопрос об ответственности по статьям о шпионаже.

И дальше: «Если какой-нибудь снимок, план, образец, материал, заметка, документ или сведения, имеющие отношение к месту, запрещенному в смысле настоящего закона, или к предмету, находящемуся в таком месте, или

используемые в нем, будут собраны, оглашены или переданы лицом, не имеющим на то законных полномочий, то до тех пор, пока противное не будет доказано, должно считаться, что названные предметы или сведения были изготовлены, добыты, собраны, записаны, оглашены или переданы с целью, угрожающей безопасности интересов государства».

Вот как буржуазия защищает свои интересы в этой области.

А что такое с точки зрения английского закона 1911 года эти самые «запретные места», т. е. «места, запретные в смысле настоящего закона»? Ответ на этот вопрос, и очень ясный ответ, дает следующая 3-я статья, которая состоит, из целого ряда разделов, в том числе и раздела, содержащего следующий перечень:

«Все железнодорожные пути, дороги, проезды, каналы и иные средства сообщения по суше или по воде, включая все постройки, которые составляют их часть или находятся в связи с ними, все места, используемые для производства газовой, водяной или электрической энергии или для иной работы государственного значения» и т. д.

Вот что говорит эта статья, вероятно хорошо известная Торнтону, как бывшему военному и как настоящему военному шпиону.

Мы имеем посвященный тому же вопросу и другой английский закон, являющийся дополнением к только что оглашенным мною двум статьям из этого закона 1911 года,— это закон 23 декабря 1920 г., где точно так же, даже еще более решительно, буржуазия в своих интересах — я это еще раз подчеркиваю и повторяю — защищает и охраняет при помощи закона о шпионаже свои кровные, государственные интересы.

Я имею здесь в виду вторую статью этого закона, которая излагает чрезвычайно интересные мысли.

«При производстве дел, — говорится здесь, — о ком-нибудь по обвинению в преступлении, предусмотренном первой статьей Основного акта, факт, что лицо было в сношениях или сделало попытку установить сношение с иностранными агентами в пределах или за пределами Соединенного королевства, должен рассматриваться как доказательство того, что лицо с целью, угрожающей безопасности и интересам государства, получило или пыталось получить информацию, дающую повод предположить, что она прямо или косвенно полезна неприятелю или может быть полезна неприятелю, или получена с расчетом того, что она может быть ему полезна».

И дальше: «Должно считаться установленным, если только противное не будет доказано, что лицо было в сношениях с иностранным агентом» и т. д. и т. д.

Вот какие законы существуют, гражданин Торнтон, в вашем государстве, защищающем тайны военно-государственного характера, за нарушение которых применяются чрезвычайно серьезные наказания, за нарушение которых виновный в этом подвергается чрезвычайно серьезной ответственности. И после этого Торнтон пытался здесь прикинуться каким-то политическим младенцем, наивным человеком, не знающим,— что такое шпионаж, хотя и признавшим себя виновным в собирании, как он сам собственноручно писал в своих показаниях, шпионских сведений.

Наряду с этим право капиталистических государств знает еще понятие экономического шпионажа в смысле охранения так называемых промышленных тайн. Для примера можно сослаться хотя бы на германский закон от 9 марта 1932 г. Мы не знаем промышленных тайн в смысле капиталистического права, но у нас есть понятие экономического шпионажа, под которым понимается собирание и разглашение экономических сведений, являющихся сведениями, специально охраняемыми государством и перечисленными в перечне, специально указанном в соответствующих законодательных актах, в данном случае — постановлении Совнаркома СССР от 27 апреля 1926 г., которое содержит исчерпывающий перечень тех сведений, при разглашении которых имеется основание для предъявления обвинения в преступлении, подходящем под понятие экономического или военного шпионажа.

Конечно, различные мерки, различный подход к этим вопросам в различных государствах объясняются различной природой этих государств. Нужно вообще иметь в виду, когда мы говорим о государстве пролетарской диктатуры, о Советском государстве, что мы имеем дело с государством особого рода, которое осуществляет задачи защиты интересов рабочего класса, интересов трудящихся масс. Основная и единственная цель и задача нашего государства заключается в защите и охране этих интересов, в борьбе против всякого рода эксплуататорских явлений, против эксплуататорских классов. Конечно, наше государство совсем иного типа, иного рода, иной породы, чем эксплуататорские государства. Мы никогда не должны забывать, что самая природа нашего государства в отличие от буржуазных государств обязывает нас к иному подходу в решении различных задач нашего государственного строительства, чем это имеет место в буржуазных государствах.

Так обстоит дело, в частности, и с вопросом об ответственности наших государственных служащих, о которой я говорил в предыдущем своем изложении, когда я подчеркивал особое значение, которое мы придаем ответственности за совершенные против нашего государства преступления нашими служащими. Это объясняется тем, что наши служащие являются слугами трудового народа, что они являются служащими нашего государства, — которое является государством трудящихся масс, государством рабочих и крестьян, создающих все ценности, все блага, являющиеся основой и источником самого существования нашего государства. Этого нет ни в каком капиталистическом государстве. Отсюда различие в подходе к решению этого вопроса и в сфере уголовной политики.

В то время как буржуазия, создавая законы, направляемые и против служащих и против трудящихся вообще, действует исключительно в своих классовых интересах, в интересах меньшинства, противостоящих интересам масс, мы, направляя свои законы против служащих, изменяющих нашему государству, действуем в интересах трудящихся и в интересах государства трудящихся, которое защищается таким образом против изменников, против всяких попыток противопоставить себя и свои интересы интересам государства как государства трудящихся. То же самое и с особой силой нужно сказать и по вопросу, который я сейчас затрагиваю в связи с вопросом о шпионаже как преступлении, направляемом против государства трудящихся и с этой точки зрения перерастающем в наших глазах в величайшее преступление против

рабочего класса, против пролетариата и против всего будущего всей человеческой цивилизации, создаваемой победоносными успехами нашей пролетарской революции.

Отсюда — и те суровые уголовные репрессии, которые падают на головы всех тех, кто только попробует пустить в ход шпионаж против интересов пролетарского государства.

* * *

Третью группу преступлений, с которыми мы сейчас имеем дело в данном процессе, я озаглавил словом подкуп. И здесь нужно опять-таки исходить из принципиальных особенностей нашей советской жизни, нашего советского строя, с одной стороны, и принципиальных особенностей, которыми характеризуются быт, привычки, нравы и система взаимоотношений в различных кругах различных капиталистических стран, с другой. Монкгауз не мог согласиться с обвинением в оценке трех тысяч рублей, которые были даны Долгову в качестве взятки, утверждая, что это была не взятка, что это был подарок. Конечно, понятие взятки, понятие воровства, как и другие понятия, о которых я уже раньше говорил, у нас и в буржуазном обществе бывают очень часто различными, и это вполне естественно.

В. И. Ленин говорил об этом различии, что когда рабочий украдет булку, то его в буржуазной стране посадят за это в тюрьму, а когда богатый украдет железную дорогу, то его назначают сенатором... Это действительно свидетельствует о величайшем принципиальном различии взглядов на вещи: воровство бедняком куска хлеба в глазах буржуазии — преступление, воровство богатым целой железной дороги — это проявление большого государственного ума и большой государственной виртуозности, за это нужно назначить сенатором.

Так и в области взяток. Мы говорим о взятке как о разъедающем наш организм зле, с которым нужно самым жестоким, самым беспощадным образом бороться, стараясь выжечь каленым железом из системы наших отношений такие явления, как взяточничество. А между тем мы знаем, что в буржуазных кругах, отдельных, конечно, — я не хочу делать слишком широких здесь обобщений, — в отдельных буржуазных кругах: предпринимательских, деляческих, банкирских и т. д. и т. п., да и во всем буржуазном обществе в целом, когда мы говорим об этом принципиально, взятка не считается преступлением, ибо на взятке держится нередко все благополучие разных выскочек, карьеристов, парламентских и биржевых дельцов и т. д. и т. п.

Все ваши, граждане Монкгауз и Торнтон, разговоры о том, что это «подарок», потому что он «небольшой», потому что он дается за «работу», за то-то и то-то, для нас не убедительны. Такие «подарки» мы рассматриваем как взятку, потому что это есть такого рода действия, которые влекут за собой переключение внимания, энергии, стремлений, желаний, обязанностей от интересов государства к частным интересам, очень часто в определенных случаях противоположным интересам государства.

Да, да... и так это и с вашей фирмой, в отношении которой мы — я еще раз это повторяю — не имеем данных для привлечения по этому делу к уголовной ответственности, но которая, по вашим же собственным словам и показаниям,

гражданин Монкгауз, от которых вы пытались уйти после того, как вы их зафиксировали собственной подписью, — выполняет очень часто, сплошь и рядом недобросовестно свои обязанности по отношению к Советскому государству. Последнее вы здесь сами характеризовали таким образом, что если бы вы были покупателем, то не стали бы покупать такого оборудования, которое вы как продавец осмеливаетесь, однако, продавать за трудовые народные деньги, выплачиваемые вам нашей страной за это оборудование.

Пусть тот же самый Монкгауз, и пусть тот же самый Торнтон, и пусть те же самые другие их сограждане, о которых я индивидуально буду говорить в следующей части своей речи, передавая взятки нашим государственным служащим, подкупая этими взятками этих государственных служащих, переводя их на сторону своих интересов и противопоставляя их интересам нашего пролетарского государства, — пусть они не смеют прикрываться тем, что у них понятия об этих действиях связываются с понятием не о взятке, а о подарке. Законы их собственной страны не позволяют им ни думать, ни говорить, ни защищаться такими соображениями.

Я хочу напомнить здесь несколько законов английского статутного права, посвященных именно этому вопросу о взяточничестве. Вот, например, мы имеем закон 1889 года о взяточничестве в публично-правовых организациях. Из этого закона видно, как буржуазия умеет свои общественные организации, свои организации публично-правового характера защищать строже и сильнее, чем частные предприятия, когда эти частные предприятия и организации осмеливаются вступать в противоречие с государственными интересами.

Мы имеем закон 1906 года, который носит характерное название: «О предупреждении коррупции», той самой коррупции, которой обвиняемые систематически здесь занимались под прикрытием своей фирмы, и аналогичный закон 1916 года.

По закону 1889 года взяткой считается «данное кому-либо (так и сказано, гражданин Монкгауз) в качестве взятки обещание, предложение подарка ссуды, вознаграждения или чего-либо иного, имеющего ценность, что должно побудить его что-либо сделать или воздержаться от выполнения чего-либо, имеющего отношение к делу, в котором принимает участие публично-правовая организация».

Вот как ставится дело. Если государственный чиновник стоит на страже интересов учреждения, в котором он выполняет ту или иную функцию, то всякого рода подарки, предоставление ему каких-либо материальных ценностей, которые могли бы его заставить что-либо сделать или чего-либо не сделать, вопреки его долгу, служебным обязанностям, — являются уже взяткой, рассматриваемой в соответствии с этим законом как уголовное преступление.

То же самое по закону 1906 года, где говорится следующее: «Если кто-либо, действуя недобросовестно, в качестве чье-либо представителя примет или добьется, чтобы ему были даны, или согласится получить от кого-либо для него самого или для другого лица подарок или что-либо, имеющее ценность, для побуждения к выполнению или воздержанию от выполнения» и т. д., — это есть уже взятка.

В законе 1916 года говорится то же самое, причем создается очень интересная презумпция, что «до тех пор, пока противное не будет доказано,

должно считаться установленным, что деньги, подарок или что-либо иное, имеющее ценность, были уплачены, предоставлены или получены в качестве взятки для побуждения или вознаграждения за что-либо, как это предусмотрено в названных актах...».

Вот как говорят законы, законы той страны, которая вас, обвиняемые Монкгауз, Торнтон и другие, сюда послала для определенных целей в силу договора, существующего между нашими учреждениями и вашей фирмой, представителем которой вы, Монкгауз, здесь, в Москве, являетесь. Взятка есть взятка. Как бы ее ни называли, она не изменит своего существа и по законам буржуазного государства и тем более по нашим законам.

Может встать юридический вопрос о том, почему в нашем обвинении не предъявлена специальная статья, говорящая о взяточничестве, тогда как мы обвиняем во взяточничестве. Почему ее здесь нет? Почему среди всех этих статей — 58.6, 58.7, 58.9 и 58.11 — не нашлось места и специальной статье, говорящей о взяточничестве, — ст. 118 Уголовного кодекса? Ответ на этот вопрос очень прост: потому, что взятка в тех условиях, при которых является достаточно обоснованным предъявление обвинения и, буду надеяться, осуждение по этому предъявленному нами обвинению в преступлениях контрреволюционных, является лишь своеобразной формой проявления этого контрреволюционного преступления, потому что в этих условиях и при этих обстоятельствах взятка по самому существу своему является контрреволюционным преступлением, является крупнейшим и тягчайшим государственным преступлением.

Это не просто взятка, которая дается за оказание той или другой «услуги», не затрагивающей и не способной затронуть самих основ государственной системы отношений. Когда взятка приобретает характер способа, при помощи которого пытаются контрреволюционеры нанести удар именно этим отношениям, затронуть именно эти основы государственных отношений, тогда мы не можем рассматривать уже ее как обыкновенную взятку в ее специфической форме, как это выражено в ст. ст. 117 и 118 Уголовного кодекса РСФСР, т. е. как получение каким-либо должностным лицом вознаграждения за выполнение или невыполнение каких-либо служебных действий, — а рассматриваем это лишь как своеобразное проявление контрреволюционного преступления, посредством которого оказывается то же самое классовое сопротивление делу социалистического строительства, которое оказывается и при помощи контрреволюционной агитации и при помощи других самых разнообразных средств в деле вредительства и сопротивления врагов нашей страны успехам нашего социалистического строительства.

Аналогичный случай мы имеем и с декретом 7 августа, когда при определенных условиях воровство (хищение) рассматривается не как простое воровство, но поднимается до значения крупнейшего политического акта, который вырастает в крупнейшее контрреволюционное действие, квалифицируемое этим декретом 7 августа, как всем известно, именно как крупнейшее, как величайшее государственное преступление, покушающееся на самую основу советского строя, какой является наша священная и неприкосновенная социалистическая собственность.

Вот почему и здесь не должно быть места удивлению по поводу того, что мы не предъявляем специальной статьи, говорящей о взяточничестве, мобилизуя ее из множества статей нашего Уголовного кодекса; но включаем состав предусмотренного этой статьей преступления в общий состав преступлений, поглощаемых всеми теми статьями, которые перечислены в обвинительном заключении и которые направлены против обвиняемых всем острием статей о контрреволюционных преступлениях, — 58.6, 58.7, 58.9 и 58.11 Уголовного кодекса.

● * * *

...Государственное обвинение не сомневается в том приговоре, который будет вынесен вами, товарищи судьи, по настоящему делу. Вы будете, расценивая деятельность каждого из подсудимых, решать, несомненно, и ряд вопросов, которые мы здесь в процессе прений едва ли смогли исчерпать во всей полноте.

В частности, вопрос, который я поставил и который вы также должны будете разрешить, — это вопрос, кто кого из этих различных групп обвиняемых в тех или иных плоскостях их соприкосновения организовывал, подговаривал, вовлекал, направлял. Вы будете решать вопрос о том, какую выбрать меру уголовной репрессии по отношению к каждому из них. Обвинение, предъявленное по ст. 58 Уголовного кодекса, содержит категорическое требование о высшей мере социальной защиты — о расстреле. И деятельность этих людей заслуживает того, чтобы именно так и было сказано в судебном приговоре.

Но наш суд есть советский суд, в котором не являются единственными мотивы формального требования закона. Наш суд учитывает все обстоятельства по делу, наш суд прислушивается к голосу своего социалистического правосознания и распределяет ответственность между отдельными обвиняемыми перед тем, как этим обвиняемым стать осужденными: он решает этот вопрос с точки зрения целого ряда обстоятельств, которые всегда учитываются судом, как бы ни было тяжко совершенное преступление.

Важнейшим в этом случае обстоятельством, о котором я как представитель государственной власти обязан здесь на суде напомнить, является то, что, несмотря на вредительские действия этих групп вредителей, сила и мощь нашего государства не поколеблены, да и не могли и не могут быть поколеблены, что несмотря на то, что нередко делаются нашими классовыми врагами попытки ударить по нашему государственному хозяйству, наше государственное хозяйство растет, мощь его крепнет, эти люди оказываются ничтожными, оказываются пигмеями. Вынося судебный приговор, мы никогда не руководствовались соображениями жестокости и мести. Но это не значит, что когда вы будете окончательно решать вопрос о судьбе подсудимых, если вы признаете необходимым по отношению к тому или иному обвиняемому произнести приговор с высшей мерой социальной защиты, вы, конечно, его произнесете и ваша рука не дрогнет этот приговор подписать.

Но как бы вы это ни решили, мне кажется бесспорным, уже сейчас решенным один важнейший для нас вопрос этого судебного процесса. Это ничтожность каких бы то ни было попыток остановить победоносное движение нашей пролетарской революции вперед.

Вот уже первая весна нашей второй большевистской пятилетки, когда скоро наши социалистические поля заколосятся новыми хлебами, которые придут на помощь городу, нашей промышленности, которые помогут этой промышленности еще выше поднять великие леса своей социалистической стройки. И с высоты этих грандиозных лесов нашей социалистической стройки, венчающей новые и новые победы, усилия, творческий труд, энтузиазм пролетариата, нашей партии под руководством Центрального Комитета и вождя нашей партии товарища Сталина, пролетариата, совершившего героический путь побед, — еще ничтожнее, еще постыднее, еще отвратительнее будут казаться эти гнуснейшие преступления, которыми пытались остановить победоносный ход социалистической революции эти ничтожные, продажные и продавшиеся, изменившие и предавшие социалистическую родину люди!»

● * * *

Специальное присутствие Верховного суда СССР приговорило: Гусева В. А., Сухоручкина Л. А. и Лобанова А. Т. к десяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет и с конфискацией всего имущества; Соколова В. А., Зорина Н. Г. и Котляревского М. Л. к восьми годам лишения свободы с указанными выше последствиями; Крашенинникова М. Д. к пяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет без конфискации имущества; Лебедева В. П., принимая во внимание, что он являлся лишь орудием в руках Лобанова, и руководствуясь ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР, к двум годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества; английского подданного Торнтон Л. Ч. к трем годам лишения свободы.

В отношении английского подданного Макдональда В. Л., как действовавшего по прямому подстрекательству его непосредственного начальника Торнтон, и ввиду чистосердечного признания на суде своих преступных действий, руководствуясь ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР, суд нашел возможным смягчить требуемую законом меру репрессии и ограничиться осуждением к двум годам лишения свободы; Монкгауза А., Нордволла Ч., как не принимавших непосредственного участия в совершении аварий на электростанциях, и Кушни Д., ввиду давности совершенного им преступления (1928 г.), руководствуясь ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР, суд постановил удалить из пределов СССР с запрещением въезда в СССР сроком на пять лет.

Олейника П. Е., принимая во внимание его зависимость по службе от Торнтон и как служащего частной фирмы, — к трем годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

Кутузову А. С. по тем же основаниям — к полутора годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

Всем осужденным к лишению свободы суд зачел срок предварительного заключения.

В отношении Зиверта Ю. И., принимая во внимание, что своей работой после 1931 г. он доказал, что искренне порвал с вредителями, суд на основании ст. 8 Уголовного кодекса РСФСР постановил мер репрессии не применять и из-под стражи его освободить. Английского инженера Грегори А. В. суд, по недостаточности улик, оправдал.

1.2. ДЕЛО ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Осенью 1932 года по директиве Л. Троцкого, полученной через сына Троцкого — Л. Седова — руководителем троцкистского подполья в СССР И. Н. Смирновым, произошло объединение троцкистских и зиновьевских подпольных контрреволюционных групп, организовавших так называемый «Объединенный центр» в составе Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Бакаева (от зиновьевцев) и Смирнова, Тер-Ваганяна и Мрачковского (от троцкистов).

Объединение этих контрреволюционных групп было достигнуто на основе признания в качестве основного метода борьбы с советской властью индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства.

По настоящему делу были привлечены в качестве обвиняемых, кроме указанных выше членов так называемого «Объединенного центра», Дрейцер Е. А., Рейнгольд И. И., Пикель Р. В., Гольцман Э. С., Фриц Давид (Круглянский Илья — Давид Израилевич), Ольберг В. П., Берман-Юрин К. Б., Лурье М. И. и Лурье Н. Л.

Троцкисты и зиновьевцы по прямым указаниям Троцкого, полученным «Объединенным центром» через подсудимых Смирнова, Гольцмана и Дрейцера, в этот период времени (1932—1936 гг.) сосредоточили всю свою враждебную деятельность против советского правительства и ВКП(б) на организации террора в отношении их руководителей.

«Объединенный центр» по прямым указаниям врага народа, агента гестапо Л. Троцкого организовал и осуществил 1 декабря 1934 г. через подпольную террористическую ленинградскую группу зиновьевцев Николаева — Котолынова злодейское убийство члена Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и члена ЦК ВКП(б) Сергея Мироновича Кирова.

Л. Троцкий из-за границы и Зиновьев внутри страны усиленно форсировали убийство С. М. Кирова. В этих целях в июне 1934 года Каменев по поручению «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» ездил в Ленинград, где вел переговоры об организации террористического акта против Кирова с руководителем одной из ленинградских террористических групп — Яковлевым.

По поручению «Объединенного центра» Бакаев в ноябре 1934 года также специально выезжал в Ленинград для проверки степени подготовленности ленинградской террористической группы Николаева — Котолынова к совершению убийства Кирова. На конспиративном собрании членов этой ленинградской террористической группы Бакаев выслушал доклад Леонида Николаева и от имени «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» дал ему и его сообщникам ряд практических указаний по организации убийства С. М. Кирова. В соответствии с этими указаниями Л. Николаев и его сообщники осуществили 1 декабря 1934 г. злодейское убийство С. М. Кирова.

Не ограничиваясь убийством Кирова, троцкистско-зиновьевский центр подготовлял ряд террористических актов против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича Л. М. и Орджоникидзе.

В целях наиболее успешного осуществления намеченных «Объединенным центром» террористических актов им был организован в 1933 году в Москве так

называемый «Московский центр» под непосредственным руководством члена «Объединенного центра» Бакаева.

В 1934 году Бакаев, Рейнгольд и Дрейцер, в соответствии с решениями «Объединенного центра», пытались дважды совершить покушение на жизнь товарища Сталина.

Кроме того, «Объединенным центром» было поручено Бакаеву практически подготовить осуществление убийства, товарищей Сталина и Кирова, а члену московского террористического центра Дрейцеру была поручена организация террористического акта против товарища Ворошилова.

Не ограничиваясь организацией под непосредственным руководством «Объединенного центра» ряда террористических актов против руководителей Советского государства и ВКП(б), Л. Троцкий в течение 1932—1936 годов систематически в тех же целях перебрасывал из-за границы в СССР ряд террористов.

В ноябре 1932 года Л. Троцким были переброшены в СССР Берман-Юрин и Фриц Давид, причем перед отъездом они были лично проинструктированы Л. Троцким относительно организации убийства товарища Сталина.

В том же 1932 году Л. Троцким был переброшен из Берлина в Москву террорист Натан Лурье. Совместно с проживавшим тогда в Москве, под видом иностранного специалиста, агентом гестапо и доверенным лицом Гиммлера (нынешнего руководителя гестапо) Францем Вайцем, Натан Лурье подготовлял покушение на убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича и Орджоникидзе.

Зимой 1932/33 года, после отъезда Франца Вайца из Москвы, Натан Лурье со своей террористической группой продолжал подготовку этих террористических актов совместно с прибывшим в марте 1933 года в Москву из Берлина Моисеем Лурье, также получившим от Л. Троцкого задание форсировать террористические акты против руководителей советской власти и ВКП(б).

В 1934 году, находясь на Челябинское, Натан Лурье пытался произвести покушение на жизнь товарищей Кагановича и Орджоникидзе. Наконец, тот же Натан Лурье 1 мая 1936 г. по заданию и предварительному согласованию с Моисеем Лурье пытался произвести во время Первомайской демонстрации в Ленинграде покушение на товарища Жданова.

Летом 1935 года Л. Троцким был переброшен из Германии в СССР террорист В. Ольберг, воспользовавшийся фиктивным паспортом подданного республики Гондурас. Этот паспорт В. Ольберг приобрел при помощи германской тайной полиции (гестапо), получив предварительное согласие от Л. Троцкого через его сына Седова воспользоваться содействием в этом деле германской тайной полиции.

В. Ольберг по прибытии в СССР связался с контрреволюционной троцкистской террористической группой в г. Горьком и подготовил ряд террористов, которые должны были 1 мая 1936 г. совершить в Москве на Красной площади террористический акт против руководителей советского правительства и ВКП(б).

Обвинение, предъявленное обвиняемым, было квалифицировано по ст. ст. 58.8 и 58.11 Уголовного кодекса РСФСР.

Дело это слушалось в г. Москве Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 19—24 августа 1936 г.

Обвиняемые от защиты отказались.

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ А.Я. ВЫШИНСКОГО

«Товарищи судьи, товарищи члены Военной коллегии Верховного суда Союза!

Три дня со всей тщательностью и вниманием вы исследовали представленные государственным обвинением улики и доказательства, направленные против сидящих здесь на скамье подсудимых людей, обвиняемых в совершении тяжчайших государственных преступлений. Со всей возможной тщательностью вы подвергли исследованию и судебной проверке каждое из этих доказательств, каждый факт, каждое событие, каждый шаг обвиняемых в течение многих лет нанизывавших одно преступление на другое в своей борьбе против Советского государства, против советской власти и нашей партии, против всего нашего советского народа.

Ужасна и чудовищна цепь этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары. Ужасна и чудовищна вина этих преступников и убийц, поднявших руку против руководителей нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича и Орджоникидзе, против наших руководителей, руководителей Советского государства. Чудовищны преступления этой банды людей, не только подготовивших террористические акты, но и убивших одного из лучших сынов рабочего класса, одного из преданнейших делу социализма, одного из любимейших учеников великого Сталина, пламенного трибуна пролетарской революции, незабываемого Сергея Мироновича Кирова.

Но как бы ни были чудовищны эти преступления и как бы ни были мы все глубоко взволнованы и возмущены этими кошмарными и ужасными преступлениями, — вы, товарищи судьи, как это и подобает советскому суду и советскому правосудию, с глубоким спокойствием взвешивали и оценивали проходившие перед вашими глазами факты, связанные с преступной деятельностью этих людей, имена которых давно уже покрыты всенародным презрением и всенародным позором.

Мы подошли сейчас к концу нашего судебного процесса. Мы подводим его последние итоги. Мы делаем последние выводы, готовясь, может быть, через несколько часов выслушать ваш приговор — приговор суда Советской страны, требующей и ожидающей от вас справедливого, непреклонного и неумолимо сурового решения участи этих людей, этих презренных убийц, этих подлых и наглых врагов советской земли, советского народа.

Мы строим новое, социалистическое общество, новое Советское государство в тяжелых условиях классовой борьбы, в условиях жестокого сопротивления последних остатков разгромленных и пущенных нами ко дну эксплуататорских классов.

Каждый шаг нашего продвижения вперед связан с ожесточенным сопротивлением врагов, поднимающих против нас все силы старого мира, всю мразь, всю накипь старого общества, мобилизующих и бросающих на борьбу с

нами самые преступные, самые отъявленные, самые отпетые и разложившиеся бесчестные элементы.

Ленин учил, что «ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены» — без того, чтобы буржуазия и мелкобуржуазная стихия не боролись против советской власти, действуя не только приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, потоками лжи и клеветы, но и используя все и всякие элементы разложения, пускаясь на всякие и всевозможные грязные и позорные преступления.

Товарищ Сталин предупреждал:

«Надо иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которых эти бывшие люди не возвели бы на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв».

Три года тому назад товарищ Сталин не только предсказал неизбежность сопротивления делу социализма враждебных ему элементов, но предсказал возможность оживления троцкистских контрреволюционных групп. Этот процесс полностью и отчетливо доказал всю гениальность этого предсказания.

Этот процесс, «герои» которого связали свою судьбу с фашистами, с агентами полицейских охранок, «герои» которого потеряли всякую разборчивость в средствах и дошли до геркулесовых столбов двурушничества и обмана, возвели вероломство и предательство в систему, в закон своей борьбы против Советского государства, этот процесс вскрыл до конца и еще раз доказал, как велика и безмерна злоба и ненависть наших врагов к великому делу социализма; этот процесс показал, как ничтожны эти враги, мечущиеся и кидająceся от одного преступления к другому. Презренная, ничтожная, бессильная кучка предателей и убийц — она думала остановить своими грязными преступлениями биение могучего сердца нашего великого народа! Презренная, ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду.

Эти взбесившиеся псы капитализма пытались разорвать на части самых лучших из лучших людей нашей советской земли. Они убили одного из самых дорогих для нас людей революции, замечательного и чудесного человека, светлого и радостного, как всегда была светлой и радостной на его устах улыбка, как светла и радостна наша новая жизнь. Они убили нашего Кирова, они ранили нас совсем близко к самому сердцу. Они думали внести в наши ряды смятение и замешательство...

На предательский выстрел 1 декабря 1934 г. вся страна ответила убийцам единоклассным проклятием. Вся страна — миллионы и десятки миллионов людей всколыхнулись и еще раз доказали свою сплоченность и единство, свою преданность великому знамени партии Ленина — Сталина. Железной, несокрушимой стеной стала Страна Советов на защиту своих вождей своих руководителей, за каждый волос которых преступные безумцы ответят перед нами своей головой. В этой безграничной любви миллионных масс трудящихся к нашей партии, к ее Центральному Комитету, к нашему Сталину и его славным сподвижникам, в этой безмерной любви народа — вся сила защиты и охраны наших вождей, руководителей страны и партии от предателей, убийц и бандитов!

* * *

Цветет, радостно растет наша великая родина. Богато колосятся золотом хлебов бесчисленные колхозы, полной грудью дышат тысячи новых социалистических стахановских фабрик и заводов. Дружно и чудесно работают на благо своей родины железные дороги, по бесконечно сверкающим стальным лентам которых из конца в конец мчатся кривоносовские поезда и маршруты. Несокруσιμο, как гранит, стоит на страже родных границ окруженная любовью народа Красная Армия. Дороги и близки родные нам и всем, кто преисполнен сыновней любовью к своей матери-родине, имена замечательных большевиков, — неутомимых и талантливейших строителей нашего государства — Серго Орджоникидзе, Клина Ворошилова, Лазаря Моисеевича Кагановича, руководителя ленинградских большевиков — Жданова. С непревзойденной великой любовью произносится трудящимися во всем мире имя великого учителя и вождя народов СССР — Иосифа Виссарионовича Сталина!

Под руководством советского правительства и нашей партии во главе со Сталиным окончательно и бесповоротно победил в нашей стране социализм. Под руководством нашей партии пролетариат нашей страны отобрал орудия и средства производства у капиталистов, уничтожил капиталистическую систему, опирающуюся на частную собственность, на эксплуатацию, на нищету и рабство.

Под руководством нашей партии и советского правительства народы СССР осуществили великую индустриализацию нашей страны, удесятирив средства ее производства и умножив ее национальные богатства, создав тем самым условия для счастливой и радостной жизни всех трудящихся советской социалистической страны. Победа социализма есть прежде всего победа нашей родной большевистской партии, ее ленинско-сталинской генеральной линии, ее ленинско-сталинского руководства, ее Центрального Комитета во главе с великим Сталиным.

На основе этих побед создан нерушимый союз всех трудящихся для дальнейшего укрепления и развития социализма, созданы и закреплены союз и дружба всех народов СССР для строительства социализма, для обороны против наших врагов, против врагов социализма. Эти победы решительно изменили весь облик нашей страны, поднятой на невиданную высоту хозяйственного и культурного развития.

Эти победы принесли рабочему классу СССР гигантское улучшение его материального благополучия. Уже много лет тому назад уничтожена безработица, введен семичасовой рабочий день, против которого сидящие здесь на скамье подсудимых «герои» всегда упорно и предательски боролись. Невиданных успехов, не достижимых ни в какой капиталистической стране, добилась наша страна в области развития и расцвета новой, подлинно человеческой, социалистической культуры.

Эти победы принесли всей стране, каждому рабочему и колхознику, служащему и интеллигенту зажиточную и светлую жизнь. В этих победах — залог единства всего советского народа с нашим правительством, с нашей партией и с ее Центральным Комитетом. И разве не лучшим доказательством этого несокрушимого, подлинного единства и сплочения народных масс вокруг великого Сталина, вокруг нашего ЦК, вокруг нашего советского правительства являются мыслимые только в нашей стране, широкие, массовые, народные совещания передовиков фабрик, заводов, транспорта, хлопковых и свекловичных полей, животноводства, комбайнеров и трактористов, стахановцев и кривоносовцев с руководителями партии и правительства! Это проявление подлинного, советского, истинного демократизма! И разве не служат ярким доказательством этого единства и те могучие волны народного гнева против гнусных убийц, которые перекатываются сейчас из конца в конец нашей страны!

● * * *

В течение предыдущих дней судебного процесса эти господа пытались принять «благородный» вид. Они, по крайней мере их главари, не без рисовки говорили о своем террористическом заговоре; они искали и ждали политической квалификации своих преступлений, — они говорили о политической борьбе, о каких-то политических соглашениях с какими-то якобы политическими партиями. И хотя они признали, что в действительности никакой политической платформы у них не было, что они даже не испытывали нужды в создании какой-либо платформы, так как, по их собственному признанию, их платформу можно написать в один присест, в какие-нибудь два часа, — они все же пытались разыгрывать из себя неподдельных политиков. Они всячески стараются изобразить дело так, будто они стоят на каких-то, пусть замызганных и затрепанных, но все же политических позициях. Эти попытки — лживое прикрытие их политической пустоты и безыдейности. И когда они говорили об интересах рабочего класса, об интересах народа, когда они будут говорить об этом в своих защитительных речах и в последних словах подсудимых, — они будут лгать, как лгали до сих пор, как лгут сейчас, ибо они пошли против единственно народной политики — против политики нашей страны, против нашей советской политики. Лгуны и шуты, ничтожные пигмеи, моськи и шавки, взъярившиеся на слона, — вот что представляет собою эта компания!

Но они умеют пользоваться оружием, и это опасно для общества. Это обстоятельство требует особых и самых серьезных мер против них. Посадить их на цепь недостаточно. Против них должны быть приняты более решительные и радикальные меры борьбы. Не политики, а банда убийц и уголовных преступников, воров, пытавшихся расхищать государственное достояние, — вот что представляет собой эта компания.

Эти господа признавали, что у них не было никакой программы, однако кое-какая «программа» у них была. Была у них программа и внутренней политики и внешней политики.

Внутренняя политика определялась в их программе одним словом — «убить». Они предпочитают, правда, говорить не об убийствах, а о терроре. Но надо называть вещи своими именами. Эти господа избрали убийство средством борьбы за власть. Цинично и откровенно они должны были сами признать здесь это.

Как увязывали эти господа их марксизм в кавычках с проповедью террора и террористической деятельностью? — Никак! А ведь эти люди себя когда-то считали марксистами! Вероятно, обвиняемый Зиновьев и сейчас еще считает себя марксистом. Он говорил здесь, что марксизм не может быть увязан с террором, но марксизм может объяснить, как они пришли к террору.

О том, как увязывается у них марксизм с проповедью террора и террористической деятельностью, я спрашивал здесь на процессе обвиняемого Рейнгольда. Он сказал: «У Каменева в 1932 году, в присутствии ряда членов «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра», Зиновьев обосновал необходимость применения террора тем, что хотя террор и несовместим с марксизмом, но в данный момент эти соображения надо отбросить. Других методов борьбы с руководством партии и правительства в данное время нет. Сталин объединяет всю силу и твердость партийного руководства, поэтому в первую голову надо убрать Сталина». Вот вам ответ, откровенно-циничный, наглый, но совершенно логичный. Вот вам и вся новая зиновьевская «философия эпохи».

Рейнгольд говорит: «Каменев развивал ту же теорию, говоря, что прежние методы борьбы — завоевание масс, верхушечные комбинации с правыми, ставка на хозяйственные трудности — провалились. Поэтому единственный метод борьбы — это террор, террористические действия против Сталина и его ближайших соратников — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова».

Это откровенно и нагло, но в то же время логично с точки зрения логики классовой борьбы, с точки зрения логики нашего врага, борющегося против страны социализма.

Без масс, против масс, но за власть, власть во что бы то ни стало, жажда личной власти, — вот вся идеология этой компании, сидящей на скамье подсудимых.

Вся циничная беспринципность этих людей откровенно была показана здесь Каменевым. В своем объяснении на суде он говорил о том, как и на какой базе был организован этот террористический заговор, как он назвал его.

«Я пришел,— говорит Каменев,— к убеждению, что политика партии, политика ее руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна политическая победа социализма, что эта политика признана трудящимися массами».

Это заявление замечательно и по своей беспринципности и по наглому цинизму: именно потому, что политика партии победила, они вели борьбу против ее руководителей.

«Ставка наша,— говорил Каменев,— на возможность раскола в партии также оказалась бита. Оставалось два пути: либо честно и полностью ликвидировать

борьбу против партии, либо продолжать ее, но уже без всякого расчета на какую бы то ни было массовую поддержку, без политической платформы, без знамени, то есть путем индивидуального террора. Мы выбрали второй путь».

Подсудимый Каменев должен был быть более последовательным: если первый путь он назвал путем честного отказа от борьбы, второй путь надо было охарактеризовать, как путь бесчестной борьбы бесчестными средствами.

Он признал: «Мы выбрали этот второй путь, мы руководствовались при этом бесконечным озлоблением против руководства партии и страны и жадной властью, к которой мы некогда были близки и от которой мы были отброшены ходом исторического развития».

Подсудимый Зиновьев говорит: «К концу 1932 года стало очевидным, что наши надежды не оправдались... фактом было то, что генеральная линия партии побеждает. Здесь, — говорит Зиновьев, — со всей наглядностью сказалась полная беспринципность и безыдейность, которые привели нас к голой и беспринципной борьбе за власть» (т. XII, л. д. 34).

Можно ли после этого разговаривать с этими людьми на каком бы то ни было политическом языке? Разве мы не вправе говорить с этими людьми только одним языком, языком Уголовного кодекса, и рассматривать их как уголовных преступников, как отпетых и закоренелых убийц?

Такова их «программа» в области, если можно так выразиться, внутренней политики. Раньше они хотя бы из стыдливости мотивировали свою борьбу против руководства советской власти и партии недостатками, недочетами, затруднениями. Теперь они уже сняли с себя эту маску. Они признают теперь, что убедились в победе социализма в нашей стране. К террору, к убийствам они пришли вследствие безнадежности своего положения, от сознания своей изолированности от власти, от рабочего класса. К террору они пришли благодаря полнейшему отсутствию благоприятных для них перспектив в борьбе за власть другими средствами, другими способами.

Каменев признал, что организация террора была единственным средством, с помощью которого они надеялись прийти к власти, и что именно на базе этой террористической борьбы велись и в конце концов успешно завершились переговоры об объединении между троцкистами и зиновьевцами. Террор — вот настоящая база объединения троцкистов и зиновьевцев. В этом не все они хотят признаться.

* * *

Товарищи судьи, вынося свой приговор в совещательной комнате, вы внимательно — я в этом не сомневаюсь — еще раз ознакомитесь не только со всеми материалами судебного следствия, но и с протоколами предварительного следствия, вы убедитесь, с каким животным страхом подсудимые старались уйти именно от признания террора как основы их преступной деятельности.

Вот почему так вертится здесь Смирнов. Он признает, что был членом центра, признает, что этот центр усвоил террористическую линию борьбы, признает, что сам получал от Троцкого директивы об этой террористической борьбе. Но в то же время всеми силами и средствами он старался доказать, что лично он, Смирнов, террора не принял, не был с этим согласен и даже

договорился до того, будто он даже вышел из троцкистско-зиновьевского террористического центра или блока.

Я буду еще особо говорить о каждом из подсудимых и в том числе о Смирнове, и постараюсь со всей полнотой, тщательностью и объективностью разобрать доказательства, которые уличают их в совершении тягчайших государственных преступлений. Сейчас я хочу лишь еще раз подчеркнуть, что сами обвиняемые — не политические младенцы, а прожженные игроки в политической борьбе, — они прекрасно понимают, какой ответственности они подвергаются за то, что не только «теоретически» признали этот террор, — и этого было бы достаточно, чтобы их головы положить на плаху, — но и за то, что эту «теоретическую» программу они переложили на язык террористической практики, на язык практических преступных действий.

Террор лежал в основе всей их деятельности, он был базой троцкистско-зиновьевского объединения. Здесь совершенно согласно об этом показывали люди, непосредственно друг с другом не связанные в их подпольной работе. Это признали здесь не только Зиновьев и Каменев, Смирнов и Тер-Ваганян, Рейнгольд и Пикель, но об этом здесь говорили точно так же и Берман-Юрин, и Фриц Давид, и Валентин Ольберг — этот оригинальный гражданин республики Гондурас, штатный агент Троцкого и одновременно германской, тайной полиции — гестапо.

Все эти лица под тяжестью предъявленных им улик не смогли дальше заператься и должны были признать, что главным и даже единственным объединявшим их преступную деятельность средством борьбы против советской власти и партии был террор, были убийства.

«На этом, — говорил Рейнгольд, — настаивали и сходились и троцкисты и все участники блока». Именно насильственное устранение руководства ВКП(б) и советского правительства являлось основной задачей этого троцкистско-зиновьевского блока, который по справедливости можно назвать, как я это и сделал в обвинительном заключении, обществом политических убийц.

Эти террористические настроения, положенные в основу организации троцкистско-зиновьевского блока в 1932—1936 годах, быть может, наиболее отчетливо и характерно выразил обвиняемый Мрачковский, заявивший как на предварительном следствии, так и здесь на суде:

«Надежды на крах политики партии надо считать обреченными. До сих пор применявшиеся средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единственный путь борьбы — это путь насильственного устранения руководителей партии и правительства».

«Мрачковский говорил: «Главная задача состоит в том, чтобы убрать Сталина и других руководителей партии и правительства».

Вся звериная злоба и ненависть этих людей были направлены против руководителей нашей партии, против Политбюро Центрального Комитета — против товарища Сталина, против славных его соратников.

На них, во главе с товарищем Сталиным, легла основная тяжесть борьбы с зиновьевско-троцкистской подпольной организацией. Под их руководством, под руководством товарища Сталина — гениального проводника и хранителя ленинских заветов — была разгромлена контрреволюционная троцкистская

организация. В ожесточенных боях с троцкистской контрреволюцией под их руководством была окончательно разбита наголову троцкистская контрреволюция.

В боях с этой троцкистской контрреволюцией товарищ Сталин разработал и неуклонно проводил в жизнь ленинское учение о построении социализма в нашей стране, вооружив этим учением миллионные массы рабочих и колхозников.

Вот почему троцкисты и зиновьевцы, как и другие самые оголтелые контрреволюционные элементы, все свои силы, ненависть и злобу против социализма сосредоточили на руководителях нашей партии. Вот почему в марте 1932 года в припадке контрреволюционного бешенства Троцкий разразился открытым письмом с призывом «убрать Сталина (письмо это было изъято из потайной стенки гольцмановского чемодана и приобщено к делу в качестве вещественного доказательства).

Этот подлый призыв с еще большей откровенностью Троцкий обратил к ряду своих заграничных учеников, завербованных им в качестве убийц для переброски в СССР, с целью организации террористических актов и покушений против руководителей нашего Советского государства и нашей партии. Об этом здесь подробно рассказывал подсудимый Фриц Давид. Он сообщил, как в ноябре 1932 года он беседовал с Троцким и как во время этой беседы Троцкий сказал буквально следующее: «Сейчас нет другого выхода, как только насильственное устранение Сталина и его сторонников. Террор против Сталина — вот революционная задача. Кто революционер — у того не дрогнет рука» (т. VIII, л. д. 62). С этой целью Троцкий занялся подбором экзальтированных людей, внушая им, чтобы они осуществили этот контрреволюционный акт, как какую-то «историческую миссию».

Берман-Юрин показал здесь, что Троцкий систематически и неоднократно говорил: «До тех пор, пока Сталин не будет насильственно убран — нет никакой возможности изменить политику партии; в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами — Сталин должен быть физически уничтожен»...

Фриц Давид и Берман-Юрин вели с Троцким разговоры об убийстве Сталина. Они приняли от Троцкого задание и сделали целый ряд практических шагов, чтобы это задание осуществить. Разве этого мало, чтобы они были достойны самого сурового наказания, предусмотренного нашим законом, — расстрела?

Фриц Давид, Берман-Юрин, Рейнгольд, Ольберг В., сам Смирнов И. Н. разоблачили, в сущности говоря, роль Троцкого в этом деле до конца. Даже Смирнов, упорно запиравшийся в том, что принимал какое-либо участие в террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра, не мог не признать, что установка на индивидуальный террор в отношении руководителей Советского государства и ВКП (б) была им получена в 1931 году лично от сына Троцкого — Седова, что эта установка о терроре была подтверждена Троцким в 1932 году в директиве, привезенной из-за границы Гавеном и переданной им Смирнову. Смирнов пытался смягчить остроту своего собственного положения ссылкой на то, что полученные им от Седова директивы о терроре были якобы личной установкой Седова. Но это пустое объяснение. Ведь всем совершенно очевидно, что Седов никакого авторитета для Смирнова не представлял.

Тер-Ваганян и Мрачковский подтвердили здесь это, заявив, что если бы они думали, что установки о терроре исходят от Седова, они наплевали бы на них с шестого, двенадцатого или с еще более высокого этажа.

Обвиняемый Тер-Ваганян, один из главных организаторов «Объединенного центра», подтвердил, что, будучи за границей, Смирнов действительно получил от Троцкого директиву о переходе к террору. Тер-Ваганян только завуалировал свое показание, заменив упоминание о терроре словами: «Острая борьба с руководителями ВКП(б)». Позже и он, однако, должен был расшифровать это и подтвердить, что речь шла о директиве, содержанием которой был террор и только террор.

Вы слышали, наконец, показания свидетельницы Сафоновой, очная ставка с которой, вероятно, крепко запомнилась всем, кто присутствовал здесь на суде. На этой ставке Сафонова, дело о которой выделено в особое производство, ввиду продолжающегося следствия, полностью подтвердила, что Смирнов получил от Троцкого директиву об индивидуальном терроре в 1931 году через Седова, а впоследствии через Гавена.

На основании этих данных можно считать совершенно установленным, что именно директива Троцкого о терроре послужила основанием для развертывания террористической деятельности «Объединенного центра». Директива об организации объединенного центра и о переходе к террору, данная Троцким, была принята троцкистским подпольем. Зиновьев и Каменев, как руководители зиновьевской части блока, сами пришли к той же мысли и тоже приняли директиву Троцкого как основу действий «Объединенного центра» и подполья.

Эти подлинные, закоренелые враги не могли спокойно смотреть на растущее благополучие нашего народа, нашей страны, вышедшей на широкую дорогу социализма.

СССР побеждает, СССР строит социализм, в СССР торжествует социализм. Тем сильнее их ненависть против ЦК, против товарища Сталина и правительства, которым страна обязана этой победой, которыми страна гордится.

В мрачном подполье Троцкий, Зиновьев и Каменев бросают подлый призыв: убить, убить! Начинает работать подпольная машина, оттачиваются ножи, заряжаются револьверы, снаряжаются бомбы, пишутся и фабрикуются фальшивые документы, завязываются тайные связи с германской политической полицией, расставляются посты, тренируются в стрельбе, наконец, стреляют и убивают.

Вот в чем главное! Контрреволюционеры не только мечтают о терроре, не только строят планы террористического заговора или террористического покушения, не только готовят к этим злодейским преступлениям, но осуществляют их, стреляют и убивают!

Главное в этом процессе — в том, что они претворили свою контрреволюционную мысль в контрреволюционное дело, свою контрреволюционную теорию в контрреволюционную террористическую практику: они не только говорят о стрельбе, но они стреляют, стреляют и убивают!

В этом — главное. Они убили Кирова, они готовились убить товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова. Вот за что мы судим этих людей, этих организаторов тайных убийств, этих патентованных убийц.

И вот почему мы требуем судить их строго, как велит нам наш советский закон, судить их, как требует наша социалистическая совесть.

Убийства — вот вся «программа» внутренней политики этих людей.

* * *

А внешняя политика? Тут поднимаются загробные тени, здесь оживают старые «тезисы Клемансо», здесь снова видны троцкистские уши.

Личное письмо Троцкого, полученное Дрейцером, состояло из трех коротких пунктов: 1) убрать Сталина и Ворошилова, 2) — развернуть работу по организации ячеек в армии, 3) в случае войны использовать всякие неудачи и возможное замешательство для захвата руководства.

Это откровенная ставка на поражение.

Это тот же старый тезис Клемансо, но в новом издании под редакцией объединенного центра троцкистско-зиновьевского террористического блока.

Фриц Давид показал на следствии и подтвердил здесь на суде (это полностью соответствует и ряду исторических документов, и показаниям других обвиняемых, и самому существу задачи, стоящей перед Троцким, Зиновьевым, Каменевым), что в одной из своих бесед с ним Троцкий спросил: «Как вы думаете, в случае войны Советского Союза с японцами исчезнет ли это недовольство?» (Он говорил о недовольстве, которое, по его мнению, существовало у нас в стране). «Нет, наоборот, — говорил Троцкий, — в этих условиях враждебные режиму силы будут пытаться соединиться воедино, и в этом случае наша задача будет заключаться в том, чтобы объединить и возглавить эти недовольные массы, вооружить их и повести против господствующих бюрократов» (т. VIII, л. д. 61).

Это же Троцкий повторил в письме 1932 года (очевидно, это у него идефикс) и в беседе с Берман-Юриным.

«В связи с международным положением того периода, — показывает Берман-Юрин, — Троцкий указал мне, что особо важной является задача разложения наших военных сил, так как в случае войны с Советским Союзом огромные массы будут призваны в армию». Троцкий и троцкисты вместе с зиновьевцами и рассчитывали легко обработать эти массы. «Троцкий дословно сказал мне, — добавляет Берман-Юрин, — мы будем защищать Советский Союз в том случае, если будет свергнуто сталинское руководство» (т. IV, л. д. 100).

Такова программа их внешней политики!

Может быть, все это выдумка? Может быть, Фриц Давид и Берман-Юрин пустились здесь в фантастические измышления? Может быть, это все — вымысел, выдумка, безответственная болтовня подсудимых, которые пытаются возможно больше сказать против других, чтобы облегчить свою собственную судьбу? Нет! Это не выдумка, не фантазия! Это истина! Кто не знает того, что Троцкий вместе с сидящими на скамье подсудимых Каменевым и Зиновьевым несколько лет тому назад провозглашали «тезис Клемансо», что они говорили о

необходимости в случае войны подождать, пока враг подойдет на расстояние 80 км от Москвы, чтобы поднять оружие против советского правительства, чтобы свергнуть его. Ведь это — исторический факт. От него никуда не уйти. Именно поэтому приходится признать, что показания Бермана-Юрина и Фрица Давида в этой части соответствуют действительности.

Такова была программа «внешней политики» этих людей. За одну такую «программу» наш советский народ повесит изменников, на первых же воротах! И поделом!

● * * *

Обратимся теперь к методам, которыми действовали эти люди. Это, может быть, одна из самых позорных страниц их позорной преступной деятельности. В соответствии с «принципиальной» линией троцкистско-зиновьевского подпольного блока на захват власти любыми средствами участники этого блока широко практиковали двурушничество в качестве основного метода своего отношения к партии и правительству. Это двурушничество они превратили в систему, которой могли бы позавидовать любые Азефы и Малиновские всех охранок, со всеми их шпионами, провокаторами и диверсантами.

Рейнгольд показал, что в 1933—1934 гг. Зиновьев с глазу на глаз говорил ему — теперь Зиновьев подтвердил это перед всем миром на процессе, — что «главная практическая задача, которая стоит перед их подпольем, заключается в том, чтобы построить, террористическую работу так конспиративно, чтобы никоим образом не скомпрометировать себя».

Может быть, это преувеличение? Конечно, нет. То, что говорил Рейнгольд, соответствует логике вещей.

«На следствии главное, — поучал своих соучастников Зиновьев, — отрицать какую бы то ни было связь с организацией, аргументируя несовместимость террора со взглядами большевиков-марксистов» (т. XXVII, л. д. 112).

Троцкий в свою очередь тоже рекомендовал, в случае совершения террористического акта, отмежевываться от троцкистской организации и занять позицию, аналогичную той, которая была занята в свое время эсеровским ЦК по отношению к Каплан, стрелявшей в Владимира Ильича. Мы знаем, что это значит. Мы помним, что после того, как Каплан выпустила свою предательскую пулю в Ленина, ЦК эсеров выпустил листовку, в которой категорически заявлял о своей непричастности к этому террористическому акту. Троцкий, Зиновьев, Каменев усвоили ту же тактику.

Зиновьев говорил: «Мы перешли на путь тщательно продуманного и глубоко законспирированного заговора, мы считали себя марксистами и, помня формулу «восстание есть искусство», переделали ее по-своему, заявляя, что «заговор против партии, против Сталина есть искусство».

Вот сидят на скамье подсудимых мастера этого «искусства». Не скажу, чтобы мастера были высокой пробы. Низкопробные мастера!

Но они все же сумели осуществить свое низкое дело. В чем же состояло их «искусство»?

В этом плане на первом месте стояла маскировка всеми средствами их истинного преступного лица.

Это, может быть, один из самых ярких примеров в истории, когда действительно слово «маскировка» приобретает подлинное значение: эти люди надели на свои лица маски, изображали себя раскаявшимися грешниками, порвавшими с прошлым, отказавшимися от своих старых заблуждений и ошибок, переросших в преступления.

Характерно, что именно в тот период, когда объединенный троцкистско-зиновьевский центр наиболее активизировал свою деятельность, когда эта террористическая деятельность достигла наибольшего своего развития и, нарастая, подвигалась к своему завершению подлым выстрелом в т. Кирова, — именно в этот период Зиновьев обращается в Центральный Комитет партии с покаянным письмом. В этом письме, датированном 8 мая 1933 г., то есть в самый разгар подготовки террористических актов, Зиновьев не только отрекается от всех своих прежних ошибок, но и лицемерно клянется в преданности социализму и партии.

В те самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовя террористический акт против товарища Сталина, этот преступник, потерявший, как и все сидящие здесь, последний человеческий облик, заканчивал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я говорю правду и только правду. Я прошу вас вернуть меня в ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела. Я даю слово революционера, что буду самым преданным членом партии и сделаю все то, что возможно, чтобы хоть отчасти загладить свою вину перед партией и ее ЦК». Мы знаем теперь, чего стоят эти слова, мы знаем, что Зиновьев сделал все, что возможно, чтобы повредить партии и делу строительства социализма в нашей стране, делу всего международного коммунистического движения.

16 июня 1933 г. он помещает в «Правде» статью «Две партии». В центральном органе нашей партии он публикует статью, в которой старается всячески доказать преданность партии, громит оппортунизм и поет аллилуйя победам, одержанным партией.

Это было 8 мая и 16 июня, то есть летом 1933 года. А тем же летом того же 1933 года, как это теперь точно установлено, на совещании троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев поручает Бакаеву приступить к практическому осуществлению террора.

Зиновьев обиделся здесь на Смирнова, когда Смирнов упрекнул его в том, что он говорит неправду. Сам Смирнов не сказал здесь ни одного слова правды, а упрекает Зиновьева во лжи. Зиновьев обиделся и заявил, что разница между ними в том, что он «решил твердо и до конца в эту последнюю минуту сказать всю правду, между тем как Смирнов принял, как видно, другое решение».

Я позволю себе, товарищи судьи, предупредить вас против этого утверждения Зиновьева. Не верьте ему, что он действительно говорит здесь всю правду до конца.

Зиновьев и Каменев на ленинградском процессе 15—16 января разыграли очень неплохо одну из сцен своей коварной, вероломной маскировки. В своих объяснениях (на судебном заседании от 15—16 января 1935 г.) Каменев хотел произвести впечатление окончательно и искренне разоружившегося врага, выкладывающего все, что у него есть на душе против правительства и партии. Он тогда припомнил какой-то эпизод, когда Зиновьев что-то утаил из разговора

с Троцким. С пафосом и «неподдельным» возмущением Каменев упрекал Зиновьева в том, что, скрывая этот факт, он не говорит всей правды.

А в то же время и сам Каменев и сам Зиновьев пытались обмануть нас, обмануть суд и всю страну, доказывая, что они никакого отношения не имеют к убийству Сергея Мироновича Кирова. Так же, как сейчас, буквально теми словами, что и вчера, Зиновьев и Каменев тогда клялись в том, что они говорят всю правду. Можно сказать, что процесс 15—16 января 1935 г. для Каменева и Зиновьева был своего рода репетицией нынешнего процесса, которого они, может быть, не ожидали, но от которого они, как от судьбы, не ушли.

● * * *

Я еще вернусь к этим «замечательным» показаниям, данным на суде в Ленинграде, сейчас я говорю об этом только для того, чтобы предупредить вас, — а через вас, через суд, и всю страну, — не только против Каменева и Зиновьева, но и против всех других двурушников, изменников и предателей, к сожалению, имеющих еще в наших рядах, говорящих о своих раскаяниях, отмежевывающихся, маскирующихся для того, чтобы лучше организовать удар в спину нашей партии, нашей страны, нашему великому делу.

Ни малейшего доверия этим патентованным и прожженным обманщикам!

Они и сами понимают, что не заслуживают его. Я спросил Зиновьева при его допросе: «А сейчас вы всю правду говорите?» — «Сейчас я говорю всю правду до конца», — ответил Зиновьев.

Но где же доказательство этого, как им можно верить, когда они превзошли все представления о вероломстве, коварстве, обмане, измене, предательстве?

Зиновьев довел это коварство до того, что после убийства Сергея Мироновича Кирова послал в «Правду» некролог. Единственное, что он сказал здесь по этому поводу: «Этот некролог не был напечатан, насколько я помню». И всё.

Вот этот некролог, он у меня в руках. Он датирован Зиновьевым, если я не ошибаюсь, то ли 4, то ли 7 декабря, вероятнее всего 4 декабря.

Этот некролог, посвященный т. Кирову, вы, Зиновьев, назвали: «Человек-маяк». Как же вы начали свой некролог, который вы предназначали для печати и который, следовательно, должен был стать достоянием всей нашей общественности?

«Это можно наблюдать в течение всех 17 лет нашей революции, в каждый момент, когда враг изловчался нанести тот или другой удар большевикам... Так бывало, когда врагу удавалось наносить чувствительный удар на полях гражданской войны, так бывало...» и т. д. и т. д.

И дальше Зиновьев писал: «Горе партии есть горе всего народа, всех народов СССР. Траур партии есть траур всей великой страны... Весь народ ощутил горечь утраты».

Это верно, что горечь утраты и возмущение предательским выстрелом охватило всю страну. Это чувство действительно испытывает вся страна от мала до велика.

Но вас-то это в какой мере касается?

«Злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова всколыхнуло поистине всю партию, весь Советский Союз». «Потеря этого любимого и родного

человека всеми ощутилась, как потеря своего, близкого, безгранично дорогого...»

Вот что писали вы, подсудимый Зиновьев, в этой страшной и позорной статье! Почему потеряла партия близкого, бесконечно дорогого С. М. Кирова, обвиняемый Зиновьев? Потому потеряла партия этого близкого нам человека, что вы, обвиняемый Зиновьев, убили Кирова, вы убили его своими собственными руками, на которых у вас краснеет кировская кровь!..

«Любимый сын партии», — писали вы. Какое наглое кощунство!

«Сын рабочего класса — вот кем был этот человек-маяк», «наш дорогой, глубокий, крепкий... ему нельзя было не верить, его нельзя было не любить и им нельзя было не гордиться».

Вот как писал Зиновьев, переходя всякие границы цинизма!

Вот этот человек. Его любил, гордился им и убил его! Злодей, убийца оплакивает свою жертву! Где и когда еще происходило что-либо подобное?!

Что можно сказать и какие слова можно подобрать, чтобы исчерпать всю низость и мерзость этого факта: кощунство! вероломство! двурушничество! коварство!

Вы, именно вы, Зиновьев, своей кощунственной рукой погасили этот маяк, и вы же стали публично и притворно рвать на себе волосы для того, чтобы обмануть людей.

Кого вы убили? — Вы убили великолепного большевика, пламенного трибуна, опасного для вас человека, беззаветно боровшегося за ленинские заветы и вместе с тем против вас. Вы убили этого человека секундным выстрелом подлейшей руки Николаева, а через два-три дня вы же посылаете статью в «Правду» и пишете о «погасшем маяке».

Где же найти слова, чтобы дать оценку этим подлейшим выходкам? В своем лексиконе я не в состоянии найти этих слов!

● * * *

Перейдем к Каменеву — второму столпу так называемой зиновьевской группы, к этому притворщику «в ослиной шкуре», о которой он сам говорил на XVII съезде.

Я прошу суд обратить внимание на статьи Каменева, опубликованные в 1933 году. Эти статьи Каменев писал почти одновременно с Зиновьевым по взаимному согласию. Каменев публикует в «Правде» статью, где он так же, как Зиновьев, отказывается от своих заблуждений, клеймит свои ошибки, где он говорит, что «важнейшей фигурой оппозиции стал человек, десятки лет боровшийся с Лениным» и т. д. и т. п. «Ясно, — писал в этой статье Каменев 25 мая 1933 г., — что сопротивление политике, возглавляемой товарищем Сталиным, исходило из тех же предпосылок, которые заставляли членов партии в октябре 1917 года выступить противниками политики Ленина». Плача и стона, Каменев старается доказать свой разрыв со старыми друзьями и заканчивает статью призывом отбросить всякое сопротивление, мешающее делу строительства социализма.

Это было в мае 1933 года. А летом 1933 года, после возвращения Каменева и Зиновьева из ссылки, на квартире Зиновьева состоялось совещание

троцкистско-зиновьевского центра для организации террористических актов против руководителей партии и советской власти.

Спрошенный здесь об этом Каменев был очень краток. Между нами произошел диалог, который я позволю себе напомнить. Я спрашивал:

«Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 году и в которых выражали преданность партии? Обман?

Каменев: Нет, хуже обмана.

Вышинский: Вероломство?

Каменев: Хуже!

Вышинский: Хуже обмана; хуже вероломства — найдите это слово. Измена?

Каменев: Вы его нашли!»

Дальше он говорил, что делал это не только по соглашению с Зиновьевым, что эти его поступки имели место во исполнение заранее выработанного плана захвата власти, который сочетался с необходимостью завоевания доверия.

Маленькая подробность, которая имеет некоторое значение для определения морального, если угодно идеологического, уровня обвиняемого Каменева, для характеристики интересов, которыми он жил в то время, для характеристики некоторых его исходных нравственных позиций.

Я позволю себе сослаться на одну книжку Макиавелли (том 1-й). Она издана в 1934 году издательством «Академия», которым руководил тогда Каменев, с предисловием Каменева. Очень интересная книга. Она была написана в XVI веке. Автор написал эту книгу для князя, поучая его науке управления государством в соответствии с его княжескими интересами.

Макиавелли писал: «Вы должны... знать, что бороться можно двояко: один род борьбы — это законы, другой — сила; первый свойствен человеку, второй — зверю. Так как, однако, первого очень часто недостаточно, приходится обращаться ко второму. Следовательно, князю необходимо уметь хорошо владеть природой как зверя, так и человека».

Каменеву это очень понравилось, и он написал в кратком предисловии к этой книге несколько следующих интереснейших слов: «Мастер политического афоризма и блестящий диалектик...» (Это Макиавелли, по Каменеву, диалектик! Этот прожженный плут оказывается диалектиком!)... «Мастер политического афоризма...» Хорош афоризм! Макиавелли писал: действовать при помощи закона — это свойственно людям, при помощи силы — это свойственно зверю; следуй этой звериной политике, и ты, — говорит Макиавелли, — достигнешь своей цели. И это подсудимый Каменев называет «мастерством политического афоризма».

Послушаем, что пишет Каменев дальше: «...Диалектик, почерпнувший из своих наблюдений твердое убеждение в относительности всех понятий, критериев добра и зла, дозволенного и недозволенного, законного и преступного...» По Каменеву, это, очевидно, и есть диалектика: смешать преступное с непроступным, законное с незаконным, добро со злом — в этом новое «марксистское» объяснение диалектики на примере Макиавелли.

«Макиавелли, — писал Каменев в 1934 году, — сделал из своего трактата поразительный по остроте и выразительности каталог правил, которыми должен руководиться современный ему правитель, чтобы завоевать власть, удержать ее

и победоносно противостоять всем покушениям на него». Хорош у вас, Каменев, был учитель, но вы (в этом надо вам отдать должное) превзошли своего учителя.

Дальше вы пишете в этом предисловии: «Это — далеко еще не социология власти, но зато из-за этой рецептуры великолепно выступают зоологические черты борьбы за власть в обществе рабовладельцев, основанном на господстве богатого меньшинства над трудящимся большинством».

Это так. Но вы хотели эти методы борьбы и принципы борьбы, достойные рабовладельцев, перенести в наше общество, применить против нашего общества, против социализма. «Так, — пишете вы, — этот секретарь флорентинских банкиров и их посол при папском дворе — вольно или невольно — создал снаряд громадной взрывчатой силы, который в течение веков беспокоил умы господствующих...» Вы, Каменев, перенесли эти правила Макиавелли и развили их до величайшей беспринципности и безнравственности, модернизировали и усовершенствовали их.

Я вас не прошу, товарищи судьи, рассматривать эту книгу в качестве одного из вещественных доказательств по данному делу. Я вовсе не оперирую этой книгой для того, чтобы доказывать виновность подсудимых в тех преступлениях, в которых они обвиняются. Я просто счел необходимым отдать этому обстоятельству несколько минут внимания для того, чтобы показать тот идейный источник, которым питались в это время Каменевы и Зиновьевы, пытающиеся еще и сейчас на процессе сохранить благородный вид марксистов, умеющих мыслить и рассуждать в соответствии с принципами марксизма.

Бросьте эту шутовскую комедию. Откройте, наконец, и до конца свои настоящие лица. Здесь о книге Макиавелли Каменев говорит, как о снаряде огромной взрывчатой силы. Очевидно, Каменев и Зиновьев хотели воспользоваться, этим снарядом, чтобы взорвать и наше социалистическое отечество. Просчитались. И хотя Макиавелли перед ними щенок и деревенщина, но всё же он был их духовным наставником. Вы из «макиавеллизма» и азефовщины сделали для себя источник вашей деятельности и ваших преступлений. Теперь это разоблачено самими Зиновьевым и Каменевым: убийство, коварство, вероломство и маскировка были одним из основных, решающих методов их преступной деятельности.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и цинично, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорили здесь и другие подсудимые, и думаю, что характеристика этих методов достаточно исчерпана представленными мною материалами. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда, очень примитивную и простую, выразившуюся в немногих словах, для составления которой не Нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренней политики исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражением СССР в войне, их метод — вероломством, коварством, изменой.

* * *

Я перехожу ко второй части своей обвинительной речи, к практической деятельности так называемого «Объединенного центра» и к характеристике

роли в этом преступном заговоре против советской власти каждого из подсудимых.

Не подлежит никакому сомнению, что объединение зиновьевских и троцкистских контрреволюционных групп, состоявшееся осенью 1932 года, возникло и окрепло на почве и на основе взаимного признания террора в качестве единственного и решающего средства борьбы за власть — борьбы, которая тогда была основной и главной задачей и троцкистов и зиновьевцев.

Организация была. Подпольная контрреволюционная террористическая группа была. Существовала и действовала. Как бы Смирнов ни пытался здесь оспаривать это, ему оспорить это не удастся. Слишком сильные факты, слишком много данных для того, чтобы мы, обвинение, имели полное основание утверждать, что такая подпольная, контрреволюционная, троцкистско-зиновьевская группа была; что эта террористическая организация была создана; что она именно была создана как террористическая; что она развернула свою деятельность именно как террористическую деятельность, что она готовила террористические покушения и что одно из этих покушений — злодейское убийство 1 декабря 1934 г. Сергея Мироновича Кирова — она к нашему величайшему несчастью и ужасу и осуществила.

Это самое ужасное из всех преступлений, которое удалось осуществить этой организации.

В январе 1935 года мы судили «Московский центр» в связи с состоявшимся незадолго, за две недели до этого, судебным процессом над так называемым «Ленинградским центром», по которому были осуждены и расстреляны Николаев Л., Котолынов, Румянцев, Сосицкий и ряд других. Мы тогда еще не знали всех подлинных и действительных авторов, подстрекателей и участников этого чудовищного злодеяния. Мы тогда стояли на верном пути разоблачения настоящих организаторов этого преступления, хотя состояние добытых доказательств лишало нас возможности предъявить тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву прямое обвинение в организации этого убийства, в руководстве этим убийством, в осуществлении этого убийства.

В приговоре по делу так называемого «Московского центра», в котором главную роль играли Каменев, Зиновьев, Евдокимов и некоторые другие, об их роли было сказано лишь то, что они разжигали лишь террористические настроения своих сообщников,— что они создавали объективную почву, на которой должно было неизбежно вырасти и в действительности выросло это преступление.

Будучи абсолютно объективными, следствие и обвинительная власть не предъявили тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву обвинения в прямом подстрекательстве, прямой организации этого убийства. В обвинительном заключении было сказано, что следствием не установлено этого прямого их участия. Однако все данные, бывшие в руках следственных органов, позволяли говорить о том, что эти лица — Каменев, Зиновьев, Бакаев и Евдокимов — были тесно связаны с этим преступлением и, как они сами тогда выражались, должны были нести полную моральную и политическую ответственность за него.

В соответствии с этим по делу «Московского центра» и был вынесен сравнительно мягкий приговор в отношении Каменева, Зиновьева, Евдокимова и Бакаева — только лишение свободы.

Каменев, Зиновьев, Евдокимов и Бакаев сделали все, что только можно было, для того, чтобы извратить действительное положение вещей, скрыть подлинных организаторов и соучастников этого преступления. Они пытались изобразить дело так, что руки своей они к этому грязному и, подлому делу не приложили. При этом они, говоря высоким стилем, заявляли, что контрреволюция избрала их орудием своей преступной деятельности. Не они избрали контрреволюцию орудием своей борьбы, а контрреволюция избрала их своим орудием...

И Зиновьев, и Каменев, и Бакаев, и Евдокимов пытались всячески уверить и доказать, что, кроме моральной и политической ответственности, они никакой другой ответственности за это злодейское убийство нести не могут, но эту ответственность они якобы полностью и честно готовы нести и признают правильность и обоснованность предъявления им обвинения в этих пределах.

На суде 15—16 января 1935 г. Зиновьев говорил: «На скамье подсудимых сидит нас много, больше 15 человек, с различными биографиями. Среди нас много таких, которые в рабочем движении участвовали немалое количество лет. Многое они делали по доверию ко мне, и я за это, конечно, должен себя казнить... Свою задачу в этой стадии я, вижу в том, чтобы до конца чистосердечно и искренне перед судом рабочего класса раскаться в том, что я понимаю как ошибку и преступление, и рассказать это так, чтобы это кончилось раз и навсегда с данной группой...»

Я уже — говорил о том, что это заявление Зиновьева было игрой, маневром, тактическим приемом.

Так обычно поступают уголовные преступники. Обвиняемый в убийстве с грабежом признается только в грабеже. Обвиняемый в грабеже признается только в краже. Обвиняемый в краже признается только в хранении краденного. Это обычные уловки уголовных преступников перед лицом более тяжелых преступлений признаваться в более легких преступлениях. Это способ замести действительные следы в расчете на доверчивость людей, которые позволяют еще себе во многих случаях, даже в уголовных делах, относиться с доверием к уголовным преступникам. Эту позицию занял и Зиновьев. Аналогичную позицию заняли — и это не будут они отрицать — Каменев, Евдокимов и Бакаев. Пойманные в 1935 году почти с поличным, эти люди признавали себя ответственными за меньшее преступление для того, чтобы избежать ответственности, настоящей ответственности за большее преступление.

* * *

Зиновьев говорил о «чистосердечном, искреннем» признании, но этого в действительности не было. Они в действительности делали все для того, чтобы не выдать в руки советского правосудия своих соучастников, чтобы оставить какие-то резервы, чтобы резервы эти можно было в нужную минуту пустить в ход и направить против нашей партии, против руководителей нашей страны.

Этим объясняется вся позиция Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Бакаева на Ленинградском процессе 15—16 января 1935 г. «Верно, — говорил Зиновьев, — что нас судят по объективным чертам». Он говорил, что многих людей,

сидевших в то время с ним вместе на скамье подсудимых, он не знал. Зиновьев не знал, оказывается, ни Евдокимова, ни Гертика, ни Каменева, ни Сахова... Зиновьев говорил, что субъективно они были «преданы» рабочему классу.

Тогда Зиновьев даже позволил себе утверждать, что и он и они, 15 его соучастников, были субъективно якобы преданы рабочему классу и не хотели становиться на путь контрреволюции, а объективно получалось у них наоборот. Почему получилось обратное? Я бы хотел, чтобы обвиняемый Зиновьев в своей защитительной речи сказал, как получилось, что субъективно он был предан рабочему классу, а объективно вышло наоборот. Не может быть этого и так не бывает. Если объективно действительно получалось так, то это потому лишь, что ваша, обвиняемый Зиновьев, субъективная преданность революции была фальшивой и гнилой. О чем вы думали, когда вы говорили эти речи? Я прошу вас сказать и об этом в своей защитительной речи.

Вы вооружились против Советского государства не только злобой, но и огнестрельным оружием. Вы практически осуществляли свои преступные замыслы. Вы сами говорили о двурушничестве, но говорили в то же время об этом так, чтобы скрыть, что и в этот момент вы продолжаете политику двурушничества.

Вы говорили: «Я привык чувствовать себя руководителем, для меня играл лично громадную роль именно этот момент». Вы говорили: «Я привык чувствовать себя руководителем, и, само собой разумеется, я должен был все знать. Если я удален от руководства, — это или несправедливость, или недоразумение, или на несколько месяцев. Это не есть оправдание, но я высказываю все то, о чем действительно думаю, и этим самым я вынимаю из себя последнюю занозу тех преступлений, которые здесь разворачиваются».

«Последнюю занозу» Зиновьев вынул на Ленинградском процессе... Нет, он не вынул, он оставил эту занозу и не одну, а несколько в теле нашей социалистической страны для того, чтобы продолжать готовить и совершать тягчайшие преступления.

Вы говорили: «Я не мыслил иначе: как же это я без кружка своих, без того, чтобы знать все, без того, чтобы быть в гуще политики и т. д.?»

Вот мысль, которая мучила вас, — что без вас нельзя... Ваше положение в прошлом определялось вашими делами, как и сейчас ваше положение определяется вашими делами. Подходя к вопросу, был ли, центр, — вы говорите: «Конечно, он был до 1929 года». Вы пытаетесь утверждать, что в последующие годы центра не было, что, в сущности говоря, с 1929 года он не действовал. Это обман. Старый зиновьевский центр превратился в центр объединенного троцкистско-зиновьевского блока. Он реформировался, несколько окреп, ибо произошла консолидация нескольких группировок. С 1932 года он начинает более широко разворачивать свою деятельность. В 1933 году он проявляет особенную активность, он подготавливает ряд террористических актов и в 1934 году осуществляет один из них.

Зиновьев говорил, что «это не есть центр, который был в 1926—1927 годах», и что с этим центром он не имел никакой связи. Как тогда ставил вопрос Зиновьев о связи с ленинградским центром? Он говорил, «что была группа, которая состояла из Котолынова, Мандельштама, Мясникова и др.». Крупную

роль играл Котолынов, о чем Зиновьев якобы узнал из обвинительного акта об убийстве Кирова.

Зиновьев хотел уверить, что одного из организаторов этой ленинградской террористической группы он узнал лишь из обвинительного заключения.

Так ли это было в действительности? Не так, Зиновьев посылал Бакаева в Ленинград, чтобы связаться с группой Николаева-Котолынова, чтобы Бакаев проверил, как Николаев, Котолынов, Мандельштам и другие готовили преступление.

Здесь опять-таки обман, ложь, опять-таки маскировка.

«Мы искали с ним сближения». Зиновьев уже в 1935 году должен был, при всей своей маскировке, признать, что он искал сближения с Котолыновым и Николаевым, и нашел это сближение. Теперь это установлено с абсолютной точностью.

* * *

Зиновьев рассказывает, что в 1932 году он виделся с Левиным, расстрелянным в 1935 году по делу об убийстве т. Кирова, и добавляет: «Организационных разговоров у нас не было. Да в этом и не было особой нужды: меня понимали с полуслова, я для него был авторитетом, и он для меня тоже был авторитетом; я знал, что этот человек из группы безвожденцев будет делать так, как мы скажем». Здесь еще содержится ряд полупрактических, полупризнаний, на основе которых впоследствии только, собрав полностью ряд изобличающих Зиновьева улик, можно было обеспечить неполное признание Зиновьевым своего участия в этом преступлении. Теперь Зиновьев уже не скрывает того обстоятельства, которое Бакаев вчера усиленно хотел здесь ослабить.

Еще в январе 1935 года по делу «Московского центра» Зиновьев признал, что Владимир Левин особенно близок был с Бакаевым. А вот вчера Бакаев пытался ослабить эту близость, ослабить ее ссылкой на то, что он ездил к Левиному в Ленинград не для конспиративных целей террористического порядка, которые как раз, однако, только и возможны при наличии такой близости. Он все время пытался сказать: вычеркните из показаний и из обвинительного заключения слова «для этой цели».

Нет, Бакаев этого мы не вычеркнем, этого вычеркнуть нельзя, ибо вы ездили «для этой цели» как мастер сих дел, террористических дел, и ездили не случайно!

Почему Зиновьев не послал в Ленинград Рейнгольда, Пикеля, не послал даже Евдокимова? Почему для переговоров с ленинградской группой, с группой будущих убийц т. Кирова, Зиновьев выбрал именно Бакаева? Ответ на этот вопрос я нахожу в объяснениях Зиновьева и отчасти Бакаева на процессе 15—16 января 1935 г. На Бакаева падает выбор Зиновьева потому, что Бакаев был наиболее близко связан с Левиным, который был представителем зиновьевцев в Ленинграде, который был руководителем ленинградской террористической подпольной организации, что он и сам признал на суде Военной коллегии в прошлом году. Подтверждение этому мы находим и в показаниях Зиновьева: «Знал его особенно близко Бакаев, он был одним из крупных организаторов антипартийной борьбы в Ленинграде...»

Только ли, подсудимый Зиновьев, антипартийной? Антисоветской борьбы, контрреволюционной борьбы, борьбы, которая по самому своему существу носила явно контрреволюционный, противогосударственный, антисоветский характер!

Дальше Зиновьев говорил: «Я ему не давал никаких поручений». Но это, знаете, такое иезуитство, что дальше идти некуда. Это похоже на то, как один иезуитский монах, когда его спросили: «Проходил ли этот человек здесь?» — ответил, показывая пальцем у себя в рукаве: «Здесь он не проходил»...

С Левиным вы связи не имели, но вы имели эту связь через Бакаева. Бакаев ездил по вашему поручению. И, следовательно, когда вы говорили: «Я ему не давал никаких поручений», — вы опять обманывали!

Не один Бакаев выполнял ваши поручения. Все вы — и Каменев, и Зиновьев, весь ваш центр — вели переговоры с Левиным, Котолыновым, Николаевым, Румянцевым, Сосицким, Мандельштамом и рядом других членов этой разгромленной, уничтоженной банды ленинградских зиновьевцев. Весь ваш центр проверял, как ленинградская зиновьевская банда готовила это преступление, с нетерпением ожидая, когда будет, наконец, уничтожен этот верный сын нашей партии, руководитель ленинградских большевиков и пламенный трибун Сергей Миронович Киров. И они дождались этого убийства.

Здесь на суде Зиновьев признал, что он форсировал это убийство. Он спешил, он лихорадочно хватался за таких, как Николаев и Котолынов, чтобы поскорее осуществить это убийство. Не последним мотивом здесь было и желание перекрыть троцкистских террористов. Троцкисты нажимали.

Зиновьев признал, что Смирнов тоже торопил. Все они торопились. Троцкисты действовали более решительно и энергично, чем действовали зиновьевцы. Зиновьеву известно было, что из-за границы прибывали троцкистские террористы. И Зиновьев объявил «делом чести» — позорно употреблять здесь это слово — скорее осуществить свой преступный замысел, скорее, чем это смогут осуществить троцкисты! Отсюда лихорадочное нетерпение Зиновьева. Вот почему он каждый день ждал, когда же, наконец, раздастся предательский выстрел в Ленинграде.

Вся его деятельность заключалась именно в том, чтобы возможно быстрее, возможно скорее и возможно успешнее осуществить это свое злодеяние!

Так рисуются роль и поведение в этом деле Зиновьева.

Кончая этот эпизод, я хотел бы теперь получить от Зиновьева прямой ответ: берет ли Зиновьев на себя не только моральную, но всю уголовную ответственность и притом полную ответственность за подготовку, организацию и совершение убийства Сергея Мироновича Кирова? Конечно, Зиновьев скажет — «да». Иначе он не может сказать. Он так уже сказал в первый же день процесса, сжатый железной цепью улик и доказательств.

● * * *

Почти аналогичная позиция была на том же процессе и у Каменева. Аналогичная позиция была и у Бакаева. Каменев говорил, что он не знал о том, что был «Московский центр». Желая разыграть благородного человека, он говорил, что поскольку этот центр был, и это доказано, он за него отвечает...

У Каменева так выходило: не знал, что был центр, но если центр был, значит, знал. Но Каменев знал о существовании центра, действительно знал. Это было доказано. А теперь это подтверждено новыми доказательствами, которые добыты в связи с открытием ряда новых преступных шаяк, действовавших в том же направлении. Доказательства эти пролили полный свет на это кошмарное и страшное дело.

И тогда Каменев попытался показать себя политически ослепшим человеком. Он говорил: «Я ослеп — дожил до пятидесяти лет и не видел этого центра, в котором я сам, оказывается, действовал, в котором участвовал действием и бездействием, словом и молчанием».

Какой-то спиритуализм, спиритуализм и черная магия!

Мы это и тогда понимали как простую попытку прикрыться какими-то фальшивыми словами и под фальшью этих рассуждений скрыть истину. Теперь это все окончательно разоблачено. Нет, Каменев не ослеп. Каменев очень хорошо видел и знал, что он делал. Он прекрасно видел, что делалось вокруг него, потому что он организовал то, что вокруг него делалось. Каменев не ослеп, потому что он действовал и словом и молчанием. Молчанием, когда он не говорил: «Не действуйте», — когда он обязан был это сказать, и словом, когда он говорил: «Действуйте», — когда, может быть, некоторые из младших его помощников колебались и обращались к нему, как к авторитету, как к наставнику.

Каменев заявил: «Я хочу сказать, не в оправдание свое, раньше я этого не помнил, а теперь вспоминаю, что когда-то мне Зиновьев сказал, что у него был Сафаров и предлагал какой-то блок. Я сказал, что не буду принимать никакого участия ни в каком блоке, так как никогда не верил этому человеку. Это Зиновьев может подтвердить. Я не был против разговора. Я разговаривал». С кем разговаривал?

«С Толмазовым и Шацким». А Толмазов и Шацкий — это активные члены ленинградской зиновьевской банды, убившей т. Кирова.

Каменев разговаривал с Толмазовым и Шацким, то есть с одним из главных организаторов убийства т. Кирова. Значит, на эти разговоры Каменев шел, ведя эти разговоры через Бакаева. Но это он пытался скрыть.

Доказывая, что он никакого отношения к террору не может иметь, Каменев встал в позу и заявил: «Я должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не ставил ставку на боевую борьбу. Я всегда ждал, что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договориться с нами, потеснится и даст нам место... Последние два года не было этих мечтаний, не было просто потому, что я не мечтатель и не фантазер. В нашей среде были фантазеры и авантюристы, но я к этой категории не принадлежу».

Я думаю, что сейчас Каменев несколько иначе будет квалифицировать свое участие в этом деле. Что же Каменев ставил своей задачей: ставил ли он ставку на боевую борьбу или не ставил?

Тогда он говорил — «нет». Теперь, два дня тому назад, он сказал — «да». Тогда он говорил — «нет», потому что он знал, он видел, что у нас нет еще всех нитей этого кошмарного преступления, потому что тогда, по состоянию следственного материала, не были раскрыты до конца все эти нити. Тогда он говорил — «нет». Сейчас, когда все уже вскрыто, он говорит — «да».

Характерный факт! Он свидетельствует, какую большую, решающую роль играли в этой преступной каменевской «работе» личные мотивы. Каменев думал, что должно прийти такое время, когда ЦК потеснится и даст ему место. А ежели не потеснится? И не освободит ему там место? Тогда он, Каменев, примет меры, чтобы место это освободилось.

Вот вся логика и политика Каменева! Логика и политика, которые никак не позволяют согласиться с тем, что он не принадлежит к категории людей, которых он сам назвал авантюристами. Нет. Он принадлежит, очевидно, к этой категории людей, как и к другой категории — к «фантазерам». — Фантазии тут не мало. А желания претворить эту фантазию в практику, В жизнь, в живое дело, хотя бы путем авантюры, через блок со шпионами, диверсантами, охранниками, убийцами и путем непосредственных убийств — много, на это Каменев шел, к этому Каменев был готов.

Вот что еще он говорил на ленинградском процессе: «Я говорю перед портретами этих великих строителей социализма...» А надо сказать, что там был и портрет, обрамленный траурной каймой, — портрет т. Кирова. Каменев клялся на суде перед портретом убитого Каменевым Кирова!

«...Перед портретами этих великих строителей социализма я преступник, если у меня не хватило сил самому уйти и увести кого можно было...»

Ложь! Опять лицемерие, коварство, вероломство, цинизм!

* * *

Выше я поставил вопрос: была ли организация, был ли троцкистско-зиновьевский террористический центр? Отвечаю: да, он был, он возник в 1932 году. В его составе были Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский.

Этот центр был, и, что самое важное, он сложился по прямому указанию Троцкого, Зиновьева и Каменева. Он сложился по прямой директиве Троцкого о терроре как единственном средстве борьбы против руководства Советской страны. Он сложился в условиях сугубой и строгой конспирации. Одного Представителя этой конспиративной школы Троцкого — Зиновьева — Каменева мы имели возможность вчера наблюдать здесь в лице подсудимого Гольцмана. На скамье подсудимых в лице Смирнова сидит другой конспиратор. Центр был и действовал; он пустил в ход не только методы прямого вероломства, обмана и предательства, но, как теперь это в точности установлено, организовал и установил тайные связи с германскими фашистами, с которыми он спарил германских троцкистов, используя их для борьбы с нашим руководством и используя их связи с германским гестапо в лице Тукалевских, Ольбергов и т. п.

Я считаю абсолютно доказанным личными показаниями буквально всех подсудимых, в том числе в этой части и Смирнова, что этот центр был организован на террористической основе, что центр действовал террористическими методами, не брезгуя самыми грязными и циничными способами борьбы. Я считаю абсолютно доказанным, что этим центром был подготовлен ряд террористических покушений на Украине, в Москве и в Ленинграде. Наконец, этим центром было подготовлено и осуществлено в Ленинграде убийство Сергея Мироновича Кирова.

Убийство Сергея Мироновича Кирова входило, как я уже сказал, в общий план приготавливавшихся заговорщиками убийств руководителей Советского государства и ВКП(б). Это было установлено, между прочим, и показаниями Евдокимова. Я прошу суд обратить внимание на показания Евдокимова от 10 августа, где он говорит, что убийство Кирова было осуществлено по прямой директиве объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока, где он говорит, что в 1934 году Зиновьев дал на этот счет прямую директиву. Бакаев это также подтвердил. Решение об организации убийства Кирова было принято Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и Бакаевым и представителями Троцкого — Мрачковским и Тер-Ваганяном.

Показания Евдокимова, на которые я сейчас ссылаюсь, говорят, что Бакаев, с целью подготовки убийства, был направлен в начале ноября 1934 года, т. е. за несколько дней до совершения Николаевым убийства Кирова в Смольном, в г. Ленинград для проверки подготовленности этого убийства. Бакаев имел личное свидание с Николаевым, приехал в Москву, сообщил об этом Евдокимову, Зиновьеву и Каменеву, которые с удовлетворением отметили успешный ход подготовки этого злодейского преступления и стали ждать этого выстрела. Бакаев предупредил Николаева и его сообщников, что они должны ждать сигнала Зиновьева, что они должны стрелять в Ленинграде одновременно с тем, как раздадутся выстрелы в Москве и Киеве.

Все это судом теперь доказано. Пусть подсудимые посмеют это оспаривать в своих защитительных речах!

После длительного заперательства на предварительном следствии Зиновьев дал ряд показаний, о которых я говорил выше. Характерная деталь. Еще осенью 1932 года на даче у Зиновьева и Каменева (у них была совместная дача, которую, кстати сказать, Каменев однажды назвал источником своих бедствий) было поручено Бакаеву подготовить террористический акт против товарища Сталина, а Кареву — против т. Кирова, но потом положение изменилось, так как Карев оказался арестованным, а Каменев и Зиновьев оказались в ссылке.

Наступил 1933 год — год оживления террористических настроений, год возобновления деятельности троцкистско-зиновьевского центра, и вот уже здесь дается поручение Бакаеву и начинается основная подготовка к убийству т. Кирова.

Каменев говорит: «Я не знал, как практически шла эта подготовка, потому что практическое руководство по организации этого террористического акта осуществлял не я, а Зиновьев». Обвиняемый Каменев, вам было известно, что Бакаев ездил в Ленинград проверять, как там шла подготовка? Да, было известно. Вам было известно, как Бакаев, проверив и убедившись, что все идет успешно, приехал в Москву и доложил вам о ходе подготовки? Было известно. Как же после этого вы позволяете себе говорить, что вы не принимали практического участия в осуществлении убийства Кирова! Ваша попытка свалить все это на Зиновьева просто недоброкачественна.

Каменев говорит так: «Было решено убить», — и добавляет: «Я к этому решению присоединился». Разве это не практическое осуществление?

Бакаев упорно запирался на предварительном следствии и, отрицал свою роль в подготовке убийства Кирова, но его изобличил Карев, который напомнил

ряд фактов, и тогда уже, после этого, Бакаев признался. Именно поэтому, ввиду полного сознания Бакаева, я и отказался от допроса Карева на суде.

Убила Сергея Мироновича Кирова рука Николаева, Котолынова, его группа. Но кто еще убил? Я спрашивал Зиновьева: «Когда организовался объединенный центр?» Зиновьев ответил: «Летом 1932 года». — В течение какого времени он действовал? Зиновьев: «Фактически до 1934 года»...

На этом вопросе я хочу остановиться подробнее. В 1932—1933 годах Каменев и Зиновьев были в ссылке, а центр действовал. Известно, что в 1934 году не был на свободе и Смирнов, он был арестован 1 января 1933 г., а центр действовал. И Зиновьев подтверждает, что центр действовал. Я делаю вывод, что если действовал центр, то это благодаря хорошо организованной технике связи, которая позволяла даже не находящимся на свободе, как, например, Смирнову, принимать участие в руководстве работой этого центра.

Я знаю, что Смирнов будет защищаться тем, что он от центра отошел: «Я же ничего не сделал, я же сидел», — скажет Смирнов. Наивное утверждение! Смирнов сидел с 1 января 1933 г., но мы знаем, что он организовал из тюрьмы связь со своими троцкистами, так как был обнаружен шифр, которым он сносился из тюрьмы со своими товарищами. Это свидетельствует о том, что связь была, и Смирнов этого отрицать не может.

Но и это не решает вопроса, ибо, в конце концов, для нас важно, что Смирнов, как и Зиновьев и Каменев, ответственен за всю деятельность центра и всей той террористической группы, которая была организована, построена и действовала под его руководством еще в то время, когда они были на свободе. Смирнов, Зиновьев, Каменев — они были организаторами центра; они дали направление деятельности своих террористов, всех этих Пикелей, Дрейцеров и других. Они же в полной мере и должны отвечать за это, независимо от того, находился ли кто-либо из них в это время на свободе или нет. Это элементарно, и на этом подробно, я думаю, можно не останавливаться.

Как руководители они должны отвечать за всю преступную деятельность руководимой ими организации и всех тех групп, которые возникли на вспаханной ими почве.

* * *

В чем выражалась деятельность центра? Зиновьев сказал: «Главное заключалось в подготовке террористических актов против руководства партии и правительства». Я спросил: «Против кого?» Зиновьев ответил: «Против руководителей».

Я спросил: «То есть против Сталина, Ворошилова и Кагановича? Это ваш центр организовал убийство Кирова? Было ли организовано убийство Сергея Мироновича Кирова вашим центром или какой-нибудь другой организацией?»

Зиновьев: «Да, нашим центром».

Я спросил: «В этом центре были вы, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян?»

Зиновьев: «Да».

На мой вопрос: «Значит, вы организовали убийство Кирова?»

Зиновьев ответил: «Да».

За это преступление и должны отвечать Зиновьев и Каменев, и Смирнов, и Мрачковский, и Тер-Ваганян, и все остальные.

Наиболее упорно запирается Смирнов. Он признал себя виновным лишь в том, что был руководителем троцкистского подпольного контрреволюционного центра. Правда, он сказал это в несколько юмористической форме. (Обратившись к Тер-Ваганяну, Мрачковскому и Драйцеру, он им сказал: «Вы хотите вождя? Ну, возьмите меня». Но вы, обвиняемый Смирнов, и были таковым.

Смирнов был руководителем троцкистского подполья. Не случайно Зиновьев и Каменев рассматривали его как представителя Троцкого, как заместителя Троцкого, как действительного руководителя всего троцкистского подполья. В этом он, в конце концов, и сам признался.

Я не знаю, что Смирнов скажет в последнем слове. Но полагаю, что на основании имеющихся материалов предварительного следствия и материалов судебного следствия у меня имеются все основания заявить следующее: 1) обвиняемый Смирнов признал, что он был в течение ряда лет действительным руководителем троцкистского подполья; 2) он признал, что был представителем и заместителем Троцкого в СССР; 3) он признал, что в 1931 году был в Берлине и встретился там с Седовым, и 4) он признал, что Седов сообщил ему о террористических задачах и дал террористические установки.

Правда, Смирнов отрицает, что это была установка Троцкого. Он говорит, что это было «личное мнение» Седова. Однако, приехав в СССР, он это «личное мнение» Седова счел необходимым передать своим товарищам по подполью.

Мы его спросили: где же логика? Если это было личное мнение Седова, да еще такое, с которым Смирнов был не согласен, как он утверждал, зачем ему было это передавать другим членам подполья? Передавать, да еще не говорить, что он не согласен. Все его товарищи по контрреволюционному подполью уличают его, что он не заикнулся о своем несогласии с этой установкой.

Что же следует в таком случае считать установленным? Встреча с Седовым в 1931 году была? — Была. Седов — сын Л. Троцкого — является его ближайшим и первым помощником во всей его политической деятельности? — Является. Во время этой встречи Седов со Смирновым говорил? — Говорил. Это Смирнов признает. Говорили о терроре? — О терроре. И это Смирнов признает. Что же касается того, как понял Смирнов Седова, то для обвинения, в конце концов, это совершенно безразлично. — Если Смирнов понял разговор с Седовым не как установку, ему незачем было передавать ее товарищам по своей подпольной группе. Если он этот разговор передал и не сказал о своем несогласии с ним, значит это была «установка», и иначе и быть не могло.

Смирнов говорит, что он не был согласен с этой установкой. Однако, если он не был согласен с нею, он как достаточно опытный подпольщик, фракционер и контрреволюционер должен был понимать, что и обязан был порвать с этой группой, уйти от этой группы. Иначе он не был бы политическим деятелем, тем более руководителем подполья. А ведь Смирнов был не просто рядовым членом троцкистской группы. Смирнов — это не Гольцман. Гольцман — это ухудшенное издание Смирнова, но Смирнов — не Гольцман. Смирнов — это Смирнов. Он руководитель. Как же руководитель остается участником подпольной группы, не будучи согласен с основной линией этой группы?! А основная линия это

группы — террор. И если он говорит, что в 1931 году он слова Седова не понял как установку, а принял их как его личное мнение, то в 1932 году он получил уже непосредственную установку от Троцкого через Юрия Гавена. В это время он уже не мог более ссылаться на то, что это было чье-то «личное мнение», ибо если это и была действительно «личная» установка, то установка Троцкого!

От личной установки Седова лежит прямой путь к установке Троцкого. Нет никаких личных установок! Есть троцкистское решение, линия Троцкого на террор! Вы, Смирнов, ее получили в 1931 году и в 1932 году получили директиву и от Дрейцера, не лично, но я глубоко убежден, что вы знали о ней, хотя и сидели в политизоляторе.

В 1932 году вы получили директиву Троцкого от Гавена. Троцкий прямо говорит: террор, убрать Сталина, убить Ворошилова, убить руководителей партии и правительства. Вы, Смирнов, это указание получили. Вы говорите: «Я получил его, но не принял». Если вы не приняли и если вы в какой-нибудь мере все-таки сохранили в себе понятие политической чести, то вы не могли в 1932 году, выслушав это указание Троцкого, пересланное вам через Гавена, не порвать с троцкистской организацией. Вы это понимаете, поэтому вы и говорите: «Я порвал, я ушел». Но кому вы сказали, что ушли? Никому не сказали. Не знал об этом Мрачковский, не знал об этом Тер-Ваганян, не знала об этом даже Сафонова. Никому вы не сказали! Никто не знал!

Следовательно, мы не имеем никакого права доверять этим вашим утверждениям. Мы можем утверждать, что вы в 1932 году получили от Троцкого директиву о терроре, и вы ее приняли. Вы не были бы Смирновым, если бы оставались в троцкистской группе, не будучи согласны с основной установкой этой группы, не будучи согласны с установкой такого авторитета, каким являлся для вас Троцкий. Мы знаем, что в своей защитительной речи вы будете проклинать Троцкого. Вам никто не поверит потому, что вы на этом суде не сказали и не хотите сказать и двух слов правды о своей работе в террористическом центре. Вы даже вчера хотели скрыть роль Путна. Вы хотели сохранить резерв, который, может быть, не будет окончательно разоблачен. Вы хотели сохранить резерв для Троцкого, для вашего проклятого троцкистского подполья!

* * *

Я считаю, что все приведенные мною обстоятельства позволяют установить следующее в отношении Смирнова.

Первое. Смирнов был членом объединенного центра троцкистско-зиновьевской террористической организации. При его участии этот центр был организован. Следовательно, он один из важнейших организаторов центра.

Второе. Он организовал этот центр на основе директивы Троцкого, полученной им в 1931 году. Он придал этому центру террористический характер и террористическое направление его деятельности.

Третье. В 1932 году Смирнов получил от Троцкого вторую директиву. Это с бесспорностью установлено. Все попытки Смирнова доказать, что, получив эту директиву, он не присоединился к ней, хотя в то же время оставался в рядах троцкистского подполья, шиты белыми нитками.

Товарищи судьи, есть еще одно очень важное обстоятельство. Можно так поставить вопрос: ну, террористическая основа, ну, террористические настроения, разговоры о том, что террор есть единственное средство, — но как обстоит с организацией практических мероприятий, направленных на сколачивание террористических групп, на осуществление террора?

Тер-Ваганян говорил, что шла такая работа по сколачиванию террористических групп, но это была подготовительная работа, которая не выходит за пределы подготовки. Разве в действительности только так обстояло дело?

Конечно, не так. Зиновьевцы пошли за троцкистами и, в частности, за Смирновым, который убежденно и горячо настаивал на скорейшем осуществлении террора, и не вообще на осуществлении террора, а на осуществлении террора против товарищей Сталина, Кирова, Ворошилова и других наших руководителей. Ведь товарищи Сталин и Киров разгромили эту бесчестную оппозицию. Поэтому вполне понятно, что Смирнов, этот последовательный и вполне убежденный, непримиримый троцкист, должен был направлять всю силу своих организационных способностей на то, чтобы подготовить убийство раньше всего руководителей ЦК нашей партии, руководителей нашей страны. Смирнов убеждал Зиновьева: давайте поскорее осуществим террористический акт, давайте поскорее убьем Сталина, Кирова и Ворошилова. А Зиновьев, петушком поспевающий за троцкистами, волнуется, кипит, как бы не отстать...

Смирнов убеждал Зиновьева с убийством поторопиться. С платформой он не торопится. Он говорит: в один присест можно ее составить. Зачем платформа, когда есть более верное, по их мнению, средство — убийство! Смирнов наметил и дал в руки своим агентам конкретный план организации террористических актов. Убийство т. Кирова было совершено в осуществление этого плана, за который Зиновьев, как и Каменев, Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян должны нести полностью ответственность перед советской страной, перед советским народом, перед советским пролетарским судом.

● * * *

Я считаю, что вина Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева полностью установлена и что я могу освободить себя от обязанности перечислять многочисленные факты и подвергать анализу материал судебного следствия, изобличающий их в полной мере. Я хочу подчеркнуть лишь, что рядом с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым должны стоять Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский. Они должны стоять с ними плечом к плечу. Они вместе направляли свою преступную деятельность против нашего правительства, вместе убивали т. Кирова, а поэтому вместе и полностью должны за это и отвечать.

Смирнов прекрасно понимает это, и поэтому он занял позицию отрицания. Сначала он все отрицал: он отрицал наличие троцкистской организации, он отрицал наличие центра, он отрицал свое участие в центре, он отрицал связь с Троцким, он отрицал какие-либо нелегальные задания, которые он давал даже в 1936 году, а мы знаем, что этот большой конспиратор сумел организовать передачу преступных указаний своим сторонникам, даже будучи изолирован. Он все отрицал — он отрицал наличие троцкистского центра в 1931 году, он

отрицал существование такого центра в 1932 году, — он все отрицал. Весь его допрос от 20 мая состоит из одних слов: «я это отрицаю, еще раз отрицаю, отрицаю». Это единственное, что ему оставалось делать.

Обвиняемый Смирнов, вам изменил ваш опыт, вам изменило ваше искусство обманывать. Будучи изобличены показаниями Сафоновой, Мрачковского, Тер-Ваганяна, вы вынуждены были признать, что центр был, что вы были членом центра. Ваше отрицание вам не помогло. Вы отрицали и говорили, что никакие директивы о терроре не получали, но вас в этом изобличил Гавен, и вы это признали, вас изобличил Гольцман, который получил поручение от Троцкого передать вам лично, и только вам, директиву о том, что сейчас необходимо перейти к террору. «Сугубо законспирированный троцкист» Гольцман говорит, что он это поручение получил, но не передал, и вы думаете, что этому можно будет поверить? Нет, этому никто не поверит.

Гольцман занял такую же позицию, что и Смирнов: «Я признаю все, кроме террора», — потому что он знает, что за террор может свалиться с плеч его голова. В терроре Смирнова изобличил и Гольцман, и Мрачковский, и Сафонова, и Дрейцер.

21 июля вы, Смирнов, дали несколько иные показания, т. е. вы вначале отрицали получение какой-либо директивы об организации террора от Троцкого, а здесь вы это признаете. С отрицанием у вас не вышло. На очной ставке с Мрачковским вы продолжали отрицать получение директивы от Троцкого и дачу Мрачковскому поручения организовать террористическую группу. Мрачковский вас стыдил, говоря: «Что же вы, Иван Никитич, из грязного кровавого дела хотите выйти в белой рубашечке?» Я могу это повторить: «Неужели вы думаете, подсудимый Смирнов, что вы из этого кровавого дела выйдете невинным?». Вы на слова Мрачковского ответили: «Выдумка и клевета», — а потом вы все же кое-что признали.

Ведь вы признали, что блок был организован на базе необходимости террора и что, таким образом, вы являлись одним из организаторов террористического центра. Вы получили от Троцкого директиву о терроре. Вы развили на этой основе террористическую преступную деятельность, правда, вам немножко помешал участвовать в осуществлении этой деятельности ваш арест. Но все же вы помогали этому делу всячески, как только могли.

Я хочу напомнить, что очная ставка с Сафоновой на предварительном следствии, в основном воспроизводящая то, что мы имели здесь на суде, очень характерна. Смирнов не решается отрицать доказательств, приводимых Сафоновой, он измышляет каучуковую форму лжи, он знает, что Сафонова клеветать не будет.

Сафонова — его бывшая жена, с которой он никаких счетов не имеет, и на личные счета он сваливать не может. Он говорит: «Не помню», «очевидно, такой разговор мог быть». Его спрашивают: «Был разговор об организации террора?» — «Не был, а мог быть». Такая же животная трусость им руководит сейчас, когда он, маскируясь, говорит: «Мне на это нечего отвечать». Но 13 августа он вынужден был признать, что в 1932 году этот разговор был, что он, Смирнов, за это несет полную ответственность и сейчас он от этой ответственности уклоняться не собирается.

● * * *

Я хочу перейти к Тер-Ваганяну. У него вначале тоже была такая позиция отрицания, но 14 августа он дал более правдивые показания. Суммируя его показания и все поведение на суде, можно прийти к нескольким твердым выводам: можно считать установленным, что Тер-Ваганян был членом троцкистско-зиновьевского центра, что он принимал деятельное участие в организации этого центра, что он задания центра осуществлял на основе директивы Троцкого, которая была получена через Смирнова и о которой ему было известно от Смирнова. Он пытается утверждать, что фактически ничего не сделал. Но я должен заранее сказать, что если бы он и «не сделал ничего», то и того, что он сделал, достаточно, чтобы предъявить ему ст. ст. 58.8, 58.8 и 58.11 Уголовного кодекса РСФСР.

Моисей Лурье и Натан Лурье. Мы здесь слышали показания Натана Лурье о том, как он прибыл сюда и с какими целями, какую он развернул работу по подготовке террористических актов под руководством Моисея Лурье, как он явился по сути преемником той группы, которая до него уже была сколочена здесь Францем Вайцем, фашистским агентом и доверенным лицом Гиммлера, начальника фашистской черной охраны, начальника германских охранных отрядов, а впоследствии начальника германского гестапо.

Вы помните все их показания, и я полагаю, что на этом можно подробно не останавливаться. Полностью категорично и бесспорно доказана подготовка террористических актов Натаном Лурье и Моисеем Лурье. Они полностью должны нести ответственность за это преступление!

Когда я говорил о тех методах, при помощи которых действовали эти господа, я показал, старался показать, как глубоко и низко было падение этих людей, и моральное и политическое. И, может быть, одно из наиболее ярких и характернейших доказательств безграничного морального падения этих людей, у которых нет даже тех моральных, хотя и в кавычках, устоев и тех правил поведения, которые существуют даже у закоренелых преступников и бандитов, это то, о чем говорил здесь Рейнгольд.

Я говорю об их плане уничтожения следов своих злодейских преступлений.

Разве случайно, товарищи судьи, они, рассчитывая на успех своего злодейского плана, намечали председателем ОГПУ никого другого, как Бакаева? Именно Бакаева, который известен как злобный ненавистник, как человек решительный, как человек настойчивый, упорный, с очень большой волей, с громадным характером и выдержкой, человек, который не способен останавливаться ни перед какими средствами для достижения этих целей, которые он перед собой поставил!

Если некоторые из обвиняемых совершенно спокойно намечали себе путь к власти через горы трупов лучших людей нашей советской земли, то едва ли Бакаев был здесь не самым решительным и не самым неумолимым исполнителем этого плана! Именно этот человек и предназначался в качестве председателя ОГПУ в случае успеха заговора.

Я не останавливаюсь на смехотворном распределении портфелей между заговорщиками и террористами. Я подчеркиваю только еще раз, что никто другой, а только Бакаев намечался на пост председателя ОГПУ. Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити о подготовлявшемся государственном заговоре, и поэтому они считали

важнейшей задачей назначить Бакаева председателем ОГПУ. Он должен был перехватить эти нити, а затем уничтожить их, как и самих физических исполнителей их поручений.

Первую часть Каменев и Зиновьев не отрицают, а вторую часть отрицают. Она слишком кошмарна, и Зиновьев сказал, что это из Жюль Верна. Но разве мы не знаем, что в истории такие примеры бывали? Разве мы не знаем некоторые соседние государства, в которых такие эксперименты были, где участники заговора физически уничтожались рукой организаторов заговора, как это и было с уничтожением Рема и его сподвижников!

Вы сами, подсудимый Зиновьев, говорите, что Бакаев предназначался на пост председателя ОГПУ, чтобы использовать его для уничтожения следов преступлений. Так почему же вы это называете Жюль Верном? Вы избрали порочный способ защиты.

Это большого значения для дела не имеет, но не в этом вопрос и не в этом суть. Это один из замечательных штрихов, характеризующих людей, которые претендовали на руководство вашей страной. Это говорит о том, какое счастье, что они своевременно были отстранены от участия в этом руководстве!

Зиновьев и Каменев говорят, что это фантазия, арабские сказки, но позвольте: а убийство зиновьевского секретаря Богдана — это что?! Сказка? Зиновьев не мог ничего сказать по этому поводу, но Рейнгольд это разоблачил, а Пикель это подтвердил.

Бакаеву было указано Зиновьевым на Богдана, как на подходящего для террористических актов человека.

Рейнгольд говорит, Пикель подтверждает, а Бакаев от этого отрекается и прячется. Но это факт, от которого уйти никто не сможет. Рейнгольдом и Пикелем доказано, что «самоубийство» Богдана было в действительности убийством. Оно выполнено было Бакаевым по поручению объединенного центра! «Ты колеблешься осуществить задание нашего объединенного троцкистско-зиновьевского центра? Мы тебя убьем или сам убей себя», — так говорил Богдану Бакаев, и Богдан не выдержал.

Это было началом плана, разработанного Зиновьевым и Каменевым на случай успеха террористического заговора. Самоубийство Богдана Зиновьев и Каменев постарались изобразить как гибель «жертвы» нашего советского режима. Но вы же сами довели Богдана до самоубийства, поставив перед ним дилемму: или идти на террористический акт, или покончить с собой.

Если вы, товарищи судьи, поставите этот эпизод в общую связь со всеми методами борьбы, со всеми методами «работы» этой преступной шайки, вы легко поймете всю правдивость показаний Рейнгольда и Пикеля, которые здесь на суде еще и еще раз разоблачили Зиновьева, Каменева и Евдокимова как авторов ряда тяжких преступлений.

● * * *

Я, товарищи судьи, кончаю. Подходит последний час — час расплаты этих людей за тяжкие преступления, которые они совершили против нашей великой страны. Последний час расплаты этих людей, поднявших оружие против самого дорогого и любимого, что есть у нас, против любимых вождей нашей партии и нашей родины, против Сталина, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе,

Жданова и других, руководителей нашей страны победившего, растущего и расцветающего нового, социалистического общества.

Печальный и позорный конец ожидает этих людей, когда-то бывших в наших рядах, хотя никогда не отличавшихся ни стойкостью, ни преданностью делу социализма.

Еще несколько слов. Некоторые из подсудимых пытались проводить здесь параллель с историческим прошлым, параллель с эпохой «Народной воли», пытались сравнить кое-кого с героическими террористами, вступившими в прошлом столетии в единоборство со страшным, коварным и беспощадно жестоким врагом — царским правительством. Называли и имя Гершуни, говоря не то о Бакаеве, не то Смирнове. Это не выдерживает никакой критики.

То была борьба кучки самоотверженных энтузиастов с жандармским исполином, борьба за интересы народа. Мы, большевики, всегда были против террора, но мы должны отдать должное искренности и героизму народовольцев. Гершуни не был большевиком, но и он боролся против царизма, а не против народа.

А вы кучка подлинных контрреволюционеров, представители передового отряда международной контрреволюции, и выступили вы против передового отряда мировой пролетарской революции! Вы выступили против свободы и счастья народов! Бесстыдное сравнение с эпохой народовольческого терроризма. Тронутый уважением к памяти тех, кто искренне и честно, правда, своими особыми путями и методами, но всегда безупречными, действовал во времена «Народной воли» в борьбе против царского самодержавия за свободу, — я решительно отмечаю кощунственную параллель. Повторяю, здесь параллель неуместна. Перед нами — преступники, опасные, закоренелые, жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы — вождям советской страны, вождям трудящихся всего мира!

Враг коварен! Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!

Я хочу закончить напоминанием вам, товарищи судьи, о тех требованиях, которые предъявляет закон в делах о тягчайших государственных преступлениях. Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей, всех шестнадцать, виновными в государственных преступлениях, применить к ним в полной мере и те статьи закона, которые предъявлены им обвинением.

Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!»

* * *

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила всех обвиняемых к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества. Ходатайство осужденных о помиловании Президиумом ЦИК СССР было отклонено. Приговор 25 августа 1936 г. был приведен в исполнение.

Военная коллегия Верховного суда СССР в приговоре указала, что находящиеся за границей Троцкий Л. Д. и его сын Седов Л. Л., избличенные материалами дела и показаниями подсудимых в непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского государства, в случае их обнаружения на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

1.3. ДЕЛО АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

В 1933 году по прямому указанию высланного в 1929 году за пределы СССР Л. Троцкого, наряду с существовавшим так называемым Объединенным троцкистско-зиновьевским центром в составе Зиновьева, Каменева, Смирнова и других, был создан в Москве подпольный так называемый параллельный антисоветский троцкистский центр, в состав которого вошли Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников и Л. П. Серебряков.

В антисоветскую троцкистскую организацию, действовавшую под непосредственным руководством этого «центра», как было установлено следствием, входили также привлеченные в качестве обвиняемых по настоящему делу Лившиц Я. А., Муралов Н. И., Дробнис Я. Н., Богуславский М. С., Князев И. А., Ратанчак С. А., Норкин Б. О., Шестов А. А., Строилов М. С., Турок И. Д., Граше И. И., Нушин Е. Е. и Арнольд В. В.

Предварительным и судебным следствием было установлено, что на основании указаний врага народа Л. Троцкого антисоветский троцкистский центр основной своей задачей ставил свержение советской власти в СССР и восстановление капитализма и власти буржуазии путем вредительской, диверсионной, шпионской и террористической деятельности, направленной на подрыв экономической и военной мощи Советского Союза, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам и на поражение СССР.

В полном соответствии с этой основной задачей враг народа Л. Троцкий за границей, а параллельный антисоветский троцкистский центр в лице Радека и Сокольникова — в Москве вступили в переговоры с отдельными представителями Германии и Японии. Враг народа Л. Троцкий во время переговоров с одним из руководителей национал-социалистической партии Германии Рудольфом Гессом обещал, в случае прихода к власти троцкистского правительства в результате поражения Советского Союза, сделать в пользу Германии и Японии ряд политических, экономических и территориальных уступок за счет СССР вплоть до уступки Украины — Германии, Приморья и Приамурья — Японии. Одновременно враг народа Л. Троцкий обязался, в случае захвата власти ликвидировать совхозы, распустить колхозы, отказаться от политики индустриализации страны и реставрировать на территории Советского Союза капиталистические отношения. Кроме того, враг народа Л. Троцкий дал обязательство оказывать всемерную помощь агрессорам путем развития поразительной агитации, вредительской, диверсионной и шпионской деятельности как в мирное время, так и, в особенности» во время их военного нападения на Советский Союз.

Члены антисоветского троцкистского центра Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков, во исполнение указаний врага народа Л. Троцкого, неоднократно получаемых Радеком, а также лично полученных Пятаковым при его свидании с врагом народа Л. Троцким в декабре 1935 года близ города Осло, развернули вредительско-диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность.

Для непосредственного руководства антисоветской деятельностью на местах в некоторых крупных городах Советского Союза были созданы местные троцкистские центры. В частности в Новосибирске по прямому указанию Пятакова был организован западносибирский троцкистский центр в составе Н. И. Муралова, М. С. Богуславского и Я. Н. Дробниса.

Диверсионная и вредительская работа в промышленности, главным образом на предприятиях оборонного значения, а также на железнодорожном транспорте проводилась по указаниям врага народа Троцкого и по заданиям и при прямом участии агентов германской и японской разведок и заключалась в срыве планов производства, в ухудшении качества продукции, в организации поджогов и взрывов заводов или отдельных цехов и шахт, в организации крушений поездов, в порче подвижного состава и железнодорожного пути.

При организации диверсионных актов исходили из указаний врага народа Л. Троцкого — «наносить чувствительные удары в наиболее чувствительные места», дополненных указаниями Пятакова, Лившица и Дробниса — не останавливаться перед человеческими жертвами, ибо «чем больше жертв, тем лучше, так как это вызывает озлобление рабочих».

В химической промышленности по заданиям Пятакова обвиняемыми Ратайчаком и Пушиным проводилась вредительская работа, направленная на срыв государственного производственного плана, на задержку строительства новых заводов и предприятий и на недоброкачественное строительство новых предприятий.

Кроме того, Ратайчак и Пушин в 1934—1935 годах организовали три диверсионных акта на Горловском азотно-туковом комбинате, причем два из них со взрывами, что повлекло за собой гибель рабочих и причинило большие материальные убытки.

По предложению Ратайчака диверсионные акты были также организованы на Воскресенском химическом комбинате и Невском заводе.

В угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна обвиняемые Дробнис, Норкин, Шестов и Строилов по указаниям Пятакова и Муралова проводили вредительскую и диверсионную работу, направленную к срыву добычи угля, к задержке строительства и развития новых шахт и химического комбината, к созданию путем загазования забоев и шахт, вредных и опасных для жизни рабочих условий работы, а 23 сентября 1936 г. участниками местной троцкистской организации по заданию Дробниса был организован взрыв на шахте «Центральная» Кемеровского рудника, повлекший гибель 10 рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих.

На железнодорожном транспорте диверсионная и вредительская деятельность Серебрякова и членов антисоветской троцкистской организации Богуславского, Лившица, Князева и Турок, в соответствии с установками антисоветского троцкистского центра, была направлена на срыв государственного плана погрузки, особенно по важнейшим грузам (уголь, руда, хлеб),

на порчу подвижного состава (вагоны, паровозы), железнодорожного пути и на организацию крушений поездов, особенно воинских.

Князем по указанию Лившица и заданию агента японской разведки г-на Х. в 1935—1936 годах был организован и совершен ряд крушений товарных, пассажирских и воинских поездов с человеческими жертвами, причем крушение воинского эшелона на станции Шумиха 27 октября 1935 г. повлекло смерть 29 красноармейцев и ранение 29 красноармейцев.

По прямому указанию врага народа Л. Троцкого членами антисоветского троцкистского центра Пятаковым и Серебряковым, на случай военного нападения на СССР, готовился ряд диверсионных актов в промышленности, имеющей оборонное значение, а также на важнейших магистралях железнодорожного транспорта.

Норкин по указанию Пятакова готовил поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Князев по поручению Лившица принял к исполнению задание агента японской разведки г-на Х. организовать во время войны взрывы железнодорожных сооружений, поджоги воинских складов и пунктов питания войск, крушения воинских поездов, а также проводить умышленное заражение бактериями острозаразных болезней подаваемые под войска эшелоны, а также пункты питания и санитарной обработки частей Рабоче-крестьянской Красной Армии.

Наряду с диверсионной и вредительской деятельностью Лившиц, Князев, Турок, Строилов, Шестов, Ратайчак, Пушкин и Граше по поручению троцкистского антисоветского центра занимались сбором и передачей агентам германской и японской разведок секретных сведений, имеющих важнейшее государственное значение.

Ратайчак, Пушкин и Граше были связаны с агентами германской разведки Мейеровитцем и Ленцем, которым в 1935—1936 годах передавали особо секретные материалы о состоянии и работе химических заводов, причем Пушкин в 1935 году передал агенту германской разведки Ленцу секретные сведения о выработке продукции на всех химических предприятиях СССР за 1934 год, программу работ всех химических предприятий на 1935 год и план строительства азотных комбинатов, а подсудимый Ратайчак передал тому же Ленцу совершенно секретные материалы о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 год по военно-химическим заводам.

Шестов и Строилов были связаны с агентами германской разведки Шебесто. Флесса, Флорен, Зоммерэггером и другими и передали им секретные сведения по угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна.

Лившиц, Князев и Турок систематически передавали агенту японской разведки г-ну Х. совершенно секретные сведения о техническом состоянии и мобилизационной готовности железных дорог СССР, а также о воинских перевозках.

По прямым указаниям врага народа Л. Троцкого антисоветским троцкистским центром было создано несколько террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Новосибирске, Сочи и других городах СССР, которые занимались подготовкой террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства — товарищей Сталина,

Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, причем некоторыми террористическими группами (в Москве, Новосибирске, на Украине, в Закавказье) непосредственно руководили члены антисоветского троцкистского центра Пятаков и Серебряков.

Организуя террористические акты, антисоветский троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и советского правительства на места.

Так, осенью 1934 года Шестов по указанию Муралова пытался осуществить террористический акт против председателя Совета Народных Комиссаров СССР товарища В. М. Молотова во время его пребывания в Кузбассе, для чего участник местной троцкистской группы Арнольд пытался совершить катастрофу с автомашиной, в которой ехал товарищ В. М. Молотов.

Кроме того, Арнольд по подстрекательству Шестова готовил террористический акт против т. Г. К. Орджоникидзе.

Обвиняемые были преданы суду по ст. ст. 58.1а, 58.8, 58.9 и 58.4 УК РСФСР.

Дело это слушалось в Москве 23 — 30 января 1937 г. Военной коллегией Верховного суда Союза ССР.

Подсудимых защищали: Князева — член коллегии защитников И. Д. Брауде, Пущина — член коллегии защитников Н. В. Коммодов и Арнольда — член коллегии защитников С. К. Казначеев. Остальные подсудимые от защиты отказались.

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

«Товарищи судьи, члены Верховного суда Союза Советских Социалистических Республик! Приступая к исполнению своей последней обязанности по настоящему делу, я не могу не остановиться на некоторых, в высокой степени важных, особенностях настоящего судебного процесса.

Эти особенности заключаются, на мой взгляд, раньше всего в том, что данный судебный процесс в известном смысле подводит итог преступной деятельности троцкистских заговорщиков, боровшихся в течение многих лет, систематически и при помощи самых отвратительных, самых гнусных средств борьбы против советского строя, Советского государства, против советской власти и нашей партии. Этот процесс подводит итог борьбе против Советского государства и партии этих людей, начавших борьбу задолго еще до нынешнего времени, еще при жизни великого нашего учителя и организатора Советского государства — Ленина; людей, боровшихся при Ленине против Ленина, после Ленина — против его гениального ученика, верного хранителя ленинских заветов и продолжателя его дела — Сталина.

Особенности настоящего процесса заключаются еще и в том, что именно этот процесс, как лучами прожектора, осветил самые потаенные уголки, тайные закоулки, отвратительные углы троцкистского подполья.

Этот процесс показал и доказал, с каким тупым упорством, с каким змеиным хладнокровием, с какой расчетливостью профессиональных преступников троцкистские бандиты вели и ведут против СССР свою борьбу, не отступая ни

перед чем — ни перед вредительством, ни перед диверсиями, ни перед шпио-нажем, ни перед террором, ни перед изменой родине.

Когда несколько месяцев назад в этом самом зале, на этих самых скамьях подсудимых сидели члены так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра, когда Верховный суд в лице Военной коллегии судил тех преступников, — каждый из нас при виде преступлений, которые кошмарной картиной проходили перед нашими глазами, не мог не отпрянуть с ужасом и отвращением.

Каждый честный человек нашей страны, каждый честный человек в любой стране мира не мог тогда не сказать:

Вот бездна падения!

Вот предел, последняя черта морального и политического разложения!

Вот дьявольская безграничность преступлений!

Каждый честный сын нашей родины думал: такие гнусные преступления не могут повторяться.

Таких низко павших, таких подло предавших нас людей больше в нашей стране нет.

И вот теперь вновь нас охватывает недавно пережитое нами чувство! Вновь проходят перед нашим встревоженным и негодующим сознанием страшные картины чудовищных преступлений, чудовищных предательств, чудовищной измены.

Этот процесс, где сами подсудимые сознались в своей вине; этот процесс, где рядом с руководителями так называемого параллельного троцкистского центра — обвиняемыми Пятаковым, Сокольниковым, Радеком, Серебряковым — сидят на той же скамье подсудимых такие видные троцкисты, как Муралов, Дробнис, Богуславский, Лившиц; где рядом с этими троцкистами сидят просто шпионы и разведчики — Ратайчак, Шестов, Строилов, Граше, — этот процесс показал, до чего докатились эти господа, в какой омут окончательно и бесповоротно погряз контрреволюционный троцкизм, давно уже превратившийся в передовой и злейший отряд международного фашизма.

Этот процесс вскрыл все тайные пружины подпольной преступной деятельности троцкизма, весь механизм их кровавой, их предательской тактики. Он еще раз показал лицо настоящего, подлинного троцкизма — этого исконного врага рабочих и крестьян, исконного врага социализма, верного слуги капитализма.

Этот процесс показал еще раз, кому служат Троцкий и его сподручные, что представляет собой троцкизм в действительности, на практике.

Здесь, в этом зале, перед судом, перед всей страной, перед всем миром прошла вереница преступлений, совершенных этими людьми.

Кому на пользу их преступления? Во имя какой цели, во имя каких идей, во имя какой политической платформы или программы действовали эти люди? Во имя чего? И, наконец, почему стали они предателями родины — изменниками делу социализма и международного пролетариата?

Настоящий процесс ответил, на мой взгляд, с исчерпывающей полнотой на все эти вопросы, ответил ясно и точно, почему и как они дошли до жизни такой.

Как кинематографическая лента, пущенная обратным ходом, этот процесс нам напомнил и показал все основные этапы исторического пути троцкистов и

троцкизма, потратившего 30 с лишним лет своего существования на то, чтобы подготовить в конце концов свое окончательное превращение в штурмовой отряд фашизма, одно из отделений фашистской полиции.

* * *

Сами обвиняемые рассказывали о том, кому они служили. Но еще более красноречиво говорят об этом их собственные дела, их грязные, кровавые, преступные дела.

Много лет назад наша партия, рабочий класс, весь наш народ отвергли троцкистско-зиновьевскую платформу, как платформу антисоветскую, антисоциалистическую. Троцкого наш народ выбросил из пределов страны, его пособников вышвырнули из рядов партии, как изменивших делу рабочего класса и социализму. Троцкий и Зиновьев были разгромлены, но они не успокоились, не сложили своего оружия.

Троцкисты ушли в подполье, накинув на себя маски раскаявшихся и якобы разоружившихся людей. Следуя указаниям Троцкого, Пятакова и других руководителей этой банды преступников, ведя двурушническую политику, маскируясь, они вновь проникли в партию, вновь проникли на советскую работу, кое-кто пролез даже и на ответственные государственные посты, припрятав до поры до времени, как это теперь с очевидностью установлено, свой старый троцкистский антисоветский груз на своих конспиративных квартирах, вместе с оружием, шифрами, паролями, связями и своими кадрами.

Начав с образования антипартийной фракции, переходя все более и более к обостренным методам борьбы против партии, став, особенно после изгнания из партии, главным рупором всех антисоветских групп и течений, они превратились в передовой отряд фашистов, действующий по прямым указаниям иностранных разведок.

Судебный процесс объединенного троцкистско-зиновьевского центра уже разоблачил связи троцкистов с гестапо и фашистами. Настоящий процесс пошел в этом отношении дальше. Он дал исключительной доказательной силы материал, ещё раз подтвердивший и уточнивший эти связи, подтвердивший полностью и уточнивший в процессуально-доказательном смысле и в полном объеме предательскую роль троцкизма, полностью и безоговорочно перешедшего в лагерь врагов, превратившегося в одно из отделений СС и гестапо.

Путь троцкистов, путь троцкизма завершен. На всем протяжении своей позорной и печальной истории троцкисты старались бить и били по самым чувствительным и опасным местам пролетарской революции и советского социалистического строительства.

Та директива, о которой здесь говорил Пятаков, полученная им от Троцкого, — «бить самыми чувствительными способами по самым чувствительным местам», — эта директива представляет собой, старую троцкистскую установку в отношении советской власти, в отношении социалистического строительства в нашей, стране.

Особенной активностью, особенной решительностью, упорством, настойчивостью троцкистов в борьбе с советской властью отличается тот период, который совпал с окончательной победой в СССР социализма. И это

вполне естественно. Эта победа далась нам не без преодоления громадных трудностей. Трудности и, в частности, те, которые мы встретили на своем пути в период 1929—1931 годов, особенно в деревне, эти трудности окрылили троцкистско-зиновьевское подполье, зашевелившееся, приведшее в движение свои щупальцы, пытавшееся ударить, по указанию Троцкого, в самое чувствительное место.

Чуя свою неминуемую гибель, остатки уничтоженных пролетарской диктатурой эксплуататорских классов и их агентура перешли к новой тактике, к новым формам, к новому курсу борьбы с советской властью, о которой здесь достаточно обстоятельно излагали и говорили суду обвиняемые.

Рост сопротивления враждебных пролетарской диктатуре классов окрылил троцкистско-зиновьевскую банду, которую к тому же воодушевляло и подстрекало на преступления против СССР и существующее до сих пор капиталистическое окружение СССР.

В расчете на ослабление советского тыла международная контрреволюция ускоряла подготовку интервенции. Известно ведь, что интервенты готовят удар против Советского Союза каждый год. Осколки контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группировки знали, что рядом с ними действуют другие защитники реставрации капитализма, другие отряды капиталистической агентуры в нашей стране. «Промпартия», кондратьевская «Трудовая крестьянская партия» — кулацкая партия, «Союзное бюро меньшевиков», деятельность которых была рассмотрена в свое время в судебных заседаниях Верховного суда, — все эти организации были вскрыты как организации вредителей и группы диверсантов, которые приветствовали борьбу Троцкого с нашей партией, с советской властью, зная, что в лице троцкистов они действительно имеют подобных себе, но более циничных, более наглых защитников свержения диктатуры пролетариата.

* * *

Что такое реставрация капитализма в нашей стране? В 1932 г. году троцкисты усиливают консолидацию с контрреволюционными антисоветскими группами, они завязывают связи с правой оппозицией для совместной борьбы против партии, против советской власти. Действительное содержание этой связи товарищ Сталин разоблачил на XVI и XVII партсъездах, показав, что контрреволюционных троцкистов и зиновьевцев с «капитулянтами без маски», как он выразился, объединяет стремление к реставрации в СССР капитализма. Эту программу товарищ Сталин назвал тогда программой презренных трусов и капитулянтов, контрреволюционной программой восстановления капитализма в СССР.

В свете сегодняшнего дня особенно ясно, какое огромное историческое дело сделал товарищ Сталин, показавший в 1931 году подлинное существо троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации в ее «новом» качестве. Товарищ Сталин в письме в редакцию журнала «Пролетарская Революция» писал: «На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР». Товарищ Сталин заклеил троцкизм как передовой отряд контрреволюционной буржуазии,

получившей именно из рук троцкистов духовное, тактическое и организационное оружие для своей борьбы с большевизмом, со строительством социализма.

В свете нынешнего процесса особенно ясно, какое исключительное историческое значение имеет это указание. В свете настоящего процесса особенно ярко представляется роль подпольных антисоветских троцкистских групп — этого основного канала всяких антисоветских настроений, надежд и чаяний, основного рычага, тарана, которым враги Советов пытаются пробить брешь в стенах нашего государства, сокрушить воздвигнутую нами крепость социализма.

Эту роль авангарда антисоветских фашистских сил троцкисты играли отнюдь не случайно. Уход троцкизма в антисоветское подполье, превращение его в фашистскую агентуру — только завершение его исторического развития.

Превращение троцкистских групп в группы диверсантов и убийц, действующих по указанию иностранных разведок и генеральных штабов агрессоров, лишь завершило борьбу троцкизма против рабочего класса и партии, борьбу против Ленина и ленинизма, длившуюся десятилетия. Отвратительной борьбой троцкизм начал свой путь, на этом пути троцкизм стоит и сейчас, по этому пути идет все дальше и дальше, не зная в борьбе никаких пределов ненависти и злобы. Вся история политической деятельности троцкистов представляет собой сплошную цепь измен делу рабочего класса, делу социализма.

В 1904 году Троцкий выступил, как известно, с подлейшей брошюрой под заглавием «Наши политические задачи». Эта брошюрка была наполнена грязными инсинуациями по поводу нашего великого учителя, вождя международного пролетариата Ленина, великого ленинского учения о путях большевистской победы, победы трудящихся, победы социализма. В этой брошюрке Троцкий брызжет ядовитой слюной, оплевывая великие идеи марксизма-ленинизма. Он пытается отравить этим ядом пролетариат, пытается свернуть пролетариат с пути непримиримой классовой борьбы, он клеветает на пролетариат, клеветает на пролетарскую революцию, клеветает на большевизм, на Ленина, называя Ленина «Максимиллианом» — именем Робеспьера — героя буржуазной французской революции, желая этим унижить великого вождя международного пролетариата.

Этот господин позволил себе называть Ленина вождем реакционного крыла рабочего движения, не зная никаких пределов в своей наглости и политическом бесстыдстве. В то время как Ленин и Сталин отбирали лучших людей, воспитывая их в политических боях с самодержавием, с царизмом, с буржуазией, сколачивая из них ядро большевистской партии, Иудушка-Троцкий сплавивал единый фронт лакеев капитализма для борьбы против дела пролетариата. В 1911—1912 годах Троцкий организовал тоже блок, подобно тому как организовал затем троцкистско-зиновьевский блок, организовал так называемый «августовский блок» из прислужников капитала, из меньшевиков, из выброшенных из рядов большевистской партии, из размагниченных интеллигентов и отбросов рабочего движения. Об этом блоке Сталин писал: «Известно, что эта лоскутная «партия» преследовала цели разрушения большевистской партии».

Ленин писал, что этот блок «построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе». Троцкий и его сподручники отвечали потоком грязной клеветы, чернили Ленина и большевиков, называли их «варварскими», «сектантски-неистовыми» азиатами. О Троцком Ленин писал: «Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...». Против такого «типа», как называл Троцкого тогда Ленин, он предупреждал 20 лет тому назад партию и рабочий класс. В статье «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве» Ленин писал: «Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело...».

* * *

Наш процесс помогает миллионам и миллионам молодых рабочих и крестьян, трудящихся всех стран ясно и отчетливо представить себе, с кем действительно мы имеем дело. Разрушить большевистскую партию, конечно, презренному троцкистскому блоку не удалось, но троцкисты не переставали и после провала блока нападать на большевистскую партию, как только могли. Весь период с 1903 года по самый канун революции в истории нашего рабочего движения наполнен борьбой Троцкого и троцкистов с крепнущим и растущим в России революционным настроением масс, борьбой против Ленина и против его партии.

В 1915 году Троцкий выступает против ленинского учения о возможности победы социализма в одной стране, уже 20 с лишним лет тому назад капитулируя, таким образом, полностью перед капитализмом.

Троцкий поочередно служит экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству, социал-демократизму и национал-шовинизму в борьбе против Ленина, как теперь служит империализму и фашизму в борьбе против СССР.

Случайно ли, что троцкисты в конце концов превратились в гнездо и рассадник перерожденчества и термидорианства, как об этом в свое время говорил товарищ Сталин? Случайно ли, что Троцкий, очутившись после революции в рядах нашей партии, опять сорвался, скатился на контрреволюционные позиции, оказался выброшенным за пределы нашего государства, за пределы Советского Союза? Случайно ли троцкизм превратился в штурмовой отряд капиталистической реставрации?

Не случайно, потому что к этому шло дело с самого зарождения троцкизма. Не случайно, потому что и до Октябрьской революции Троцкий и его друзья боролись против Ленина и ленинской партии так, как теперь борются против Сталина и партии Ленина — Сталина.

Предсказания товарища Сталина полностью сбылись. Троцкизм действительно превратился в центральный сборный пункт всех враждебных социализму сил, в отряд простых бандитов, шпионов и убийц, которые целиком предоставили себя в распоряжение иностранных разведок, окончательно и бесповоротно превратились в лакеев капитализма, в реставраторов капитализма в нашей стране.

И здесь на суде с исключительной полнотой и ясностью была вскрыта именно эта подлая сущность троцкизма. Они пришли к своему позорному концу

потому, что десятки лет шли по этому пути, славословя капитализм, не веря в успехи социалистического строительства, в победу социализма. Вот почему они пришли в конце концов к развернутой программе капиталистической реставрации, вот почему они пошли на то, что стали предавать и продавать нашу родину.

К этому дело шло уже тогда, когда Троцкий, как это было в 1922 году, предлагал разрешить нашим промышленным предприятиям, трестам закладывать наше имущество, в том числе и основной капитал, частным капиталистам для получения кредитов, которые тогда действительно были нужны Советскому государству.

Это предложение Троцкого уже тогда было ступенькой к возврату к власти капиталистов, к тому, чтобы капиталистов, финансистов, заводчиков вновь сделать хозяевами наших фабрик и заводов и отнять у наших рабочих завоеванные ими при советской власти права. Эти господа уверяли, что советское хозяйство «все более и более сращивается с капиталистическим хозяйством», т. е. превращается в придаток мирового капитализма. Они уверяли, что «мы все время будем находиться под контролем мирового хозяйства», т. е. утверждали то, о чем мечтали капиталистические акулы.

Товарищ Сталин тогда разоблачил эту вредительскую позицию троцкизма, говоря: «Капиталистический контроль — это значит, прежде всего, финансовый контроль... Финансовый контроль — это значит насаждение в нашей стране отделений крупных капиталистических банков, это значит образование так называемых «дочерних» банков. Но разве есть у нас, — говорил товарищ Сталин, — такие банки? Конечно, нет! И не только нет, но и не будет их никогда, пока жива Советская власть».

Капиталистический контроль, о котором тогда говорили, мечтали и которого требовали троцкисты и вот эти сидящие здесь на скамье подсудимых главари троцкистского блока, — это право капиталистов распоряжаться нашей родиной, нашими рынками. «Капиталистический контроль означает, наконец, — говорил товарищ Сталин, — контроль политический, уничтожение политической самостоятельности нашей страны, приспособление законов страны к интересам и вкусам международного капиталистического хозяйства».

Вот что означал этот так называемый капиталистический контроль, о котором тосковали Троцкий и некоторая часть, головка сидящего здесь на скамье подсудимых так называемого антисоветского троцкистского центра.

Товарищ Сталин, разоблачая антисоветскую сущность подобных предложений, говорил: «Если речь идет о таком действительном капиталистическом контроле.... то я должен заявить, что такого контроля у нас нет и не будет его никогда, пока жив наш пролетариат и пока есть у нас Советская власть». Вот почему не случайно, почему так органически связаны эти две задачи — подготовка капиталистической реставрации с борьбой против диктатуры пролетариата.

Случайно ли, что, начав с капиталистического контроля, эти люди докатились до откровенной платформы капиталистической реставрации, до открытой борьбы, во имя осуществления, этой платформы, в союзе с капиталистами против диктатуры пролетариата!

Известно, что троцкистские лидеры в переломные моменты нашей борьбы, на крутых подъемах нашей пролетарской революции, всегда, как правило, оказывались в стане наших врагов, по ту сторону баррикад.

Отрицание социалистического характера нашей революции, отрицание возможности построения социализма в нашей стране определяло и предопределяло враждебную позицию троцкистов к делу социалистического строительства в СССР.

Это, однако, не мешало троцкистам прикрываться именем социализма, как не мешало и не мешает в настоящее время многим врагам социализма прикрываться этим именем.

Так бывало всегда в истории. Известно, что меньшевики и эсеры, эти злейшие враги социализма, всегда прикрывались именем социализма. Но ведь это им не мешало валяться в ногах у буржуазии, у помещиков, у белых генералов.

Мы помним, как меньшевики в петлюровской Раде призвали на Украину войска Вильгельма II, как они торговали свободой и честью украинского народа; как под вывеской эсеровского правительства Чайковского орудовали в Архангельске интервенты;

как так называемое «социалистическое» «правительство комитета учредительного собрания» привело к власти Колчака;

как меньшевистское правительство Ноя Жордания верой и правдой служило иностранным интервентам!

Все эти господа называли себя социалистами, все они прикрывались именем социализма, но всем известно, что не было и нет более последовательных и более жестоких, озверелых врагов социализма, чем меньшевики и эсеры.

* * *

Троцкий и троцкисты долго были капиталистической агентурой в рабочем движении. В 1926—1927 годах они перешли на путь открытых антисоветских, уже караемых в уголовном порядке преступлений. Они перенесли на улицу— пытались, по крайней мере, это сделать — свою борьбу против руководства нашей партии, против советского правительства. Это было трудное и сложное время в жизни Советского государства. Это было время перехода от восстановительного периода к периоду перестройки нашей промышленности и сельского хозяйства на основе высокой техники. В этот период не могло не быть ряда серьезных трудностей, отражавших собой сложность борьбы между капиталистическими и социалистическими элементами нашего хозяйства.

«Оппозиционный блок», так называемая «новая оппозиция», возглавляемая Троцким, Зиновьевым, Каменевым, с участием почти всех сидящих здесь подсудимых— обвиняемых Пятакова, Радека, Серебрякова, Сокольникова, Муралова, Дробниса, Богуславского, — пытался тогда использовать эти трудности для того, чтобы еще раз попытаться ударить в спину Советского государства, и притом как можно крепче.

Троцкистско-зиновьевский блок 1926 года был блоком, повернувшим все острие своей борьбы против дела социализма в нашей стране, за капитализм. Под прикрытием лживых, иногда внешне «левых» фраз о «сверхиндустриализации» и пр., троцкистско-зиновьевская банда с 1926—1927

годов выдвинула такие предложения, которые подрывали и срывали союз рабочих и крестьян, подрывали основу Советского государства. Она выдвигала такие требования, как усиленный нажим на крестьянство, как «первоначальное социалистическое накопление» за счет разорения и ограбления крестьянства, она выставляла ряд требований, которые должны были привести к срыву смычки между городом и деревней и тем самым сорвать возможность действительной индустриализации. Это были, в сущности говоря, те же диверсионные и вредительские меры. В сущности говоря, между вредительскими и диверсионными мерами 1926—1927 годов и теперешними разница только в форме. И тогда оппозиционный блок пытался сорвать смычку между рабочим классом и крестьянством своими как будто «левыми», а на самом деле контрреволюционными предложениями, в форме, которая соответствовала условиям классовой борьбы того времени. Это тоже была особая форма диверсии, форма подрывных актов, направленных против диктатуры пролетариата и дела социалистического строительства. Эти предложения тогдашней оппозиции были лишь особой формой борьбы против Советского государства, соответствовавшей тогдашней исторической обстановке. Прошло 10 лет, и мы видим, что они становятся на путь прямых диверсий, на путь вредительства, на путь подрывной работы, но уже в гораздо более острых формах, соответствующих новым условиям — условиям ожесточенной классовой борьбы с остатками капиталистических элементов.

«Новая оппозиция», так назывался этот блок, объединила не случайно такого «сверхиндустриализатора», каким был Троцкий, с таким противником индустриализации, каким был 10 лет назад Сокольников и каким он остался и до сих пор.

«Новая оппозиция» по существу вещей стояла за определенную политическую и социально-экономическую программу, которая не могла не привести, неминуемо должна была привести к ликвидации диктатуры пролетариата, что в свою очередь неминуемо должно было привести к реставрации в СССР капитализма.

Товарищи судьи, когда теперь мы слышим на суде в показаниях главарей этой банды, главарей троцкистской подпольной организации признания в том, что они действительно получали от Троцкого установки на реставрацию в СССР капитализма, приняли эти установки и во имя их осуществления вели вредительскую, диверсионную, разведывательную работу, — может стать вопрос, который кое у кого и возникает: как эти люди, которые столько лет боролись за социализм, люди, которые кощунственно называли себя большевиками-ленинцами, — как можно их обвинять в этих чудовищных преступлениях? Не доказательство ли это того, что обвинение предъявлено неправильно, что эти люди обвиняются в том, в чем не могут быть обвинены по самому существу всей своей прошлой социалистической, революционной, большевистской деятельности?

Я на этот вопрос отвечаю. Подсудимым по настоящему процессу предъявлено обвинение в том, что они действительно пытались всякими, самыми отвратительными и бесчестными мерами вернуть нашу страну под иго капитализма. Это обвинение этих господ в том, что они предатели социализма. Это обвинение мы аргументируем не только тем, что они совершили сегодня, —

это предмет обвинения, — но мы говорим, что история их падения начинается задолго до организации ими так называемого «параллельного» центра, этого отростка преступного троцкистско-зиновьевского объединенного блока. Органическая связь — налицо. Связь историческая — налицо. И достаточно — было бы ограничиться тем, что я сказал, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что предъявляемое государственной прокуратурой сидящим здесь на скамье подсудимых основное обвинение в попытке восстановления в нашей стране низвергнутого девятнадцать лет назад капиталистического строя — обосновано полностью, доказано документально, и этим обвинением сидящие здесь преступники пригвождены к вечному позору и вечному проклятию со стороны всех честных тружеников, честных людей нашей страны и всего мира.

От платформы 1926 года, от уличных антисоветских выступлений, от нелегальных типографий, от союза с белогвардейскими офицерами, на который они тоже тогда шли, до диверсий, до шпионажа, до террора, до измены родине в 1932— 1936 годах — один шаг. И этот шаг они сделали!

Это мы видели уже на примере троцкистско-зиновьевского объединенного блока, на примере политической судьбы Зиновьева, Каменева, Смирнова, Мрачковского, Тер-Ваганяна и др., позорно кончивших свою жизнь с клеймом наймитов иностранных разведок.

Это же мы видим теперь и на примере судьбы обвиняемых по настоящему делу, большинство которых многие годы и до и после Октябрьской революции боролись против Ленина и ленинизма, против партии Ленина — Сталина, против строительства социализма в нашей стране.

Пятаков, К. Радек, Сокольников, Серебряков, Дробнис, Муралов, Лившиц, Богуславский, Шестов — все они ряд лет боролись против дела социализма, против дела Ленина — Сталина.

Эти господа уже тогда направляли свои силы на то, чтобы, как говорил товарищ Сталин, «переломить партии хребет» и вместе с тем переломить хребет и советской власти, о гибели которой не уставали каркать все контрреволюционные вороны.

В этой борьбе против советской власти эти господа пали так низко, как, кажется, еще не падал никто и никогда.

Ленин предвидел неизбежность такого позорного конца к которому пришли обвиняемые, к какому должен прийти всякий, кто станет на тот путь, на который стали они. В резолюции X съезда нашей партии, тогда еще называвшейся Российской коммунистической партией, принятой по предложению Ленина, было грозное предостережение, что тот, кто настаивает на своей фракционности и на своих ошибках при советском строе, неминуемо должен скатиться в лагерь врагов рабочего класса, в лагерь белогвардейцев и империалистов. Эти господа доказали всей своей деятельностью всю справедливость этого исторического предсказания.

* * *

Что собой представляют члены центра в своем политическом прошлом? Пятаков и Радек, Серебряков и Сокольников, Богуславский и Дробнис, Муралов и Шестов долгие годы воспитывали в себе ненависть к советскому строю, к социализму. Они умели маскировать, они умели скрывать свои настоящие чувства

и взгляды, двурушничали, обманывали, в чем все они сейчас и признаются. Некоторые утверждают, что в некоторые периоды времени у них был отход от троцкизма. Трудно поверить. Мы знаем, что вся деятельность обвиняемых по настоящему делу была в высокой степени последовательной. Такие, я бы сказал, заслуженные деятели троцкизма, как Пятаков, Радек, Дробнис, Серебряков, Богуславский, маскировались, шантажировали, надували и своих и чужих. Только в такой среде, которую создали Пятаковы и Радеки — эти беспринципнейшие, окончательно отпетые люди, использовавшие своё высокоответственное положение в советской государственной системе для обделывания своих позорных, грязных и кровавых преступлений,— и могли оказаться в числе, так сказать, троцкистского актива такие авантюристы и проходимцы, как Ратайчаки, Князевы, Шестовы, Арнольды, Строиловы, Граше.

Вы, товарищи судьи, видели здесь этих господ, вы их слушали, вы их изучали. Вот Ратайчак, не то германский, не то польский разведчик, но что разведчик, в этом не может быть сомнения, и, как ему полагается, — лгун, обманщик и плут. Человек, по его собственным словам, имеющий автобиографию старую и автобиографию новую. Человек, который эти автобиографии, смотря по обстоятельствам, подделывает и пересоставляет. Человек, который, будучи заместителем председателя губернского совета народного хозяйства на Волыни, не только покрывает грабительство, воровство и спекуляцию своего подчиненного, но вместе с ним участвует в прямых корыстных преступлениях. По его собственным словам, он состоит на содержании этого вора, растратчика и спекулянта. И вот, этот Ратайчак, со всеми своими замечательными, вскрытыми следствием и судом, качествами, становится ближайшим помощником Пятакова по химической промышленности. Химик замечательный! *(Движение в зале).*

Пятаков знал, кого выбирал. Можно сказать, на ловца и зверь бежит. Ратайчак пробирается к большим чинам. Он молчит одвигающих им мотивах и не говорит так болтливо, как Арнольд, признавший, что его мучила «тяга к высшим слоям общества». *(Смех, движение в зале.)* Об этом Ратайчак молчит. Он, конечно, хитрее Арнольда. Он знает, что слово — серебро, а молчание — золото. И вот этот Ратайчак, со всеми своими моральными качествами, оказывается человеком, сумевшим добиться степеней известных. Он начальник Главхимпрома! Надо только вдуматься в то, что значат эти слова: начальник главного управления всей химической промышленности нашей страны!

Если бы у Пятакова не было никаких других преступлений, то только за одно то, что он этого человека подпустил ближе одного километра к химической промышленности, его надо было привлечь к самой суровой ответственности.

На ответственном посту начальника Главхимпрома Ратайчак, этот обер-вредитель, разворачивает свои преступные таланты, пускается в широкое преступное плавание, раздувает паруса вовсю, — взрывает, уничтожает плоды трудов народа, губит и убивает людей.

Или возьмите Дробниса, старого профессионального троцкиста, этого истребителя рабочих по формуле — «чем больше жертв, тем лучше». Или возьмите Князева, японского разведчика, пускавшего под откос не один десяток маршрутов. Или Лившица — бывшего заместителя наркома путей сообщения и одновременно заместителя Пятакова по преступным делам на транспорте.

Совместительство было в ходу у этой компании... Наконец, троцкистский «солдат» Муралов, один из самых преданных и закоренелых адъютантов Троцкого, — он также признал, что был вредителем и диверсантом. И рядом — Арнольд, он же Иванов, он же Васильев, он же Раек, он же Кюльпенен и, как еще его там звали, — никому неизвестно. Этот прожженный пройдоха, прошедший огонь, воду и медные трубы, жулик и авантюрист, тоже оказывается троцкистским доверенным человеком... И первым бандитом. Или Граше, человек не только трех измерений, но, по крайней мере, трех подданств, сам определивший свою основную профессию очень красноречиво, хотя не особенно приятным словом, — шпион, и добавивший, что ему, как шпиону, по положению иметь убеждений не полагалось... *(Смех в зале.)*

Вот беглая характеристика тех кадров, которые здесь продефилировали перед судом, перед всей страной, перед всем миром, — кадров, которые собрал «параллельный» центр, армии, которую организовал этот самый «параллельный» центр по указанию Троцкого, воспитал и бросил на троцкистскую борьбу против советской власти и Советского государства.

* * *

Говоря об этих кадрах, конечно, особо надо сказать об их главарях, об атаманах. Начнем, конечно, с Пятакова — после Троцкого первого атамана этой бандитской шайки. Пятаков — не случайный человек среди троцкистов. Пятаков, до сих пор упорно и умело маскировавшийся, всегда был и есть старый враг ленинизма, враг нашей партии и враг советской власти. Проследите политический путь Пятакова.

В 1915 году он выступает вместе с Бухариным с антиленинской платформой по вопросу о праве наций на самоопределение, по вопросу, имеющему важнейшее принципиальное значение в определении позиции большевизма, кстати обругав Ленина на ходу «талмудистом самоопределения».

В 1916 году этот же человек, под псевдонимом П. Киевского, выступает как сложившийся уже идеолог троцкизма. Он доказывает, что социальный переворот (он говорит — социальный процесс) можно мыслить лишь как объединенное действие пролетариев всех стран, разрушающее границы буржуазного государства, сносящее пограничные столбы. Внешне ультра-«левая», в действительности — чисто троцкистская постановка вопроса. Пятаков полностью здесь повторяет троцкистский тезис о невозможности построения социализма в одной стране. Он выступает против Ленина. Ленин разоблачает антимарксистский характер этого пятаковского выступления. Ленин квалифицирует эту статью уже тогда как статью, способную нанести серьезнейший удар нашему «направлению, — и нашей партии», как статью, которая могла скомпрометировать партию изнутри, из ее собственных рядов, превращала бы ее, — как писал Ленин, — «в представительницу карикатурного марксизма».

1917 год. Пятаков опять выступает против ленинского тезиса о праве наций на самоопределение. Он называет это право «бессодержательным правом», увлекающим революционную борьбу на ложный путь. Он высказывается против

возможности построения социализма в одной стране. Пятаков в 1917 году — против «апрельских тезисов» Ленина.

В 1918 году он опять против Ленина. Это был тяжелый год героической борьбы рабочих и крестьян нашей страны, отстаивавших в неимоверно сложных и трудных условиях, с оружием в руках, свою независимость. Это был год, когда, по словам Ленина, мы впервые «вошли в сердцевину революции». Это был год, когда Ленин призывал «...лучше пережить и претерпеть, перенести бесконечно большие национальные и государственные унижения и тяготы, но остаться на своем посту, как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному переждать, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь».

Позиция Пятакова вместе с Радеком — против этого тезиса, против Ленина. Они — эти «левые» коммунисты — готовы даже идти на утрату советской власти. Еще в 1918 году, засев в бюро Московского комитета партии, эти господа говорили о необходимости, хотя бы ценою утери советской власти, превратившейся, как они говорили, в формальное понятие, сорвать Брестский мир. Заключение Брестского мира Сталин справедливо называл образцом ленинской стратегии, давшей силы для подготовки к отражению банд Деникина и Колчака.

Пятаков, Радек и их единомышленники думали и действовали уже тогда так, как их уже позже метко и крепко назвал Феликс Дзержинский, бросивший по адресу троцкистов и зиновьевцев — «кронштадтцы»! Пятаковы и Радеки не дорожили советской властью. Они дошли в своей борьбе против Ленина до такого остервенения, что поговаривали о смене существовавшего тогда Совета Народных Комиссаров и о замене его Совнаркомом из людей, входящих в состав группки «левых». Это Пятаков и его компания в 1918 году, в момент острейшей опасности для Советской страны, вели переговоры с эсерами о подготовке контрреволюционного государственного переворота, об аресте Ленина с тем, чтобы Пятаков занял пост руководителя правительства — председателя Совнаркома. Через арест Ленина, через государственный переворот прокладывали себе эти политические авантюристы путь к власти! А сейчас что делают они? Через попытки свержения советской власти, через террористические акты против руководителей нашей партии и Советского государства — против товарища Сталина и его соратников — они прокладывают тот же путь к реставрации капитализма при помощи иностранных интервенционистских агрессорских штыков, при помощи террора, диверсий, шпионажа, вредительства и всех возможных тяжких государственных преступлений. Историческая преемственность налицо. Вместе с Троцким Пятаков восставал против Ленина в тяжелые для нашей страны дни Бреста. Вместе с Троцким восставал Пятаков против Ленина в дни, когда партия совершала сложный поворот к новой экономической политике. Вместе с Троцким Пятаков боролся против ленинского плана построения социализма в нашей стране, против индустриализации и коллективизации нашей страны, проведенной под гениальным руководством нашего вождя и учителя товарища Сталина.

15-й год, 16-й год, 17-й год, 18-й и 19-й, 21-й и 23-й, 26-й и 27-й — больше десятилетия Пятаков неизменно защищает троцкистские позиции, ведет

открытую борьбу против Ленина, против генеральной линии партии и против Советского государства.

1926 год—1936 год— это второе десятилетие почти непрерывной, но уже тайной подпольной борьбы Пятакова против Советского государства и нашей партии, борьбы, которую он вел систематически и не покладая рук, пока, наконец, не был пойман с поличным, не был уличен, не был посажен на эту скамью подсудимых как предатель и изменник!

Таков Пятаков и его портрет.

* * *

Многое из того, что я сказал о Пятакове, можно повторить и в отношении подсудимого Радека. Радек не раз выступал против Ленина как до, так и после революции. Этот Радек в 1926 году на диспуте в Коммунистической академии хихикал и издевался над теорией построения социализма в нашей стране, называя её теорией строительства социализма в одном уезде или даже на одной улице, называя эту идею щедринской идеей.

По этому поводу Сталин говорил: «Можно ли назвать это пошлое и либеральное хихиканье Радека насчет идеи строительства социализма в одной стране иначе, как полным разрывом с ленинизмом?».

Радек— один из виднейших и, надо отдать ему справедливость, талантливых и упорных троцкистов. При Ленине он идет войной против Ленина, после Ленина он идет войной против Сталина. Прямо пропорционально его личным способностям велика его социальная опасность, его политическая опасность. Он неисправим. Он хранитель в антисоветском троцкистском центре портфеля по внешней политике. По поручению Троцкого он ведет дипломатические переговоры с некоторыми иностранными лицами или, как он выражается, «дает визу» на мандат Троцкого. Он регулярно, через собственного, так сказать, дипкурьера Ромма переписывался с Троцким, получает от него то, что они здесь высокопарно называли «директивами». Он один из самых доверенных и близких к главному атаману этой банды — к Троцкому — людей.

Сокольников. В 1918 году он тоже против Ленина. Он даже в том году по одному политическому конфликту угрожал Ленину отставкой. В 1921 году он подписывает антиленинскую бухаринскую профсоюзную платформу. В 1924 году он подписывает «пещерную платформу», ту, которая была написана в пещере около Кисловодска. В 1925 году Сокольников, клеветая на Советское государство, утверждал, что наша внешняя торговля, наши внутренние торговые предприятия являются государственно-капиталистическими предприятиями, Государственный банк является точно так же государственно-капиталистическим предприятием, что наша денежная система проникнута принципами капиталистической экономии. Апологет и идеолог капиталистической экономической политики!

Сокольников был доподлинным сторонником сохранения хозяйственной отсталости нашей страны, т. е. закабаления нашей страны капиталистическими — странами, «превращения нашей страны в придаток капиталистической системы». Как видите, от этой позиции Сокольников никуда не ушел и к сегодняшнему дню.

Сокольников, будучи в 1925 году наркомфином, жаловался и клеветал на нашу партию и на советское правительство, что они мешают ему защищать диктатуру пролетариата и бороться с кулаком, мешают обуздать кулака. А теперь Сокольников перед всем миром признался, что троцкистский центр, одним из заправил которого он является, рассчитывал именно на кулака или, вернее, уже на остаточки кулака. На суде он сам говорил: «Мы понимали, что в своих программных установках нам надо возвращаться к капитализму и выставлять программу реставрации капитализма, потому что тогда мы сможем опереться на некоторые слои в нашей стране».

«Вопрос: Конкретно, на какие силы вы рассчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: *Нет.*

Вопрос: *На колхозное крестьянство?*

Сокольников: *Конечно, нет.*

Вопрос: *На кого же?*

Сокольников: *Говоря без всякого смущения, надо сказать, что мы рассчитывали, что сможем опереться на элементы крестьянской буржуазии...*

Вопрос: *На кулака, на остаточки кулака?*

Сокольников: *Так».*

Так Сокольников пришел к откровенной кулацкой программе, к откровенной защите кулацких интересов, завершив путь своего падения. От позиции Сокольникова 1925—1926 годов к программе троцкистского центра 1933—1936 годов — переход вполне естественный.

Два слова о Серебрякове — четвертом члене этого антисоветского троцкистского центра. Он подписывает бухаринскую программу во время профсоюзной дискуссии 1920 года, он активный участник оппозиции 1923 года, он активный участник оппозиции 1926—1927 годов, он, по существу, как он и сам признался здесь на суде, никогда не порывал с троцкизмом. Ясно, что он имел все основания претендовать на руководящее положение в этом антисоветском троцкистском центре.

Как старых троцкистов мы знаем Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Лившица. Знаем, что они ряд лет посвятили борьбе против Ленина и социалистического строительства в нашей стране. Не ясно ли, что участие этих людей в антисоветской подпольной троцкистской работе, участие в троцкистском вредительстве, диверсиях и террористических группах, их измена родине были подготовлены и явились прямым следствием всей их прошлой троцкистской деятельности, явились прямым результатом их многолетней борьбы против СССР, против советского народа. Это должны были признать сами обвиняемые. Они долго, упорно и гнусно вели свою борьбу против социализма. Теперь они схвачены с поличным. С них сорвана последняя маска. Они изобличены как враги народа, как ничтожная гнусная кучка людей, ставших агентами иностранной разведки.

* * *

Эти господа пробовали предстать как некая политическая партия. Пятаков на суде говорил о своих сообщниках как о «фракции», говорил о «политическом

недоверии» своей «фракции» к зиновьевской части блока. Он говорил о «собственной организации», употребляя это понятие в политическом смысле; о «собственной» даже политике, которую собирался вести Троцкий. Радек тоже говорил о своих сообщниках как о политических руководителях. Говоря о преступных вредительских требованиях Троцкого, полученных Пятаковым в личной беседе Пятакова с Троцким, обвиняемый Пятаков говорил о них как о составной части политики Троцкого.

В высоком стиле говорил и Радек — один из тех «реальных политиков», которые реально изменяли родине, обещали врагам реальные и территориальные уступки. Говоря даже о таких прозаических вещах, как обычное уголовное вредительство, Радек пытался говорить в высоком стиле, как о политической материи. На судебном заседании 24 января Радек говорил: «Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германо-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял, что раз я говорил о реальных политиках, значит есть в СССР реальные политики и нереальные политики: нереальные — это советское правительство, а реальные — это троцкистско-зиновьевский блок». Вот они, эти реальные политики, сидят здесь под охраной... всего только трех красноармейцев! (*Смех в зале*). Не трудно убедиться, что весь этот высокий стиль был, в сущности говоря, приплетен сюда по некоторой старой памяти. Не трудно убедиться, что это вовсе не политическая партия, что это просто банда уголовных преступников, ничем или, в лучшем для них случае, немногим отличающихся от бандитов, которые оперируют кистенем и финкой в темную ночь на большой дороге.

Это не политическая партия. Это банда преступников, представляющих собой простую агентуру иностранной разведки. На прямо поставленный Пятакову вопрос: «Были ли связаны члены вашей организации с иностранными разведками?» — Пятаков ответил: «Да, были». И рассказал о том, как эта связь была установлена по прямой директиве Троцкого. Это подтвердил и Радек — специалист «параллельного» центра по «внешним делам». Это подтвердили Лившиц, Князев, Шестов, ряд других подсудимых — прямые и непосредственные агенты этих разведок. Вот что представляет собой эта компания, которая называла себя «политической силой», какой она хотела казаться, а в действительности была не политической партией, а шайкой разведчиков, бандитов, террористов и диверсантов.

Корни этой группы — не в народных массах нашей страны, которых эта банда боится, от которых она бежит, как чёрт от ладана. От народных масс эта банда прячет свое лицо, прячет свои звериные клыки, свои хищные зубы. Корни этой компании, этой банды, надо искать в тайниках иностранных разведок, купивших этих людей, взявших их на свое содержание, оплачивавших их за верную холопскую службу. Вы видели этих штатных и внештатных полицейских шпионов и разведчиков.

Пятаков убеждает своих подручных в необходимости организации взрывов и диверсий по преимуществу с человеческими жертвами. Дробнис доказывает, что «чем больше жертв, тем лучше» для троцкистов. Шестов организует убийства. Лившиц, Князев, Турок организуют крушения поездов. А Радек занимается

«внешней политикой», смысл которой состоит в том, чтобы так же, как Лившиц и Князев пускали под откос поезда, пустить под откос дело социализма, открыть ворота иноземному врагу, врагу-агрессору. Каждый из них у вас перед глазами, погрязший в этом кровавом преступном месиве. Возьмите отдельные группы: они переплелись с иностранными разведчиками, покупающими их обещаниями поддержки, а то и просто за наличный расчет.

Они взрывают шахты, сжигают цеха, разбивают поезда, калечат, убивают сотни лучших людей, сынов нашей родины. 800 рабочих Горловского азотно-тукового завода через газету «Правду» сообщили имена погибших от предательской руки диверсантов лучших стахановцев этого завода. Вот список этих жертв: Лунев — стахановец, рождения 1902 года, Юдин — талантливый инженер, рождения 1913 года, Куркин — комсомолец, стахановец, 23 лет от роду, Стрельникова — ударница, 1913 года рождения, Мосицец — ударник, тоже 1913 года рождения. Это убитые. Ранено было больше десяти человек. Погиб Максименко — стахановец, выполнявший норму на 125—150 %, Немихин, один из лучших ударников, который спустился в забой на шахте «Центральная», пожертвовал своими 10 днями отпуска, а там его подстерегли и убили, убит запальщик Юрьев — один из участников боев с белокитайцами, убит Ланин — участник гражданской войны, старый горняк. И так далее и так далее.

Товарищи судьи! Их убийцы сидят вот здесь перед вами!..

Шестов организует ограбление банка. Шестов организует бандитское убийство инженера Бояршинова, который показался ему способным разоблачить их преступную деятельность.

Арнольд — международный бродяга, побывавший, кажется, во всех странах мира и везде оставлявший следы своих мошеннических проделок. В Минске он подделывает документ. В Америке оказывается сержантом американской армии и попадает в тюрьму, по его собственному признанию, по подозрению в растрате казенного имущества. Я думаю, что если этот человек когда-нибудь дорвался до казенного имущества, то этому казенному имуществу не сдобровать. (Смех). Это — человек, который через масонов пытался пробраться в «высшие слои общества» в Америке, а через троцкистов — к власти, по которой тайно и вождельно вздыхал, под умелым руководством такого воспитателя, каким явился висельник Шестов...

В буквальном смысле слова шайка бандитов, грабителей, подделывателей документов, диверсантов, шпииков, убийц! С этой шайкой убийц, поджигателей и бандитов может сравниться лишь средневековая каморра, объединявшая итальянских вельмож, босяков и уголовных бандитов. Вот моральная физиономия этих господ, морально изъеденных и морально растленных. Эти люди потеряли всякий стыд, в том числе и перед своими сообщниками и перед самими собой.

Этим «политическим» деятелям ничего не стоило развинтить рельсы, пустить поезд на поезд. Ничего не стоило загазовать шахту и спустить в шахту десяток или несколько десятков рабочих. Ничего не стоило из-за угла убить инженера, честно работающего. Поджечь завод. Взорвать в динамитной яме забравшихся туда детей.

Хороша, нечего сказать, политическая партия! Если бы это была партия, то она не прятала бы от масс своей программы. Политические партии не прячут

своей программы, своих политических взглядов. Большевики — эта подлинная политическая партия, партия в самом настоящем и высоком смысле этого слова — никогда не пряталась от масс и никогда не прятала свою программу.

* * *

На заре русской революции Ленин писал о том громадном значении, которое революционная социал-демократия придает открытой пропаганде ее идей, открытому заявлению ее целей, открытой массовой агитации за свои программные, тактические и организационные взгляды и принципы. Партия Ленина — Сталина выросла, окрепла и превратилась в громадную и могущественную силу, как партия, опирающаяся на массы, партия, органически связанная с массами. В этом признак настоящей политической партии. Она не только не скрывает от масс своих взглядов, а старается как можно шире распространить в массах эти взгляды. А эта «партия», как они себя называют, боялась и боится сказать о себе народу правду, боится сказать о своих программах.

Почему? Потому что их взгляды, их программа ненавистна нашему народу, как ненавистна капиталистическая кабала, как ненавистен капиталистический гнет, который эти господа хотят вернуть, навязать на шею нашему народу, потому что они превратились в оторвавшуюся от народа группу отщепенцев, банду преступников во главе с атаманом Троцким, с податанами Пятаковым и Радеком и другими бандитскими «батьками». Это не растение Советской страны. Это растение иностранного происхождения, и на советской земле не расти ему, не цвести ему...

Странно слышать, когда эти господа говорят здесь о каком-то соглашении этой «партии», а попросту банды преступников, с японскими и германскими фашистскими силами. С серьезным видом Пятаков, Радек и Сокольников говорили о «соглашении», которое Троцкий заключил или о котором Троцкий договорился с Германией и Японией. Эти господа с серьезным видом рассказывали, что они рассчитывали использовать эти страны в своих интересах. Но как можно серьезно об этом говорить, когда этот самый «параллельный» центр — просто несчастная козявка по сравнению с волком.

Соглашение! Сказали бы просто: «Сдались на милость победителя». Это, конечно, не соглашение, а сдача на милость победителя.

Послушать Пятакова и Радека, так можно подумать, что действительно это было соглашение. Радек показывал, что он послал Троцкому письмо, «в котором сообщил о получении его директивы, о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше завизирования его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: «Не только мы официально, как центр, но я лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами».

Видите ли, Радек и Пятаков «визируют мандат» Троцкому на переговоры Троцкого с иностранными государствами. Но это еще не главное. Не главное и то, что центр одобряет эти переговоры. Главное то, что я, Карл Радек, блочный министр иностранных дел центра, — лично одобряю то, что Троцкий — этот блочный премьер-министр — ищет контакта с иностранными государствами. Это, конечно, звучало бы очень смешно, если бы положение Пятакова и Радека

не было столь трагичным. Но для всякого, не потерявшего окончательно голову, для всякого, обладающего минимумом рассудка, должно было бы быть ясно, что это соглашение, о котором говорили Пятаков с Троцким и Радеком, не соглашение, а прикрашенная капитуляция, сдача троцкистов на милость победителя, что это кабала, что идти на такое соглашение значило лезть в волчью пасть, утешаясь тем, что волк не злой и не проглотит.

Это соглашение мне напоминает басню Крылова «Лев на ловле». В басне говорится, как собака, лев да волк с лисой между собой заключили соглашение — «положили завет» — сообща зверей ловить. Лиса поймала оленя, начали делить. Тут одна из «договаривающихся сторон» говорит: «Вот эта часть моя по договору, вот эта мне, как льву, принадлежит без спору, вот эта мне за то, что всех сильнее я, а к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет, тот с места жив не встанет». (Смех.)

Очень похож этот «завет» на ваше соглашение, господа подсудимые, господа офицеры германского и японского фашизма! Так получилось и у вас, с той лишь, пожалуй, разницей, что в вашем соглашении лев фигурирует на ролях цепной собаки. Вот почему я утверждаю, что здесь нет никакой политической партии, — есть банда преступников, есть морально ничтожные, в моральном отношении растленные люди, потерявшие и совесть и разум.

* * *

После того, что мы слышали здесь на суде от этих людей, может ли быть какое-нибудь сомнение, что это действительно и окончательно разложившиеся и морально павшие люди?! Нет, сомнений быть не может.

В то время как советский народ под руководством нашей партии трудился над укреплением своих новых, социалистических позиций, наш враг — а это его передовой отряд — медленно, предательски старался прорвать фронт наших побед, обойти нас и ударить с тылу. Не покладая рук, работают иностранные разведчики, отыскивая и находя себе, к сожалению, союзников в нашей стране, помощников в среде, правда, разложившихся, враждебных советскому строю людей и, как теперь доказано полностью и с точностью, в первую очередь среди троцкистов.

Почему среди троцкистов иностранные разведки находят своих агентов? Потому что троцкисты всем прошлым своим и настоящим доказали непримиримую враждебность к Советам, готовность служить капитализму не за страх, а за последние остатки своей совести, — доказали свою способность действовать самыми мерзкими и подлыми средствами борьбы, не останавливаясь ни перед чем.

Еще на XV Всесоюзной партийной конференции товарищ Сталин подчеркивал, что троцкистов и организованный ими в то время блок отличает именно «неразборчивость в средствах и беспринципность в политике». Эта неразборчивость в средствах, в политической борьбе переросла теперь всякие пределы, достигла чудовищных размеров, возросла в тысячу раз.

Разве не о крайнем пределе морального разложения говорят статьи Пятакова и Радека, посвященные их сообщникам, Зиновьеву и Каменеву, гнуснейшим изменникам, настоящим бандитам, убившим незабвенного Сергея Мироновича Кирова! Не являются ли верхом цинизма и издевательства над последними

остатками человеческой совести, над последними понятиями морали статьи, в которых Радек и Пятаков с притворным видом возмущенных праведников требовали расстрела своих собственных союзников, единомышленников и сообщников?!

Вы хотите знать, что представляет собой моральное лицо этих господ? Прочтите их статьи, которые отделяют сегодняшний день от дня их напечатания в наших газетах всего лишь несколькими месяцами.

Вот Радек в 3-м номере «Большевика» за 1935 год разоблачает — что бы вы думали? Двuruшничество Зиновьева и всей головки зиновьевской фракции, как он выражается. Специалист этого дела — Радек проявляет здесь большие познания. Развязно повествует он о том, что представляет собой двuruшничество...

Позвольте привести свидетельство Радека по вопросу о том, что такое двuruшничество... Радека. Он пишет:

«Скатившись с контрреволюции, бывшие вожаки зиновьевско-троцкистского блока применили этот метод разведчиков интервенции, подрывников и вредителей. Двuruшничество оказалось маскировочным средством, позволяющим обстрелять пролетарский штаб».

Мы знаем, что когда Радек писал эту статью, он был уже осведомлен за много времени о подготовлявшемся злодейском убийстве Сергея Мироновича Кирова. Мы знаем, что он, Радек, был в заговоре и в сговоре с Зиновьевым и Каменевым, убившими т. Кирова, обреченного на смерть этим самым Радеком и сидящими с ним рядом его друзьями.

И вот, замечая следы своего соучастия в этом гнусном злодействе, Радек повествует о разоблаченных двuruшниках, отданных в руки закона, «знающего, как обращаться с теми, кто пытается колебать устои пролетарской революции».

Да, подсудимый Радек, вы правы! Советский закон знает, как обращаться с двuruшниками и изменниками, подобными вам и вашим друзьям.

Накануне суда над Зиновьевым, Каменевым и другими, накануне суда над государственными изменниками, изобличенными в антисоветской преступной борьбе, — что писал этот Радек? Он писал о «троцкистско-зиновьевской фашистской банде и ее гетмане — Троцком» (это его собственное выражение), что из зала, где происходил процесс и разбор этого дела, несло «трупным смрадом», и с пафосом восклицал: «Уничтожьте эту гадину! Дело идет не об уничтожении честолобцев, дошедших до величайшего преступления, дело идет об уничтожении агентов фашизма, которые готовы были помочь зажечь пожар войны, облегчить победу фашизму, чтобы из его рук получить хотя бы призрак власти».

Так писал Радек. Радек думал, что он писал о Каменеве и Зиновьеве. Маленький просчет! Этот процесс исправит эту ошибку Радека: он писал о самом себе!

Двuruшничая и гримасничая, он писал тогда о том, как в 1928 году его — Радека — соблазнял Троцкий бежать за границу и как он — этот Радек — «ужаснулся от мысли о действиях под охраной буржуазных государств против СССР и саботировал попытку побега». В 1929 году, по словам Радека, «он, Троцкий, уговорив троцкиста Блюмкина организовать транспорт литературы в СССР, послал к нему в гостиницу своего сына Седова с поручением

организовать нападение на торгпредства за границей для добычи денег, необходимых Троцкому для антисоветской работы. От эксов, которые Троцкий подготовлял в 1929 году, он в 1931 году перешел к подготовке террора, о чем дал прямую директиву Смирнову и Мрачковскому — людям, связанным с ним восемнадцать лет. Смирнов и Мрачковский, поднимая оружие против Сталина и партии, растоптав оказанное им доверие, пали так низко, что нельзя без отвращения вспоминать их имена».

Товарищи судьи! Тогда еще Радек не судился и не был на скамье подсудимых. Это было не в 1936 году, даже не в 1935 году, это было в 1929 году. И здесь Радек свидетельствует о том, как Троцкий давал ему поручения организовать ограбление нашего торгпредства. Тогда Радек был на свободе, его не держали никакие ЧК, ГПУ или НКВД, ему не докучали допросами следователь или прокурор, он был свободным гражданином, он был журналистом, он свободно курил везде и всюду свою трубку, пуская дым в глаза не только своим собеседникам. Что же он тогда писал? Он писал, что он получил от Троцкого поручение организовать нападение на торгпредства для добычи денег, необходимых Троцкому на антисоветскую работу. Я думаю, нельзя не поверить этому авторитетному признанию, сделанному перед советской общественностью, сделанному не на скамье подсудимых, а в советской печати. История, как вы видите, повторяется. И когда нам теперь говорят, что Троцкий в 1935 году, уговаривал Пятакова, вернее не уговаривал, а предлагал организовать хищение советских денег при содействии фирм «Демаг» и «Борзига», когда Седов налаживал для тех же целей связь с фирмой «Дейльман», то мы видим, что история повторяется...

Дальше. Когда Радек писал тогда: «От эксов...» (что такое экс? По-русски, — это просто-напросто грабеж)...«от эксов, которые Троцкий подготовлял в 1929 году, он в 1931 году перешел к подготовке террора, о чем дал прямую директиву Смирнову и Мрачковскому — людям, связанным с ним восемнадцать лет», — мы думали, что Радек пишет на основании официальных следственных документов. Оказывается, то, что писал Радек, было, так сказать, аутентичным толкованием, т. е. толкованием из авторских уст, как одного из соавторов. Дальше он пишет: «Смирнов и Мрачковский... пали так низко, что нельзя без отвращения вспоминать их имена». Писал так Радек или не писал? Писал. Увы, писал! Радек бил тогда на откровенность, он делал вид, что раскаивается, говорит искренне. Он возмущался, бранился, проклинал, клялся, уверял, раскаивался... От чистого сердца? Нет, он лгал... Вспоминая 1929 год, когда Троцкий подготовлял грабежи наших торгпредств за границей, он делал вид, что говорит от чистого сердца. Нет, он лгал, он прикидывался только, что говорит правду, проклинал своих друзей, чтобы отвести глаза от самого себя, чтобы, как он выразился здесь на своем блатном жаргоне, «не засыпаться». И все-таки он «засыпался». Он прибег к приему закоренелых преступников. «Держи вора!» — кричал он, чтобы самому уйти из рук правосудия. Это известный прием тех, которые говорят языком — «засыпаться» и «пришить». Он пробовал увильнуть, ускользнуть от ответственности. Он» этот Радек, по трупам своих друзей и сообщников пытался выбраться из той зловонной, кроваво-грязной ямы, в которой он тогда уже сидел по уши. Он с искусственной и лживой, нарочитой аффектацией восклицал:

«Пролетарский суд вынесет банде кровавых убийц приговор, который они себе стократ заслужили. Люди, поднявшие оружие против жизни любимых вождей пролетариата, должны уплатить головой за свою безмерную вину. Главный организатор этой банды и ее дел Троцкий уже пригвожден историей к позорному столбу. Ему не миновать приговора мирового пролетариата».

Вы помните, Радек, вы говорили тогда, что эти люди, такие люди должны голову уплатить за свою вину? Радек писал:

«Главный организатор этой банды — Троцкий — уже пригвожден историей к позорному столбу, ему не миновать проклятия мирового пролетариата». Это верно. Изменникам не миновать приговора мирового пролетариата, как не миновать и приговора нашего советского суда, суда великого социалистического государства рабочих и крестьян!

* * *

А Пятаков? Пятаков тоже выступает в печати по поводу разоблачения бандитско-террористического объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Пятаков рвет и мечет по поводу подлой контрреволюционной деятельности, деятельности, окутанной, как он писал, невыносимым смрадом двурушничества, лжи и обмана. Что скажет Пятаков сейчас, чтобы заклеить свое собственное моральное падение, свой собственный «смрад лжи, двурушничества и обмана»? Найдет ли Пятаков эти слова, а если найдет, то какая цена этим словам, кто этим словам поверит?

Пятаков писал:

«Не хватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать, как пададь, заражающую чистый, бодрый воздух Советской страны, пададь опасную, могущую причинить смерть нашим вождям и уже причинившую смерть одному из самых лучших людей нашей страны — такому чудесному товарищу и руководителю, как С. М. Киров».

Навзрыд плачет Пятаков над трупом убитого им Кирова. Рыдает. «Враг в нашей стране победившего социализма увертлив», — пишет Пятаков, смотрясь в зеркало. «Приспосабливается к обстановке», — охорашивается Пятаков перед зеркалом. «Притворяется», — про себя думает Пятаков, — «а ловко я притворяюсь»... «Лжет». Гм, — думает Пятаков, — как же не лгать в таком положении? «Заметает следы»... «Втирается в доверие»...

Вот что пишет Пятаков, замечая кровавые следы своих преступлений.

«Многие из нас, и я в том числе, своим ротозейством, благодушием, невнимательным отношением к окружающим, сами того не замечая облегчили этим бандитам делать свое черное дело». Удивительный трюк! Бдительности мало было у Пятакова! (*Движение в зале*). Вот в чем, оказывается виноват Пятаков. Это опять-таки старый прием уголовных преступников. Когда человека обвиняют в грабеже с убийством, он признает себя виновным в грабеже. Когда человека обвиняют в краже со взломом, он признает себя виновным только в краже. Когда его обвиняют в краже, он признает себя, на худой конец, виновным только в хранении или скупке краденного.

Эта старая тактика профессиональных преступников. Пятаков боится быть пойманным, разоблаченным, и он выступает в печати, громит врага и себя не

жалеет. Ах ты, говорит, ротозей Пятаков, не замечаешь, что делается вокруг тебя. Но ведь делается-то не вокруг тебя, это делаешь сам ты!

Пятаков писал: «Хорошо, что органы НКВД разоблачили, эту банду». (*Смех в зале*). Правда, хорошо. Спасибо органам НКВД, что они, наконец, разоблачили вот эту банду! «Хорошо, что ее можно уничтожить». Правильно, подсудимый Пятаков, хорошо, что можно, не только можно, а нужно уничтожить. «Честь и слава работникам НКВД». Вы кощунствуете, подсудимый Пятаков!

О ком писал Пятаков 21 августа 1936 г.? Пятаков писал о себе. Пятаков опередил неумолимый ход событий.

О чем же говорят эти статьи Пятакова и Радека? Разве не говорят они о крайнем, беспредельном, в буквальном смысле этого слова, моральном падении этих людей, о моральном ничтожестве, о растлении этих людей? Ничтожные, заживо сгнившие, потерявшие последний остаток не только чести, но и разума, подлые людишки, собиравшиеся в поход против Советского государства мальбруки, плюгавые политики, мелкие политические шулера и крупные бандиты.

* * *

Объединенный зиновьевско-троцкистский центр и его деятели упорно пытались доказывать, что у них никаких политических программных требований не было, что у них была одна только «голая жажда власти». Это неправда. Это была попытка обмакнуть общественное мнение. Не может быть борьбы за власть без какой-нибудь программы, без программы, которая должна формулировать цели, задачи, стремления, средства борьбы. Мы и тогда не верили тому, что не было у объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра какой-нибудь программы. Мы знали, что они ее упорно скрывают, и действительно: программа у них была, как была программа и у этого троцкистского террористического центра. Она сводилась к откровенному признанию необходимости капиталистической реставрации в СССР. Сокольников подтвердил, что, по сути дела, это была старая антисоветская рютинская программа. И это верно. Сокольников говорил:

«Что касается программных установок, то еще в 1932 году и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 году.

Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутскианского ультра-империализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас.

Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму».

Но как «сговориться»? Захочет ли фашизм «сговориться»? Не предпочтет ли он действовать без всякого сговора, так как он действует везде, во всем мире — нахрапом, наваливаясь, давя и уничтожая слабых? Радек говорил, что было ясно,

что «хозяином положения будет фашизм — германский фашизм, с одной стороны, и военный фашизм одной дальневосточной страны, с другой».

Это, конечно, понимал не хуже их и их учитель Троцкий, это понимал весь троцкистский центр. На это они шли с открытыми глазами. Это составляло второй пункт их «замечательной» программы.

Третий пункт — вопрос о войне и поражении СССР.

Четвертый — вопрос о последствиях поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств промышленных предприятий, но и продажа в частную собственность важных экономических объектов, которые они наметили; это займы, о которых говорил Радек; это допущение иностранного капитала на те заводы, которые лишь формально останутся в руках Советского государства.

Пятый пункт, как они говорили, — аграрный вопрос. Этот аграрный вопрос очень просто решался у «параллельного» центра, точь-в-точь, как у Фамусова решался культурный вопрос — «забрать все книги бы, да сжечь». Так решался и у них аграрный вопрос: сжечь завоевания пролетарской революции — колхозы распустить, совхозы ликвидировать, тракторы и другие сложные сельскохозяйственные машины передать единоличникам. Для чего? Откровенно сказано: «Для возрождения нового кулацкого строя». «Нового» ли? Может быть, просто старого?

Шестой вопрос — это вопрос о демократии. Радек рассказывал, что ему писал по этому поводу Троцкий. Это очень важно нам знать, особенно теперь, когда наша страна достигла высочайшего развития пролетарской социалистической демократии, выражением чего является недавно принятая и утвержденная нашим народом великая Сталинская Конституция. Как о демократии ставился вопрос в троцкистской программе? Что говорит по вопросу о демократии К. Радек, получивший письмо от своего учителя?

«В письме Троцкий сказал (я цитирую показания Радека):

«Ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный...»

Это правильно. Такой громадный аппетит, что он скушает, как уже скушал не раз, любого своего врага.

«...А этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса».

А в деревне?

«В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то возьмите аналогию с властью Наполеона I и продумайте эту аналогию».

Ну, вероятно, Радек продумал очень хорошо.

И, наконец, седьмой вопрос — программа внешней политики, раздел страны: «Германии отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии». Мы дальше интересовались, а как обстоит дело насчет каких-нибудь других экономических уступок?

Радек ответил:

— Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем — сначала он сказал без цифр, а после более определенно — известный процент обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Я спросил: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помех к завоеванию Китая японским империализмом.

— А насчет Придунайских стран?

Радек: О Придунайских и Балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

* * *

Вот семь основных вопросов этой так называемой программы центра, добивавшегося насильственного свержения советской власти в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя и восстановления в нашей стране господства буржуазии, добивавшегося нанесения удара против демократии, против дела мира, против мирных демократических стран, — в помощь кровожадным империалистическим агрессивным странам фашистского типа.

Что означала и что означает эта программа для рабочего класса, для крестьян, для дела мира, для интересов советского народа?

Эта программа означает возврат к прошлому, ликвидацию всех завоеваний рабочих и крестьян, ликвидацию побед социализма, ликвидацию советского социалистического строя. Социалистический строй — это строй без эксплуатации и эксплуататоров, это строй без купцов и фабрикантов, без нищеты и безработицы, это строй, где хозяином являются рабочие и крестьяне, строй, где уничтожены все эксплуататорские классы, где остались рабочий класс, класс крестьян, интеллигенция.

Троцкисты этим недовольны. Они хотят изменить существующий у нас ныне общественный строй. Они хотят уничтожить рабочий класс, превратившийся благодаря победе социализма в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, вернуть его в положение, которое он занимал до Октябрьской революции, в положение рабов, закованных в капиталистические цепи.

Вот что означает для рабочих нашей страны и для рабочих всех стран мира троцкистская платформа капиталистической реставрации в СССР.

Наше советское крестьянство — это новое, колхозное крестьянство, — оно совсем не похоже на крестьянство капиталистических стран. В капиталистических странах крестьянство влачит нищее, полуголодное или вовсе голодное существование. Разбросанные по лицу всей страны, как говорил об этом товарищ Сталин, они «копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно

эксплуатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п.».

«Такого крестьянства, — говорил на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов товарищ Сталин, — у нас уже нет... У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплуатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство... Как видите, — говорил товарищ Сталин, — советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества».

Это не нравится троцкистам, и они хотят изменить и это положение. Они хотят вернуть в деревню кулаков и помещиков, утвердить вновь кулацкую власть, восстановить в деревне хозяев, кулаков, отдать крестьян в кулацкую кабалу, лишить наше колхозное крестьянство добытых кровью прав.

Вот что означает для крестьян нашей страны троцкистская программа капиталистической реставрации, возврата нашей страны в руки капиталистов, кулаков и помещиков.

Троцкисты недовольны, наконец, и тем, что победа социализма в СССР превратила интеллигенцию из служанки капитала в равноправного члена советского общества. Троцкисты недовольны тем, что наша интеллигенция «вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества» (Сталин). Они этим тоже недовольны. Они хотят изменить общественно-политический строй в СССР. Это значит — изменить общественно-политическое положение и роль в нашем государстве рабочих, крестьян и интеллигенции и вернуть их в положение, какое они занимают в старом капиталистическом обществе, бросить их в омут эксплуатации, безработицы, каторжного, беспросветного и тупого труда, вечной нищеты и голода.

Вот что значат те семь пунктов программы реставрации капитализма, о которых я говорил выше.

Поэтому Зиновьев, Каменев и другие главари антисоветского объединенного троцкистского блока и скрывали эту программу, упорно отрицая ее наличие. Эту программу скрывали и главари «параллельного» центра — Троцкий, Пятаков, Радек, Сокольников и другие.

Как показывал Радек, Троцкий указывал, что «не надо теперь перед рядовыми членами блока ставить программных вопросов во весь рост. Испугаются...» Радек заявил:

«И для меня и для Пятакова было ясно, что директива подвела блок к последней черте, что, подводя итоги и намечая перспективы работы блока, она устраняла всякие сомнения насчет ее буржуазного характера. Понятно, мы этого вслух признать не могли, ибо это ставило нас перед необходимостью — или признать себя фашистами, или поставить перед собой вопрос о ликвидации блока»... (т. V, л. д. 147).

Не потому ли, между прочим, не удалось Радеку созвать совещание? О чем бы стали они говорить на этом совещании? О реставрации капитализма? О расчленении СССР? О разделении территории СССР? О территориальных уступках? О распродаже нашей территории японским и германским захватчикам? О шпионаже, вредительстве? Они скрывали эти пункты своей

программы, являющиеся основными пунктами их программы. Но известно, что нет ничего тайного, что не стало бы явным. Стала явной и эта позорная программа антисоветского троцкистского блока.

Эту программу признали здесь Пятаков, Радек, Сокольников, об этом рассказали здесь на суде они сами.

* * *

Но, может быть, это выдумки? Может быть, они говорят так просто потому, что они хотят разыграть комедию раскаявшихся грешников? Раз раскаялись, то надо о чем-то говорить, надо что-то разоблачать. Может быть, Троцкий никогда таких установок не давал?

Но, товарищи судьи, вы знаете, всем известно, что за границей Троцкий издает так называемый «Бюллетень оппозиции», и, если вы возьмете № 10, за апрель 1930 г., этого «Бюллетеня», вы увидите, что там напечатано по существу то же самое:

...«Отступление все равно неизбежно. Нужно совершить его как можно раньше...

...Приостановить «сплошную» коллективизацию...

...Прекратить призовые скачки индустриализации. Пересмотреть в свете опыта вопрос о темпах...

...Отказаться от «идеалов» замкнутого хозяйства Разработать новый вариант плана, рассчитанный на возможно широкое взаимодействие с мировым рынком...

...Совершить необходимое отступление, а затем стратегическое перевооружение...

...Без кризисов и борьбы из нынешних противоречий выйти нельзя...»

В 1933 году Л. Троцкий требовал: а) роспуска большей части колхозов, как дутых; б) роспуска совхозов, как нерентабельных; в) отказа от политики ликвидации кулачества; г) возврата к концессионной политике и сдачи в концессию целого ряда наших промышленных предприятий, как нерентабельных.

Эта программа не только выражала взгляды, надежды и чаяния троцкистских контрреволюционеров, но, как установлено следствием, служила и основой соглашения троцкистов с иностранными агрессорами, которые зарятся на советскую землю. Ведь следствием установлено, что на основе этой программы Радек, Пятаков и их сообщники вступили и вели переговоры с иностранными агрессорами, с их представителями, ожидая от них военной помощи и обещая им различные экономические и политические выгоды, вплоть до уступки части советской территории. Предатели шли на все, даже на распродажу родной земли. Они пошли на самую черную измену, они пали ниже последнего деникинца или колчаковца. Последний деникинец или последний колчаковец выше этих предателей. Деникинцы, колчаковцы, милюковцы не падали так низко, как эти троцкистские иуды, продававшие родину за 30 серебряников, да и то фальшивых, пытавшиеся отдать с кабалу иностранному капиталу нашу страну. Это факты. Это следствием установлено, - и поколебать этого нельзя.

Мудрено ли, что подобная программа предательства отвергается нашим народом, что если бы с этой программой пойти на наши фабрики, заводы, в колхозы, в наши красноармейские казармы, агитатора немедленно бы схватили и повесили на первых попавшихся воротах. И поделом, ибо, кроме виселицы, изменникам не может быть другого удела. Это программа черной измены. Мы противопоставляем ей свою программу — программу советского правительства. Напрасно было бы изображать дело так, будто здесь идет борьба, спор между двумя фракциями, одной из которых повезло, и она пришла к власти, а другой не повезло, «не пофартило», и она к власти не пришла.

Тут идет борьба не на жизнь, а на смерть между двумя программами, двумя противоположными системами принципов, враждебными друг другу направлениями, взглядами, отражающими эти принципы. Этой черной программе троцкистов мы противопоставляем свою программу ликвидации капитализма, ликвидации всех остатков капитализма в нашей стране. Вся Советская страна, рабочие, крестьяне и интеллигенция, под руководством нашей великой партии, партии Ленина — Сталина, под руководством нашего великого вождя и учителя Сталина героически борется за эту программу, неустанно трудится на укрепление нашей государственной независимости, самостоятельности и неприкосновенности наших границ и нашей земли.

В одном великом порыве, не виданном в прошлом истории царской России и ни в одном капиталистическом государстве, в порыве советского патриотизма, героическими руками трудящихся СССР строится наше новое, социалистическое отечество.

Все народы нашей страны охвачены небывалым в истории энтузиазмом, творящим чудеса. Могуча любовь к нашей родине, нашему отечеству!..

«В прошлом у нас не было и не могло быть отечества», — говорил товарищ Сталин в 1931 году. «Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость».

Вся наша страна громко, на весь мир повторяет эти слова товарища Сталина и готова по первому призыву партии и правительства, как один, подняться на защиту отечества.

Товарищ Сталин сказал: «Наша политика есть политика мира... Эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

Пусть это крепко запомнят наши враги.

Наш великий русский народ, наши великие народы — украинский, белорусский, узбекский, грузинский, азербайджанский, армянский, татарский и все другие многомиллионные народы СССР живой стеной стоят на страже наших границ, охраняя каждую пядь, каждый вершок нашей священной советской земли!

«Мы полны,— писал Ленин,— чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами».

И вот перед вами, товарищи судьи, сидят люди, которые собирались повергнуть с помощью иностранных штыков нашу страну в капиталистическое рабство. Об этих людях и им подобных писал в свое время Ленин, что это вызывающие законное чувство негодования, презрения и омерзения холуи и хамы. Вот эти люди, эти холуи и хамы капитализма, пытались втоптать в грязь великое и святое чувство нашей национальной, нашей советской патриотической гордости, хотели наглумиться над нашей свободой, над принесенными нашим народом за свою свободу жертвами, они изменили нашему народу, перешли на сторону врага, на сторону агрессоров и агентов капитализма. Гнев нашего народа уничтожит, испепелит изменников и сотрет их с лица земли...

* * *

Как это установлено на предварительном и судебном следствии, антисоветский троцкистский центр одним из пунктов своей программы имел установку на ускорение войны и поражение СССР в этой войне. А через войну и поражение — приход к власти, захват власти и использование ее для капиталистической реставрации.

Троцкистский центр в составе Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова понимал, разумеется, всю безнадежность своих преступных замыслов о свержении советской власти и захвате этой власти в условиях мирного существования нашего Союза, мирного развития СССР. Они понимали, конечно, что внутри нашей страны нет сил, на которые можно было бы рассчитывать, как на действительно реальные силы. Поэтому главари этого центра основную ставку свою ставили на предстоящую войну, на неизбежность военного нападения на СССР агрессора, на неизбежность завязки войны, на необходимость обеспечить в этой войне победу нашего врага и наше поражение.

В беседе с Пятаковым в декабре 1935 года Троцкий, по словам Пятакова, прямо говорил о неизбежности войны в ближайшее же время. Мы здесь это проверили, насколько возможно. Называлась дата — 1937 год.

Я не могу здесь не сказать об одном обстоятельстве, которое было вчера рассмотрено в закрытом заседании. Именно, в связи с установкой Троцкого и, очевидно, соответствующих компетентных в этом деле кругов и учреждений одного иностранного государства, с которым договаривался Троцкий, установка на 1937 год обуславливалась необходимостью ряда таких мероприятий, которые должны были бы действительно к этому времени подготовить неизбежность поражения СССР. Вчера на закрытом судебном заседании Пятаков и Ратайчук дали подробные объяснения, что они сделали для того, чтобы обеспечить наше поражение в случае возникновения войны в 1937 году, и, в частности, в деле снабжения нашей армии необходимыми средствами обороны. Они нам показали вчера, как глубоко и как чудовищно подл был их план предательства нашей страны в руки врага.

Они показали, как они своим планом хотели обезоружить в наиболее для нас важный и опасный в случае возникновения военных действий период времени — нашу Красную Армию, нашу страну, наш народ.

Теперь становится понятным, почему их планы были приноровлены к тому, чтобы именно в 1937 году поставить нас в тяжелое положение в области некоторых мероприятий оборонного значения.

Именно к 1937 году было подтянуто то чудовищное преступление, которое вчера было установлено в закрытом судебном заседании. Именно на 1937 год ставилась основная ставка на поражение.

Надо вспомнить, что еще 10 лет назад Троцкий оправдывал свою пораженческую позицию по отношению к СССР, ссылаясь на известный тезис о Клемансо. Троцкий тогда писал: надо восстановить тактику Клемансо, восставшего, как известно, против французского правительства в то время, когда немцы стояли в 80 км от Парижа.

Товарищ Сталин зло высмеял Троцкого — этого «опереточного Клемансо» и его «Донкихотскую группу». Троцкий и его сообщники выдвинули тезис о Клемансо не случайно. Они вновь вернулись к этому тезису, но уже теперь не столько в порядке теоретической, сколько практической подготовки, подготовки на деле, в союзе с иностранными разведками, военного поражения СССР.

Л. Троцкий и антисоветский троцкистский центр всячески, всеми доступными им средствами старались ускорить нападение агрессоров на СССР.

«Ускорить столкновение» — спровоцировать войну, подготовить поражение СССР — вот к чему сводилась программа троцкистского «центра» в области, так сказать, внешней политики.

Это «программа» иностранных лазутчиков, агентов иностранных разведок, забирающихся, если это им удастся, в самую гущу рядов противника и пытающихся взрывать ряды противника изнутри. Вот к чему сводилась программа троцкистского центра в части, так сказать, внешней политики.

Две программы — непримиримые, как смертельные враги, стоят одна против другой. Две программы, два лагеря. С одной стороны, оторванная от народа и враждебная народу жалкая кучка людей, ставшая агентами иностранных разведок; с другой стороны, советское правительство, имеющее поддержку со стороны всего населения СССР. Две программы, две принципиально противоположные линии борьбы.

Вполне понятно, что, исходя именно из этих принципиальных своих установок на войну, на поражение, на дезорганизацию нашего государства, на предательство его интересов воинствующему фашизму, и вытекал ряд уже других практических шагов и мероприятий, которые проводила троцкистская организация под руководством своего троцкистского антисоветского центра.

* * *

Радек и Пятаков подтвердили на суде, что в подготовке военного поражения главным методом в руках изменников из «центра» являлись вредительские мероприятия и диверсии.

Пятаков показывал, что Троцкий при свидании с ним объяснял, что одним из пунктов достигнутого Троцким с представителями германской национал-социалистической партии соглашения было обязательство «...во время войны Германии против СССР... занять пораженческую позицию, усилить

диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения... действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом».

Осуществляя взятые на себя таким образом обязательства, «параллельный» или просто антисоветский троцкистский центр на ряде предприятий нашего Союза в действительности организовал, как это установлено следствием, широкую систему вредительских действий и даже диверсий, проводившихся через специально организованные им диверсионные и вредительские группы. Не только в области нашей промышленности но также и в области железнодорожного хозяйства «параллельный» центр расставлял, в соответствии с этим, своих людей. Мы видели ведь, как это делалось. Если плохо или недостаточно удовлетворительно, с точки зрения центра, разворачивается вредительская и диверсионная работа в Западной Сибири, Пятаков спешит туда, посылает Дробниса специально для того, чтобы усилить западносибирский центр, руководящий диверсионной и вредительской работой.

Мы знаем, что расстановка сил проводилась и проходила по определенному плану не случайно. Были специальные люди, в адреса которых направлялись прибывшие из-за границы разведчики. Эти разведчики расставлялись также по определенному плану, их направляли именно туда, где, казалось, необходимо нанести наиболее чувствительный, как говорили Пятаков и Троцкий, удар.

Пятаков оставляет в центре за собой руководство диверсионной и вредительской работой. Руководство вредительством и диверсиями на железнодорожном транспорте поручается Серебрякову, вкуче с ним Князеву, Туроку, Богуславскому.

Естественно, громадное внимание преступный центр обращал на Кузбасс, в частности на Кемерово. Не случайно именно в Западной Сибири создается достаточно сильный краевой центр в составе испытанных троцкистов: Муралова, Дробниса и Богуславского. Пятаков подтягивает к себе в качестве своих ближайших помощников — Ратайчака, Норкина; Муралов и Дробнис опираются на Шестова и Строилова.

Основные вредительские и диверсионные силы расставляются достаточно умело и по определенному плану. Основной вредительский и диверсионный актив не распыляется, он концентрируется. Эти силы концентрируются со всеми необходимыми требованиями, предъявляемыми конспирацией. Эти силы концентрируются на наиболее крупных, наиболее важных предприятиях, имеющих преимущественно оборонное значение. Здесь учитывается и ряд таких естественно возникающих трудностей, которые связаны с организацией нового дела, каким является, например, организация мощного Кемеровского комбината. Учитывается решительно все. Можно сказать, что каждая мелочь берется на строгий учет. Все взвешивается «по-хозяйски», если употребить это слово с издевательством над понятием «хозяин». Пятаков выступает здесь именно как хозяин, как организатор этого вредительского хозяйства.

Это человек, который живет двойной жизнью. Он ко всему, даже к вредительскому и диверсионному акту, подходит с расчетом, с — выкладкой, соображая, что к чему, что и когда, действуя не просто так, по-партизански. Пятаков — враг партизанщины и в области террора, и в области вредительства, и в области диверсии. Он действует по строгому хозяйственному расчету:

вредит там, тогда, так и столько, где, когда, как и сколько ему в этом помогают и содействуют обстоятельства. Учет обстоятельств находится в его руках, учет обстановки находится в его руках, учет сил — в его руках, учет средств — в его руках. Средства маскировки также находятся в его руках. Отсюда достаточно широкая, планомерная, разветвленная вредительская, диверсионная деятельность, чудовищность которой иногда может просто привести в содрогание. На предварительном следствии Пятаков показал:

«Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не распыляться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение. В этом пункте я действовал по директиве Троцкого: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах».

Надо отдать Пятакову справедливость, он умел наносить чувствительные удары в действительно чувствительных местах.

Мы видели на судебном следствии, что означала эта троцкистско-пятаковская формула в действии: она означала порчу и уничтожение машин, агрегатов и целых предприятий, поджог и взрыв целых цехов, шахт и заводов, организацию крушений поездов, гибель людей.

Наша история знает немало преступлений против власти рабочих, против пролетарской диктатуры. В нашу историю вписаны отвратительные страницы возмутительных заговоров против Советов. Мы помним «шахтинское дело» и, как живые свидетели прошедших перед нашими глазами судебных процессов, мы помним дело «Промпартии», дело «союзного бюро с.-д. меньшевиков». Но едва ли будет преувеличением сказать, что в искусстве вредительства, цинизма и гнусной диверсионной практики троцкисты далеко оставили за собою своих предшественников, что в этой области они перещеголяли самых матерых и отъявленных преступников.

Если сравнить Пятакова с его предшественниками в этой области, то я думаю, что фигуры его предшественников померкнут перед силою и глубиною тех предательских, преступных действий, которые сумел осуществить Пятаков, прикрывая свою преступную деятельность своим высоким положением в Наркомтяжпроме.

* * *

Организуя вредительские диверсионные акты, троцкистский антисоветский центр решал по существу одновременно две задачи: одну задачу — подорвать хозяйственную мощь Советского государства и обороноспособность нашей страны, другую задачу — вызвать у рабочих, у трудящихся, у населения озлобление против советской власти, натравить народ на советскую власть. Эту вторую задачу они решали при помощи самых изуверских преступлений. Они не только не останавливались перед этими преступлениями, они, наоборот, старались эти преступления организовать в возможно более широком масштабе, старались увеличить число жертв возможно больше. И не прав Пятаков, когда говорит, что принимал «это», как неизбежное. Он здесь не имеет мужества сказать всю ту правду, которую сказал сидящий за его спиною Дробнис.

Не как необходимое и неизбежное принималась центром система взрывов, поджогов, крушений с человеческими жертвами. Организация этого рода преступлений входила в план центра, являясь его составной частью. Дробнис сказал:

«Даже лучше, если будут жертвы на шахте, так как они несомненно вызовут озлобление у рабочих, а это нам и нужно».

Князев говорил, что Лившиц дал ему поручение:

«Подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений или отравлений), которые сопровождались бы большим количеством человеческих жертв».

Товарищи судьи! На суде перед нашими глазами прошло несколько тяжелых картин, которые я должен буду сейчас восстановить в вашей памяти. Должен восстановить взрыв на шахте «Центральная», повлекший гибель 10 рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих. Я должен буду также напомнить о крушении на станции Шумиха, повлекшем за собой смерть 29 красноармейцев и ранение еще 29 красноармейцев.

Характерно, что, совершая преступления, заговорщики очень хладнокровно и продуманно закрывали свои следы, пытались эти следы замести. Мы видели, как по поводу отравления рабочих в декабре 1935 года на 6-м участке в районе Северного Ходка в Кемерово члены вредительской троцкистской организации Пешехонов и другие составили специальный акт, скрывший умышленный характер этого отравления. Здесь же на суде Князев и Турок должны были подтвердить, что ряд организованных ими железнодорожных крушений остались безнаказанными, потому что они с циничным искусством прятали достаточно успешно концы в воду.

Мы знаем, что эти люди не останавливались перед тем, чтобы заведомо лживо, заведомо неправильно сообщать следственным органам о виновниках организованных ими крушений, что они умели свалить вину на совершенно невинных людей, как это было со стрелочницей Чудиновой.

Здесь действовала чудовищная бандитская система, которая не щадит никого, не останавливается ни перед чем, направляет свои удары не только против тех, с кем непосредственно ведется борьба, но и против всех тех, кто вообще встречается на их преступном пути.

Надо сказать, что организация диверсионных и вредительских актов и проведение их в жизнь весьма облегчались преступникам тем, что ряд командных должностей в промышленности и на транспорте был захвачен в свои руки этими людьми, сумевшими нас обмануть. Экспертные технические комиссии, которые давали здесь свое заключение, с совершенной точностью и конкретностью установили, что все так называемые аварии, взрывы, пожары, которые сначала пытались изобразить как результат несчастных случаев, на самом деле производились вредителями умышленно, продуманно. Установлено, что на Горловском азотно-туковом комбинате под руководством подсудимого Ратайчака были организованы в сравнительно короткий срок три диверсионных акта, в том числе два взрыва, повлекшие за собой человеческие жертвы и причинившие нашему государству к тому же и тяжелый материальный урон.

* * *

Товарищи судьи! Для того, чтобы оценить со всей полнотой всю безмерную чудовищность этих преступлений, надо не упускать из виду не только то, что эти преступления совершены, но и то, что они совершены людьми, которым была вверена охрана интересов нашего государства от всякого рода посягательств на них. Ратайчак, который должен был в первую очередь охранять нашу химическую промышленность от всякого рода посягательств на нее и беречь от всякого рода ущерба, этот человек предает. Он действует, как, прямой изменник: за подобного рода преступления в военной обстановке он подлежал бы расстрелу на месте, немедленному уничтожению.

Аналогичные диверсионные акты по поручению Ратайчака совершаются троцкистской организацией и на других химических предприятиях Союза. Диверсионный характер этих взрывов установлен и признан и подсудимыми, и свидетельскими показаниями, и, наконец, специальной технической экспертизой, которая здесь поставила все точки над «и» и не оставила никакого сомнения, что речь идет действительно о диверсиях.

Я хотел бы кратко остановиться на этих данных экспертизы. Я просил экспертов ответить нам на ряд вопросов по взрыву, имевшему место в ноябре 1935 года на Горловском туковом заводе в водородно-синтетическом цехе. На прямой вопрос, имелась ли возможность предупредить этот взрыв, эксперты ответили: «Бесспорно имелась». Что же нужно было сделать для того, чтобы этих взрывов не было?

Оказывается немного. Для этого нужно было только придерживаться инструкции по безопасному проведению работ. Инструкция обеспечивает нормальную и безопасную работу. Это не было сделано. Отсюда взрыв. И когда мы поставили экспертам вопрос: а может быть, этот взрыв все-таки случайный? Когда мы проверили показания подсудимых, экспертиза ответила: «Факт злого умысла неоспорим».

Мы при помощи экспертизы проверили показания самих подсудимых, и хотя мы знаем, что в некоторых европейских законодательствах признание подсудимыми своей вины считается достаточно авторитетным для того, чтобы уже не сомневаться больше в их виновности, и суд считает себя вправе освободить себя от проверки этих показаний, мы все же для того, чтобы соблюсти абсолютную объективность, при наличии даже собственных показаний преступников, проверили их еще с технической стороны и получили категорический ответ и о взрыве 11 ноября, и о горных пожарах на Прокопьевском руднике, и о пожарах и взрывах на Кемеровском комбинате, — установили, что не может быть никакого сомнения в наличии злого умысла.

Мы, таким образом, имеем целую систему широко разветвленных вредительских и диверсионных мероприятий, которые охватывали те отрасли нашей промышленности, которые имеют наиболее важное значение с точки зрения общесоюзных интересов и с точки зрения интересов обороны и обороноспособности нашего государства.

Троцкистский центр организовал достаточно широко разветвленные вредительские и диверсионные мероприятия и на железнодорожном транспорте. Мы уже установили, что активную роль в этом кошмарном преступлении или, вернее, в этой сумме кошмарных преступлений играл Лившиц, Турок, Князев и Богуславский. Но и здесь я не могу не выделить Лившица, ибо это уже предел,

как мы имели и в случае с Пятаковым, всякого мыслимого преступления. В самом деле, Лившиц был не просто работник железнодорожного транспорта, не просто один из ответственных работников Народного комиссариата путей сообщения. Лившиц был заместителем народного комиссара путей сообщения. В этом отношении он ничем не отличается от Пятакова, несмотря на то, что его роль по сравнению с Пятаковым была второстепенной. Когда наша промышленность и железнодорожный транспорт под блестящим руководством товарищей Серго Орджоникидзе и Лазаря Моисеевича Кагановича, преодолевая всякого рода трудности, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год поднимались в гору, — в это самое время те, кто призван был им помогать, нагло и предательски обманывали их, обманывали нас всех, нашу партию, наш народ.

Вот почему я полагаю, что в отношении Пятакова, бывшего заместителя народного комиссара тяжелой промышленности СССР, в отношении Лившица, бывшего заместителя народного комиссара путей сообщения, и в отношении Сокольников, бывшего заместителя народного комиссара по иностранным делам, — в отношении этих трех лиц, как лиц, облеченных особым доверием, особой государственной ответственностью перед нашей страной, — вопрос об уголовной ответственности должен быть поставлен особо, даже если бы за их плечами не было иных чудовищных преступлений.

* * *

Подсудимый Князев по прямому заданию «параллельного» троцкистского центра организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся значительным количеством человеческих жертв. Было крушение на ст. Шумиха, где погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев оказались ранеными, крушение на перегоне Яхино — Усть-Катав, крушение воинских поездов, крушение товарных поездов. Князев организовал их, как это выяснилось, не только по поручению и указаниям «параллельного» троцкистского центра и, в частности, Лившица, но и по прямым заданиям агента одной из иностранных держав, — агента японской разведки господина Х., который действительно был одной из движущих пружин преступной деятельности Князева и Турока.

Князев показал, что организация крушений воинских поездов входила в круг мероприятий намеченных для удара по нашей Красной Армии, и нельзя отказать в признании того, что действительно эти мероприятия преступного характера могли нанести нам чувствительный удар.

Так переплетались интересы троцкистской организации с интересами иностранных разведок. Они не могли не переплетаться, потому что у них были общая политическая задача, общие методы работы и организационная связь, что, в сущности говоря, стирало всякие грани различия между троцкистской организацией и организацией японской или германской разведки.

Связи Князева и Турока, связи шпионского диверсионного характера нами были проверены на закрытом заседании, где была совершенно точно установлена личность этого господина Х., и все те обстоятельства, о которых подсудимые давали показания на суде,

Я здесь должен буду напомнить об имеющихся в деле двух письмах, где изобличаются связи Князева с этим господином Х. Эти письма только лишний раз и вполне объективно подтверждают показания Князев.

Князев показал, что по соглашению с этим самым господином Х. он давал и выполнял задания на случай войны по организации поджогов воинских складов, пунктов питания, пунктов санитарной обработки войск. Князев подтвердил, что японская разведка особенно резко ставила вопрос об организации диверсионных актов путем применения бактериологических средств в момент войны с целью заражения острозаразными бактериями поездов под воинские эшелоны, а также пунктов питания и санитарной обработки войск.

Вот два наиболее характерных факта, которые сами по себе говорят о действительно беспредельном падении, о действительно моральном растлении, которым оказались подвержены и малые и большие деятели этого антисоветского троцкистского центра. Эпизод с Кемеровским комбинатом и задание, которое Князевым получено от Х. на случай войны,— заражение красноармейцев острозаразными бактериями — два факта, вполне достаточные для того, чтобы считать полностью установленным предъявленное здесь обвинение в государственной измене.

Преступники действовали с наглостью и цинизмом. На них оказывало некоторое влияние их положение, позволявшее им думать, что они настолько крепко законспирированы и замаскированы, что не будут разоблачены до конца. В самом деле, как могли они в течение сравнительно длительного времени совершать эти преступления, оставаясь безнаказанными? Это вопрос, конечно, законный. Но что же, если те самые консулы, на которых лежит обязанность заботиться, чтобы никакого ущерба не понесло государство (старая формула, которая говорит, что консулы обязаны не допускать никакого ущерба государству), эти самые консулы оказались основными вредителями, основными организаторами этих преступлений! Тут, конечно, можно вредить месяц, можно вредить год, два, пять лет, может быть, даже целые десять лет, если играть эту подлейшую двойную игру, если жить той двойной жизнью, какой жили обвиняемые по этому делу. Да, эти преступления были возможны потому, что они совершались под прикрытием тех, кто должен был бы первый поднять тревогу, дать сигнал и броситься в борьбу не на жизнь, а на смерть против подобных преступлений. Это объясняет все.

Но тут я поставлю другой вопрос: несмотря на то, что к руководству примазались вот такие шпики и разведчики, как Ратайчак, вот такие предатели и изменники, как Лившиц или Пятаков, — как случилось, что, несмотря на все эти их усилия подорвать мощь промышленности, ослабить силы оборонной промышленности, поколебать обороноспособность нашей страны оказались тщетными? Это наиболее важный вопрос, и на него нужно дать точный и исчерпывающий ответ.

Да, в известный период, в известный момент, на известных участках нам приходилось туго. Но, несмотря на вредительские и диверсионные удары, наша промышленность и наш железнодорожный транспорт все время идут в гору, все больше поднимаются вверх. Я приведу несколько справок из нескольких отраслей промышленности, которые были ареною преступной деятельности троцкистских заговорщиков.

В угольной промышленности мы имеем рост добычи угля:
по Донбассу — с 25 288 тыс. т в 1913 году до 75 202 тыс. т в 1936 году,
по Кузбассу — с 799 тыс. т в 1913 году до 17 259 тыс. т в 1936 году,
по Подмосковному бассейну — с 300 тыс. т до 7201 тыс. т в 1936 году.

Громадный рост!

За 19 лет наша страна создала мощную химию и заняла третье или даже по отдельным отраслям промышленности второе место в мире.

К началу первой пятилетки наша страна обогатилась созданием ряда новых отраслей промышленности, имеющих общенародное хозяйственное значение, как анилино-красочная промышленность, коксо-бензоловая промышленность, химико-фармацевтическая и т. д. Первая и вторая пятилетки советской химии были наиболее яркими этапами в развитии химической промышленности. Надо иметь в виду, что история мировой химии вообще начинается с конца XVIII века. Следовательно, современная мировая химическая промышленность имеет около 150 лет своего развития, а наша советская химическая промышленность имеет не больше 10 лет своего развития. И за эти 10 лет она прошла путь 150 лет мирового капиталистического хозяйства. Мы имеем успехи, благодаря которым по серной кислоте и соде мы занимаем третье место, уступая только Германии и Соединенным Штатам, по суперфосфату — первое место после Соединенных Штатов, по азотным удобрениям наша страна выдвигается на четвертое место в мире. Это факты многозначительные, особенно в свете тех кошмарных преступлений, о которых мы здесь слышали и которые вызвали всеобщее негодование нашей страны. Это говорит о том, что именно так отвечает наш народ, наша социалистическая промышленность на подрывную работу предателей и агентов фашистских разведок. Несмотря на вредительство, несмотря на диверсии, сотни погибших от рук разведчиков и диверсантов лучших стахановцев, несмотря на систематические и планомерно проводившиеся мероприятия по сознательному срыву стахановского движения, — наша промышленность бурно растет и перевыполняет свои производственные планы!

Аналогичное положение на железнодорожном транспорте. И здесь мы имеем героический подъем железнодорожного хозяйства, о чем особенно красноречиво говорят цифры среднесуточной погрузки. Эта погрузка в 1934 году выражалась в 55 417 вагонов, в 1935 году — в 68 098 вагонов, в 1936 году — в 86 160 вагонов! Годовая перевозка грузов в миллиардах тонно-километров за те же годы: 205, 258, 323! Железнодорожный транспорт героически преодолел былые трудности...

Чем объяснить это чудо, чем объяснить это явление? Чудес в мире не бывает. Почему же мы имеем такой блестящий рост, такой расцвет нашей промышленности и железнодорожного транспорта? Потому, что на стороне вредителей стоят единицы. Вред, причиняемый этими единицами, быстро ликвидируется миллионами. Потому, что на стороне Советского правительства и строительства социализма стоят миллионы!

* * *

Материалами предварительного и судебного следствия и собственными признаниями обвиняемых Ратайчака, Князева, Пущина, Турока, Граше,

Шестова, Строилова установлено, что наряду с диверсионно-вредительской деятельностью троцкистский антисоветский центр широко и систематически занимался шпионажем в пользу иностранных разведок.

На этом вопросе я не буду подробно останавливаться, скажу лишь основное.

Установление связей с японской и германской разведками осуществлялось не в порядке личной инициативы какого-то Турока или Шестова. Эта связь осуществлялась в порядке выполнения директивы Троцкого. Люди, связавшиеся с иностранными, германской и японской, разведками под руководством Троцкого и Пятакова, своей шпионской работой подготавливали результаты, которые должны были самым тягчайшим образом сказаться на интересах не только нашего государства, но и на интересах целого ряда государств, вместе с нами желающих мира, борющихся вместе с нами за мир.

Товарищ Сталин в своей телеграмме на имя Центрального комитета коммунистической партии Испании, на имя товарища Хосе Диас сказал, что «трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они,— сказал товарищ Сталин,— отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

И я хочу просить у вас, товарищи судьи, чтобы и вы, взвешивая все обстоятельства данного дела и оценивая значение преступлений, совершенных подсудимыми, также подошли к этому делу с точки зрения охраны интересов нашего государства, с точки зрения охраны интересов всего передового и прогрессивного человечества.

Мы в высокой степени заинтересованы в том, чтобы в каждой стране, желающей мира и борющейся за мир, самыми решительными мерами их правительств были прекращены всякие попытки преступной шпионской, диверсионной, террористической деятельности, которая организуется врагами мира, врагами демократии, темными фашистскими силами, подготавливающими войну, собирающимися взорвать дело мира и, следовательно, дело всего передового, всего прогрессивного человечества. Достаточно полно установлено, что именно в этой области делали и маленькие шпики, сидящие здесь на скамье подсудимых, вроде Граше, Ратайчака, и большие шпики, возглавляющие эту скамью подсудимых. Князев и Лившиц, Ратайчак, Шестов, Строилов, Пушин, Граше — это непосредственная агентура германской и японской разведок. Агентура, конечно, не только не исключает, а наоборот, предполагает ответственность на равных началах и главарей этого центра, организовавших агентуру и пустивших ее в ход.

Обвинительное заключение предъявляет обвинение к членам троцкистского центра и их сообщникам в организации террористических актов.

Здесь надо раньше всего остановиться на основном и общем вопросе — доказано, что в программе троцкистского антисоветского центра стоял террор, что этот террор проводился на деле.

В наших руках имеются документы, свидетельствующие о том, что Троцкий дважды, по крайней мере, и притом в достаточно откровенной, незавуалированной форме дал установку на террор, — документы, которые оглашены их автором *urbi et orbi* (всему миру). Я имею в виду, во-первых, то

письмо 1932 года, в котором Троцкий бросил свой предательский, позорный клич — «убрать Сталина», и, во-вторых, я имею в виду документ, уже относящийся к более позднему времени, — троцкистский «Бюллетень оппозиции» № 36 — 37, октябрь 1933 года, где мы находим ряд прямых указаний на террор как метод борьбы с советской властью.

В самом деле, здесь, в статье, имеющей программный характер, в статье, которая под своим официальным названием содержит еще подзаголовок — «Проблемы IV интернационала», — Троцкий говорит совершенно откровенно о терроре как методе, который уже в те годы был поставлен в порядок дня практической деятельности троцкистов. Этот террор они, к нашему великому горю, сумели осуществить в 1934 году, убив Сергея Мироновича Кирова.

В этой самой статье, имеющей программный характер, есть глава, в которой говорится: «Возможно ли мирное снятие бюрократии?» Троцкий и троцкисты считают наш советский аппарат бюрократическим аппаратом.

Здесь говорится:

«Возьмите немаловажный вопрос, как подойти к реорганизации Советского государства».

Троцкий, видите ли, озабочен реорганизацией Советского государства, чем озабочены, как мы видели на этом процессе, также и его ближайшие помощники — Пятаков, Сокольников, Радек, Серебряков и другие.

Как подойти к реорганизации Советского государства и можно ли разрешить эту задачу мирным способом? Ясная совершенно постановка. Противник террора, насилия должен был бы сказать: да, возможно мирным способом, скажем, на основе конституции.

А что говорят Троцкий и троцкисты?

Они говорят так: «Было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского съезда. Для устранения правящей клики (как они клеветнически называют наше правительство. — *А. В.*) не осталось никаких нормальных конституционных путей».

«Заставить их передать власть в руки пролетарского авангарда (они говорят о себе, как об авангарде, имеют в виду, очевидно, вот подобный этим господам «авангард», который занимался убийствами и диверсиями, и шпионажем) можно только силой».

Причем слово «силой», как в этом можно убедиться, набрано черным шрифтом. Ясная постановка вопроса! Мирные средства? Мирные средства бессильны. Единственное средство — сила, силой и устранять. Но мы знаем, как силой устраняют, в особенности, когда дело идет о том, чтобы эту силу оставлять в руках такого «авангарда», каким являются вот эти господа. (*Смех.*)

Они говорят дальше прямо о «сталинском аппарате», говорят, что если все-таки этот аппарат, наш государственный аппарат, будет сопротивляться, то придется применить против него особые меры.

* * *

То, что я процитировал и что я из чувства просто политической брезгливости не имею возможности цитировать дальше, совершенно отчетливо говорит о том, как ставится троцкистами в своих журнальчиках вопрос о методах борьбы, ка-

ковы установки Троцкого в отношении этой так называемой «реорганизации» Советского государства. Об этом самом «Бюллетене» троцкистской оппозиции нам, кстати, Пятаков говорил, что Троцкий сказал ему: «Не обращайтесь внимания полностью на то, что будет писаться в «Бюллетене». Имейте в виду, что в «Бюллетене» мы не можем откровенно сказать все, что мы говорим и требуем от вас. Знайте, что в «Бюллетене» мы будем даже говорить иногда, может быть, прямо противоположное тому, что мы от вас требуем». И если при этих условиях говорится то, что я сейчас процитировал — как это назвать, если не прямым призывом к насильственным действиям против нашего государства, против наших руководителей? Как это назвать, как не прямым призывом к террору? Иного названия я этому дать не могу.

И это является объективнейшим доказательством того, что когда некоторые — Пятаков, Радек и другие — члены этой преступной банды говорили, что они организовали террористические акты по прямым установкам Троцкого, то они вынуждены были сказать то, что в действительности есть, и никакой болтовней, никакой клеветой, никакой инсинуацией и троцкистской брехней этого факта не замазать! В наших руках есть документы, которые объективно говорят, что террор стоит в порядке дня троцкистской организации, что террор был предложен Троцким, что он был принят Пятаковым.

Перед нами стоят террористы, которые организовывали теракты не только сами, но по соглашению с троцкистско-зиновьевским блоком, с которым у них была некоторая конкуренция. Посмотрите: опубликованные протоколы судебных заседаний объединенного зиновьевско-троцкистского центра говорят о том, что зиновьевцев подхлестывала боязнь, что троцкисты в своей преступной деятельности их могут «обскакать». Разве на этом процессе мы не слышали о том же? Разве троцкисты из «параллельного» центра не считали своей задачей, как здесь признался Радек, держать зиновьевцев в руках, не позволять зиновьевцам оттиснуть их от власти в тот момент, когда они будут распределять портфели? Этот «авангард» спал и видел во сне портфели. Радеку — портфель министра иностранных дел, Ратайчаку, — вероятно, министра религиозных исповеданий (в зале смех), потому что он показывал, что он чувствует себя связанным до сих пор присягой, которую он где-то кому-то давал. А Пятакову предназначался (нам это известно) пост военного министра и вообще главнокомандующего всех вооруженных сухопутных (морских сил у них не было) и — я имею в виду «старого летчика» Ратайчака — летных сил.

Центр организовал сеть террористических групп. У Пятакова — Логинов, Голубенко и другие; у Радека — Пригожин и другие; у Сокольникова — Закс-Гладнев, Тивель и другие; у Серебрякова — у того есть своя группа — Мдивани; у Дробниса — какая-то Подольская, которая тоже подготовляла террористический акт. У Дробниса — своя группа. У Муралова — об этом и говорить нечего. Он же бывший командующий, как ему быть без армии? Если нельзя командовать советскими силами, разве нельзя командовать антисоветскими. Он «солдат» — чем и как прикажут, тем и так он будет командовать. Даже у Шестова и то была своя группа — Арнольд и К° — и группа неплохая с точки зрения ее задач. Правда, не больно она презентабельна с виду, но практически умела действовать.

Пятаков подготавливает террористический акт в 1935 году против товарища Сталина. Мы спрашивали об этом Пятакова, мы вызывали Логинова для свидетельского допроса, и он это подтвердил. Радек подготавливает террористические кадры в Ленинграде; Закс-Гладнев и другие готовят под руководством Сокольников террористический акт против товарища Сталина; Мдивани под руководством Серебрякова собирает террористов, которых можно было бы стянуть в Москве для того, чтобы обеспечить наиболее успешное осуществление так называемых групповых террористических актов.

Готовят, в том числе и Дробнис, еще другие террористические акты. Муралов, например, готовит акт против тех, кто приедет к нему в Сибирь. Такова установка: учесть, использовать выезды руководителей партии и правительства на периферию и организовать их убийства. И вот Муралов, который никак не хочет согласиться с тем, чтобы ему приписывалась подготовка покушения против тов. Орджоникидзе, этот самый Муралов твердо и откровенно (я не могу сказать «честно», потому что это слово не подходит к таким делам) признает, что он действительно организовал террористический акт против товарища В. М. Молотова, председателя Совета Народных Комиссаров нашего Союза. Террористический акт Муралов не только организовал, но и пытался осуществить через Шестова и Арнольда.

* * *

Конечно, может быть поставлен и такой вопрос: много групп, а «дела» как-то не видать. Но это ваше счастье. Ведь эти самые господа не брали на себя лично совершения террористических актов, в этом-то наше счастье. С Радеком, с Пятаковым, с Сокольниковым встречались довольно близко, обсуждали вместе разные вопросы, полагая, что рядом сидят товарищи. А оказалось, что рядом сидят наши убийцы! Если бы они могли открыто выступить на террор, положение было бы, конечно, сложнее. Но тактика у них была иная: не открывать, что троцкисты подготавливают убийства. Их тактика заключалась в том, чтобы можно было совершение терактов свалить на других — скажем, на белогвардейцев (так ставился вопрос). В этих условиях, конечно, не легко было им найти людей, которые, вроде таких просвещенных мореплавателей, как Арнольд, согласились бы взять на себя подобного рода ужасные преступления. Арнольд, Шестов, Муралов, западносибирский центр, троцкистский центр в целом отвечают, конечно, за подготовку этих актов, потому что это делалось по общей директиве, «конкретно переведенной», как выразился Пятаков, «с языка алгебраического на язык арифметический». Но они забыли, что существует еще один язык — язык Уголовного кодекса, который знает преступления, знает людей, их совершивших, и знает ответственность, предусмотренную законом за эти преступления. Они избирают Арнольда как вполне подходящего человека для подобного рода преступлений. Ну, что такое Арнольду взять на себя совершение одного или десятка террористических актов? Вы уже видели этого Арнольда. У Арнольда есть только одно качество, которого не учли эти троцкистские заговорщики, — трусость... Вот он организовал покушение против товарища Орджоникидзе и, к величайшему счастью нашему, в последнюю минуту сдрейфил, — не удалось. Организует покушение на жизнь председателя

Совнаркома СССР товарища Молотова, но, к нашему счастью, к величайшему счастью, опять сдрейфил, — покушение не удалось.

Но факт остается фактом. Покушение на товарища Молотова произошло. Эта авария на гребешке 15-метровой канавки, как здесь Муралов скромненько говорил, — факт.

Возьмите убийство инженера Бояршинова. Кто такой Бояршинов? Это был человек, когда-то осужденный за вредительство. Но потом это прошло. Бояршинов оказался честным человеком. Он отказался строить шахту по вредительским планам и не раз выступал против отставания работ и преступной деятельности Строилова. Он разоблачает Строилова.

Эта честная работа Бояршинова озлобила гнездо диверсантов. Они организуют убийство. 15 апреля 1934 г. инженер Бояршинов едет на лошади с вокзала. Его нагоняет грузовая машина и давит насмерть. Опять тот же самый прием, при помощи которого действовала шайка Шестова — Черепухина, которая имела в своих рядах Арнольда и некоторых других лиц, которые были вскрыты, судимы и осуждены. Например Казанцев, который участвовал в этой истории.

Это факт, это не самооговор, это факт: убили Бояршинова. Покушались на убийство аналогичным способом председателя Совета Народных Комиссаров товарища В. М. Молотова.

Вот почему за террористическую деятельность, за подготовку террористических преступлений отвечает этот центр в полной мере и в полном объеме — от Арнольда и до Пятакова, и от Пятакова до Арнольда. Ответственность одинаковая и солидарная.

Преступления, перечисленные нами в обвинительном заключении, я считаю доказанными полностью, преступники изобличены также полностью.

* * *

Наш закон требует производить оценку имеющихся в деле доказательств по внутреннему убеждению суда, на основании рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности.

Статья 320 Уголовно процессуального кодекса РСФСР говорит о необходимости постановки на разрешение суда при вынесении приговора ряда вопросов. Из них я считаю наиболее существенными и важнейшими два первых вопроса: вопрос о том, имело ли место деяние, приписываемое подсудимым, и, во-вторых, содержит ли это деяние в себе состав уголовного преступления. На оба эти вопроса обвинение дает положительный ответ. Да, приписываемые обвиняемым преступления имели место. Приписываемые обвиняемым деяния ими совершены, и эти деяния заключают в себе полный состав уголовного преступления. В этих двух вопросах не может быть никакого сомнения.

Но какие существуют в нашем арсенале доказательства с точки зрения юридических требований?

Надо сказать, что характер настоящего дела таков, что именно этим характером предопределяется и своеобразие возможных по делу доказательств. Мы имеем заговор, мы имеем перед собой группу людей, которая собиралась совершить государственный переворот, которая организовалась и вела в течение ряда лет или осуществляла деятельность, направленную на то, чтобы обеспечить

успех этого заговора, заговора, достаточно разветвленного, заговора, который связал заговорщиков с зарубежными фашистскими силами. Как можно поставить в этих условиях вопрос о доказательствах? Можно поставить вопрос так: заговор, вы говорите, но где же у вас имеются документы? Вы говорите — программа, но где же у вас имеется программа? У этих людей где-нибудь есть писаная программа? Об этом они только говорят.

Вы говорите, что это есть организация, что это есть какая-то банда (а они называют себя партией), но где же у них постановления, где же у них вещественные следы их заговорщической деятельности — устав, протоколы, печати и пр. и т. п.?

Я беру на себя смелость утверждать в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговоре таких требований предъявлять нельзя. Нельзя требовать, чтобы к делам о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с требованием — дайте нам протоколы, постановления, дайте членские книжки, дайте номера ваших членских билетов; нельзя требовать, чтобы заговорщики совершали заговор по удостоверению их преступной деятельности в нотариальном порядке. Ни один здравомыслящий человек не может так ставить вопрос в делах о государственном заговоре. Да, у нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинение на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей и, если хотите, косвенных улик. Я в данном случае должен сослаться хотя бы на такого блестящего процессуалиста, каким является известный старый английский юрист Уильям Уильз, который в своей книге «Опыт теории косвенных улик» говорит, как сильны бывают косвенные улики и как косвенным уликам принадлежит нередко убедительность гораздо большая, чем прямым доказательствам.

Я думаю, что и мои уважаемые противники согласятся со мной с точки зрения позиций, на которых они, как защитники, в этом вопросе стоят. Но у нас есть и объективные доказательства. Я говорил о программе, и я предъявил вашему вниманию, товарищи судьи, «Бюллетень» Троцкого, где напечатана эта самая программа. Но идентификация здесь будет гораздо более легкой, чем та, которую вы провели, устанавливая по фотоснимкам идентичность некоторых лиц из германской разведки.

Мы опираемся на ряд доказательств, которые могут служить в наших руках проверкой обвинительных утверждений, обвинительных тезисов. Во-первых, историческая связь, подтверждающая обвинительные тезисы на основании прошлой деятельности троцкистов. Мы имеем в виду, далее, показания обвиняемых, которые и сами по себе представляют громаднейшее доказательственное значение. В процессе, когда одним из доказательств являлись показания самих обвиняемых, мы не ограничивались тем, что суд заслушивал только объяснения обвиняемых: всеми возможными и доступными средствами мы проверили эти объяснения. Я должен сказать, что это мы здесь делали со всей объективной добросовестностью и со всей возможной тщательностью.

Для того чтобы отличить правду от лжи на суде, достаточно, конечно, судейского опыта, и каждый судья, каждый прокурор и защитник, которые

провели не один десяток процессов, знают, когда обвиняемый говорит правду и когда он уходит от этой правды в каких бы то ни было целях. Но допустим, что показания обвиняемых не могут служить убедительными доказательствами. Тогда надо ответить на несколько вопросов, как требует от нас наука уголовного процесса, Если эти объяснения не соответствуют действительности, тогда это есть то, что называется в науке оговором. А если это оговор, то надо объяснить причины этого оговора. Эти причины могут быть различны. Надо показать, имеются ли налицо эти причины. Это может быть личная выгода, личный расчет, это желание кому-нибудь отомстить и т. д. Вот если с этой точки зрения подойти к делу, которое разрешается здесь, то вы в своей совещательной комнате должны будете также проанализировать эти показания, дать себе отчет в том, насколько убедительны личные признания обвиняемых, вы обязаны будете перед собою поставить вопрос и о мотивах тех или иных показаний подсудимых или свидетелей. Обстоятельства данного дела, проверенные здесь со всей возможной тщательностью, убедительно подтверждают то, что говорили здесь обвиняемые. Нет никаких оснований допускать, что Пятаков не член центра, что Радек не был на дипломатических приемах и не говорил с господином К. или с господином Х., или с каким-нибудь другим господином, — как его там звать, — что он с Бухариным не кормил «яичницей с колбасой» каких-то приехавших неофициально к нему лиц, что Сокольников не разговаривал с каким-то представителем, «визируя мандат Троцкому». Все то, что говорили они об их деятельности, проверено экспертизой, предварительным допросом, признаниями и показаниями, и все это не может подлежать какому бы то ни было сомнению.

Я считаю, что все эти обстоятельства позволяют утверждать, что в нашем настоящем судебном процессе, если есть недостаток, то недостаток не в том, что обвиняемые сказали здесь все, что они сделали, а что обвиняемые все-таки до конца не рассказали всего того, что они сделали, что они совершили против Советского государства.

Но мы имеем, товарищи судьи, такой пример и в прошедших процессах, — и я прошу вас иметь это в виду и при окончательной оценке тех последующих слов, которые пройдут перед вами через несколько часов. Я напому вам о том, как, скажем, по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра некоторые обвиняемые клялись вот здесь, на этих же самых скамьях в своих последних словах, — одни прося, другие не прося пощады, — что они говорят всю правду, что они сказали все, что у них за душой ничего не осталось против рабочего класса, против нашего народа, против нашей страны. А потом, когда стали распутывать все дальше и дальше эти отвратительные клубки чудовищных, совершенных ими преступлений, мы на каждом шагу обнаруживали ложь и обман этих людей, уже одной ногой стоявших в могиле.

Если можно сказать о недостатках данного процесса, то этот недостаток я вижу только в одном: я убежден, что обвиняемые не сказали и половины всей той правды, которая составляет кошмарную повесть их страшных злодеяний против нашей страны, против нашей великой родины!

* * *

Я обвиняю сидящих здесь перед нами людей в том, что в 1933 году по указанию Троцкого был организован под названием «параллельный» центр в составе обвиняемых по настоящему делу Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова, в действительности представлявший собой действующий активный троцкистский центр, что этот центр по поручению Троцкого, через обвиняемых Сокольникова и Радека, вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы с Советским Союзом, причем центр обязался, в случае прихода своего к власти, предоставить этим государствам ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок; что этот центр через своих членов и других членов преступной троцкистской организации занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки важнейшими, секретнейшими, имеющими огромное государственное значение материалами, что в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности нашей страны этот центр и его сообщники организовали и провели ряд диверсионных и вредительских актов, повлекших за собой человеческие жертвы, причинивших значительный ущерб нашему Советскому государству.

В этом я обвиняю членов «параллельного» антисоветского троцкистского центра — Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова,— т. е. в преступлениях, предусмотренных статьями УК РСФСР: 58.1а — измена родине, 58.6 — шпионаж, 58.8 — террор, 58.9 — диверсия, 58.11 — образование тайных преступных организаций. Я обвиняю всех остальных подсудимых: Лившица, Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Князева, Ратайчака, Норкина, Шестова, Строилова, Турока, Граше, Пушина и Арнольда — в том, что они повинны в тех же самых преступлениях как члены этой организации, несущие полную и солидарную ответственность за эти преступления, вне зависимости от индивидуального отличия их преступной деятельности, которая характеризует преступления каждого из них, т. е. в преступлениях, предусмотренных теми же статьями Уголовного кодекса.

Основное обвинение, товарищи судьи, которое в этом процессе предъявляется, — это измена родине. Измена родине карается статьей 58.1а УК РСФСР. Она говорит об измене родине как о действиях, которые совершены в ущерб военной мощи Союза, его государственной независимости, его территориальной неприкосновенности, как шпионаж, выдачу военных и государственных тайн/переход на сторону врага. Все эти элементы, кроме последнего — бегства за границу, — мы имеем здесь налицо. Закон возлагает на совершивших это тяжелое государственное преступление, которое наша великая Сталинская Конституция справедливо называет тягчайшим злодеянием, — тягчайшее наказание. Закон требует при доказанности вины преступников приговорить их к расстрелу, допуская смягчение этого наказания лишь при смягчающих обстоятельствах.

Вы должны будете, товарищи судьи, в совещательной комнате ответить на вопрос, есть ли у этих обвиняемых и у каждого из них в отдельности индивидуальные и конкретные обстоятельства, которые позволили бы вам смягчить угрожающее им по закону наказание? Я считаю, что таких смягчающих обстоятельств нет. Я обвиняю преданных суду по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса в полном объеме.

Я обвиняю не один! Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников, — на костылях, искалеченные, полуживые, а может быть, вовсе без ног, как та стрелочница ст. Чусовская т. Наговицына, которая сегодня обратилась ко мне через «Правду» и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми! Я не один. Я чувствую, что рядом со мной стоят вот здесь погибшие и искалеченные жертвы жутких преступлений, требующие от меня, как от государственного обвинителя, предъявлять обвинение в полном объеме.

Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом со мною, указывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!..

Я обвиняю не один! Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания — расстрела, смерти! (Долго не смолкающие аплодисменты всего зала.)».

* * *

Военная коллегия приговорила: Пятакова Ю. Л., Серебрякова Л. П., Муралова Н. И., Дробниса Я. Н., Лившица Я. А., Богуславского М. С, Князева И. А., Ратайчака С. Л., Норкина Б. О., Шестова А. А., Турока И. Д., Путина Г. Е. и Граше И. И. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу.

Сокольникова Г. Я. и Радека К. Б. как членов антисоветского троцкистского центра, несущих ответственность за его преступную деятельность, но не принимавших непосредственного участия в организации и осуществлении актов диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельности, — к заключению в тюрьме сроком на 10 лет каждого.

Арнольда В. В. — к заключению в тюрьме на 10 лет.

Строилова М. С. — к заключению в тюрьме на 8 лет.

Осужденных к тюремному заключению Сокольникова, Радека, Арнольда и Строилова Военная коллегия постановила лишить политических прав сроком на пять лет каждого.

Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, Военная коллегия постановила конфисковать.

Приговор в отношении осужденных к расстрелу, ввиду отклонения Президиумом ЦИК СССР их ходатайств о помиловании, был 30 января 1937 г. приведен в исполнение.

1.4. ДЕЛО АНТИСОВЕТСКОГО «ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

По заданию разведок, враждебных Союзу ССР иностранных государств обвиняемые по настоящему делу организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленение СССР и отторжение от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Следствием было установлено, что «право-троцкистский блок» объединял в своих рядах подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Средне-Азиатских республик.

Лишенные всякой опоры внутри СССР, участники «право-троцкистского блока» все свои надежды в борьбе против существующего в СССР общественного и государственного социалистического строя и на захват власти возлагали исключительно на вооруженную помощь иностранных агрессоров, обещавших оказать заговорщикам эту помощь на условиях расчленения СССР и отторжения от СССР Украины, Приморья, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении и Азербайджана.

Такое соглашение «право-троцкистского блока» с представителями иностранных государств облегчалось тем, что многие руководящие участники этого заговора, являлись давнишними агентами иностранных разведок, осуществлявшими в течение многих лет шпионскую деятельность в пользу этих разведок.

Это прежде всего относится к одному из вдохновителей заговора — врагу народа Троцкому. Его связь с гестапо была исчерпывающе доказана на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 года и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 года. Троцкий был связан с германской разведкой уже с 1921 года и с английской «Интеллидженс-Сервис» — с 1926 года.

Обвиняемый Крестинский Н. Н. по прямому заданию врага народа Троцкого вступил в изменническую связь с германской разведкой в 1927 году.

Обвиняемый Розенгольц А. П. — один из руководителей троцкистского подполья — начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба в 1923 году, а для английской разведки — в 1926 году.

Обвиняемый Раковский Х. Г. — один из ближайших и особо доверенных людей Л. Троцкого — являлся агентом английской «Интеллидженс-Сервис» с 1924 года и японской разведки с 1934 года.

Обвиняемый Чернов М. А. начал свою шпионскую работу в пользу Германии с 1928 года, связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии небезызвестного эмигранта — меньшевика Дана.

Обвиняемый Шарангович В. Ф. был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году.

Обвиняемый Гринько Г. Ф. стал шпионом германской и польской разведок в 1932 году.

Руководители «право-троцкистского блока», в том числе обвиняемые по настоящему делу Рыков и Бухарин, были полностью осведомлены о шпионских связях своих участников и всячески поощряли расширение этих шпионских связей.

Соглашение «право-троцкистского блока» с иностранными разведками облегчалось также и тем, что некоторые из обвиняемых по настоящему делу заговорщиков являлись провокаторами и агентами царской охраны.

Пробравшись на ответственные посты в Советском государстве, эти провокаторы, однако, не переставали опасаться разоблачения своих преступлений против рабочего класса, против дела социализма. Охваченные

постоянным страхом своего разоблачения, эти участники заговора видели свое единственное спасение в свержении Советской власти, ликвидации советского строя, восстановлении власти помещиков и капиталистов, в интересах которых они продавались царской охранке и при власти которых они только и могли чувствовать себя вне опасности.

Так, обвиняемый Зеленский И. А. являлся агентом самарского жандармского управления с 1911 года. С того времени Зеленский под кличками «Очкастый» и «Салаф» систематически информировал жандармское управление о деятельности самарской организации большевиков, получая за это регулярное ежемесячное денежное вознаграждение.

Обвиняемый Иванов свою провокаторскую деятельность начал с 1911 года, когда был завербован тульской охранкой и стал агентом охраны под кличкой «Самарин».

Обвиняемый Зубарев был завербован царской полицией в 1908 году и сотрудничал в ней под кличкой «Василий», «Палин» и «Прохор».

Как установлено было следствием, для достижения своих преступных целей по свержению Советского правительства, захвату власти и восстановлению капитализма в СССР заговорщики по прямым указаниям иностранных разведок вели широкую шпионскую работу в пользу этих разведок, организовывали и осуществляли вредительские и диверсионные акты в целях обеспечения поражения СССР в предстоящем нападении на СССР фашистских агрессоров, всячески провоцировали ускорение этого нападения фашистских агрессоров, а также организовали и осуществили ряд террористических актов против руководителей партии, правительства и выдающихся советских деятелей.

Большинство главарей «право-троцкистского блока» осуществляло свою преступную деятельность по прямому указанию Троцкого и по планам, широко задуманным и разработанным в генеральных штабах некоторых иностранных государств.

Агент германской разведки — видный троцкист обвиняемый Крестинский — на допросе в Прокуратуре Союза ССР 2 декабря 1937 г. заявил:

«На шпионскую связь с немцами я пошел по прямому заданию Троцкого, который поручил мне начать по этому поводу переговоры с генералом Сектой...»

Другой видный троцкист, один из руководителей антисоветского троцкистского подполья и активный участник заговора, обвиняемый Розенгольц, уличенный в шпионаже, подтвердив на следствии факт соглашения Троцкого с рейхсвером, показал:

«Моя шпионская деятельность началась еще в 1923 году, когда по Директиве Троцкого я передал ряд секретных данных командующему рейхсвером Секту и начальнику немецкого генштаба Хассе. В дальнейшем со мной непосредственно связался... посол в СССР гр-н N, которому я периодически передавал сведения шпионского характера... После отъезда гр-на N я продолжал шпионскую связь с новым послом гр- ном N».

После фашистского переворота в Германии шпионская работа троцкистов приняла еще более широкий и резко выраженный пораженческий характер.

Обвиняемый Бессонов, по его собственному признанию, принимавший активное участие в нелегальных переговорах троцкистов с германскими

фашистскими, преимущественно военными, кругами о совместной борьбе против СССР, не только лично вел переговоры о поддержке антисоветского заговора с ближайшим сотрудником Розенберга по внешнеполитическому отделу фашистской партии Дайцем, но и был в курсе встреч и переговоров Л. Троцкого с Гессом, Нидермайером и проф. Хаусховером, с которыми Л. Троцкий и достиг соглашения на условиях, о которых говорил Пятаков на судебном процессе по делу антисоветского троцкистского центра.

Обвиняемый Крестинский показал, что во время свидания с Л. Троцким в Мерахе, в октябре 1933 года, Троцкий заявил ему о необходимости установления более тесной связи с японской разведкой.

Это указание Троцкого было Крестинским передано Пятакову и другим главарям заговора, которые через обвиняемого Раковского и других участников заговора вошли в изменнические сношения с представителями Японии, обязавшимися оказать заговору вооруженную помощь в свержении советской власти, взамен чего заговорщики обещали отдать Японии советское Приморье.

Обвиняемый Шарангович, агент польской разведки и один из руководителей антисоветской организации белорусских национал-фашистов, признал, что эта организация вела свою подпольную работу не только по указаниям правых и «право-троцкистского блока», но и по директивам польской разведки.

Обвиняемый Рыков полностью подтвердил наличие изменнической связи правых с фашистской Польшей.

Как установлено было следствием, вся преступная деятельность входившей в «право-троцкистский блок» антисоветской группы правых доказывает, что правые были такой же агентурой иностранных генштабов, как и другие участники этого заговора.

Один из правых непосредственно, другие — через своих сообщников были также связаны с разведками иностранных государств, на помощь которых в своей борьбе против советской власти они только и рассчитывали.

Обвиняемый Бухарин был в курсе переговоров Л. Троцкого с немецкими фашистами и так же, как и Л. Троцкий, подготовлял поражение СССР и отторжение от СССР Украины, Белоруссии, Приморья, Грузии, Армении, Азербайджана и Средне-Азиатских республик.

Осуществляя свои преступные замыслы, антисоветские заговорщики, по прямым директивам иностранных фашистских разведок, организовали в отдельных республиках, краях и областях Советского Союза разветвленную сеть диверсионных и вредительских гнезд, охватив ими ряд предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и системы товарооборота.

Заклучив соглашение с фашистскими кругами о предательском открытии армиями этих фашистских государств наших фронтов во время войны, участники право-троцкистского заговора готовили подрыв материально-технической базы Красной Армии — оборонной промышленности.

Рядом подготавливаемых ими разрушительных диверсионных действий заговорщики рассчитывали во время войны взорвать и уничтожить решающие оборонные предприятия нашей социалистической родины. Они подготовляли также проведение крушений железнодорожных воинских поездов с массовыми человеческими жертвами.

Они ставили своей задачей парализовать всю хозяйственную жизнь страны, питание армии и снабжение ее вооружением.

Следствием было установлено, что целый ряд таких диверсионных и вредительских актов заговорщиками был уже проведен в различных отраслях народного хозяйства.

Материалами следствия и личными показаниями обвиняемых Бухарина, Зубарева, Зеленского и других установлено, что они вели активную подготовку повстанческих кадров, пытаясь охватить возможно больше районов Советского Союза, причем в целях максимального расширения повстанческой базы руководители заговора установили контакт и с нелегально действовавшей эсеровской организацией.

Не питая надежд на свержение советского строя методами шпионажа, вредительства, диверсий, кулацких восстаний, право-троцкистские заговорщики, охваченные злобой и ненавистью к СССР, перешли к подготовке и совершению террористических актов против руководителей правительства и ВКП(б).

Следуя принятым в этом отношении решениям, заговорщический блок широко развернул организацию террористических групп и практическую подготовку к совершению террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Следствием установлено, что злодейское убийство С. М. Кирова, осуществленное ленинградским троцкистско-зиновьевским террористическим центром 1 декабря 1934 года, было осуществлено также по решению «право-троцкистского блока», участники которого привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу.

Как установлено предварительным и судебным следствием по настоящему делу, А. М. Горький, В. Р. Менжинский и В. В. Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных по заданию объединенного центра «право-троцкистского блока».

На основе директивы врага народа Л. Троцкого «право-троцкистский блок» принял свое чудовищное решение об убийстве А. М. Горького.

Выполнение этого решения было поручено Ягоде.

В качестве непосредственных исполнителей этого злодейского замысла Ягода привлек доктора Левина Л. Г. — бывшего домашнего врача А. М. Горького, проф. Плетнева Д. Д., секретаря А. М. Горького — П. П. Крючкова и своего секретаря Буланова П. П.

Убийства советских деятелей завершили собой круг тягчайших государственных преступлений, при помощи которых банда презренных отщепенцев нашей родины, провокаторов царской охраны, наймитов иностранных разведок, продавших иностранным капиталистам нашу землю и нашу свободу, стремилась осуществить фашистский план свержения советского строя и восстановления в нашей стране капитализма.

Эти чудовищные преступления не были случайностью ни для троцкистов, ни для правых.

Следствием установлено, что уже в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой

совместно с «левыми» эсерами организовали заговор против В. И. Ленина как главы Советского правительства.

Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и «левых» эсеров.

Дело это слушалось в Москве Военной коллегией Верховного суда Союза ССР в открытом судебном заседании 2—13 марта 1938 г.

Суду Военной коллегии были преданы: 1) Бухарин Н. И., 2) Рыков А. И., 3) Ягода Г. Г., 4) Крестинский Н. Н., 5) Раковский Х. Г., 6) Розенгольц А. П., 7) Иванов В. И., 8) Чернов М. А., 9) Гринько Г. Ф. 10) Зеленский И. А., 11) Бессонов С. А., 12) Икрамов Акмаль, 13) Ходжаев Файзула, 14) Шарангович В. Ф., 15) Зубарев П. Т., 16) Буланов П. П., 17) Левин Л. Г., 18) Плетнев Д. Д., 19) Казаков И. Н., 20) Максимов-Диковский В. А., 21) Крючков П. П. — по ст. 58.1а, 58.2, 58.7, 58.8, 58.9 и 58.11 Уголовного кодекса РСФСР, а обвиняемые Иванов, Зеленский и Зубарев, кроме того, по ст. 58.13 Уголовного кодекса РСФСР.

На суде были допрошены в качестве свидетелей бывшие руководители группы так называемых «левых коммунистов»: Яковлева В. Н., Осинский В. В., Манцев В. Н., а также бывшие члены ЦК партии «левых» эсеров — Камков Б. Д. и Карелин В. А., полностью подтвердившие факты преступной деятельности обвиняемого Бухарина в 1918 году. Суд заслушал также заключение медицинской экспертизы по вопросу об умерщвлении А. М. Горького, В. В. Куйбышева и В. Р. Менжинского, а также М. А. Пешкова. Экспертизу давали заслуженный деятель науки проф. Д. А. Бурмин, заслуженный деятель науки проф. П. А. Шерешевский, проф. Д. М. Российский, проф. В. Н. Виноградов и доктор медицинских наук В. Д. Зипалов.

Все обвиняемые, кроме Левина, Плетнева и Казакова, от защиты отказались.

Защитником обвиняемых Плетнева и Казакова выступил член Московской коллегии защитников Н. В. Коммодов и защитником обвиняемого Левина — член Московской коллегии защитников И. Д. Брауде.

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ А.Я. ВЫШИНСКОГО

«Товарищи судьи, члены Военной коллегии Верховного суда Союза ССР!

Приступая к своей обвинительной речи по настоящему делу, представляющему собой исключительное явление, имеющему чрезвычайное общественно-политическое значение, я хотел бы раньше всего остановить ваше внимание на некоторых отличительных чертах этого дела, на некоторых выдающихся его особенностях.

Не в первый раз Верховный суд нашей страны рассматривает дело о тягчайших преступлениях, направленных против блага нашей родины, против нашего социалистического отечества — отечества трудящихся всего мира. Но едва ли я ошибусь, сказав, что впервые нашему суду приходится рассматривать такое дело, как это, рассматривать дело о таких преступлениях и таких злодействах, как те, что прошли перед вашими глазами, что прошли перед

глазами всего мира на этом суде, о таких преступниках, как эти преступники, сидящие сейчас перед нами на скамье подсудимых.

С каждым днем и с каждым часом развертывавшееся судебное следствие по настоящему делу показывало все больше и больше, все страшнее и страшнее цепь позорных, небывалых, чудовищных преступлений, совершенных подсудимыми, всю отвратительную цепь злодеяний, перед которыми меркнут и тускнеют злодеяния самых закоренелых, самых гнусных, самых разнузданных и подлых преступников.

В самом деле, какой судебный процесс из всех тех, которых, в силу условий классовой борьбы и ожесточенного сопротивления делу социализма со стороны наших врагов, прошло у нас за последнее время немало, может сравниться с нынешним процессом по чудовищности, наглости и цинизму преступлений, совершенных этими господами!

В каком другом процессе удалось вскрыть и обнаружить с такой силой и глубиной подлинную природу этих преступлений, с такой силой сорвать с лица негодяев их коварные маски и показать всему нашему народу и всем честным людям всего мира звериное лицо международных разбойников, искусно и умело направляющих руку злодеев против нашего мирного социалистического труда, воздвигнувшего новое, счастливое и радостно-цветущее социалистическое общество рабочих и крестьян!

Уже это одно обстоятельство говорит достаточно ясно о громадном общественно-политическом значении этого процесса, о том, что данный процесс представляет собой выдающееся явление, что данный процесс имеет значение историческое.

В чем заключается историческое значение данного процесса? В чем заключаются некоторые его особенности?

Историческое значение этого процесса заключается раньше всего в том, что на этом процессе с исключительной тщательностью и точностью показано, доказано, установлено, что правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и так далее и тому подобное являются не чем иным, как беспринципной, безидейной бандой убийц, шпионов, диверсантов и вредителей.

Ровно год назад товарищ Сталин, анализируя недостатки нашей работы и указывая меры ликвидации троцкистских и иных двурушников, говорил:

«Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безидейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений».

Прошел год. На примере настоящего процесса мы видим, как глубоко прав был товарищ Сталин в своей оценке троцкистов и бухаринцев.

Троцкисты и бухаринцы, то есть «право-троцкистский блок», верхушка которого сидит сейчас на скамье подсудимых, это — не политическая партия, не политическое течение, это банда уголовных преступников и не просто уголовных преступников а преступников, продавшихся вражеским разведкам,

преступников, которых даже уголовники третируют, как самых падших, самых последних, презренных, самых растленных из растленных.

Так называемый «право-троцкистский блок» — это организация шпионажа, диверсий, вредительства, политических убийств и распродажи своей родины врагам.

У блока нет ничего идейного, ничего, так сказать, «духовного», ничего идеологического. Что когда-то в какой-то мере у некоторых из участников этого блока было, то давным-давно растеряно, утрачено, давным-давно исчезло, истлело в смрадном, отвратительном шпионском подполье.

Правда, некоторые из подсудимых, особенно подсудимый Бухарин, делали на этом процессе не раз попытки сохранить, как говорят французы, хорошую мину при плохой игре, принять вид «идейных» людей, прикрыть свою бандитско-уголовную деятельность всякого рода «философскими», «идеологическими» и тому подобными разговорами.

Бухарин пытался здесь весь кошмар своих гнусных преступлений свести к каким-то «идейным установкам», о которых он пробовал говорить длинные и напыщенные речи. Бухарин говорил здесь о разделении труда в этой шпионско-вредительской организации, о каких-то «программных пунктах», о какой-то «идейной ориентации», хотя — добавлял он — идейной ориентации на кулачество.

Свою собственную роль в этой банде Бухарин пробовал изобразить как роль «теоретика». На четвертый день процесса, когда уже были полностью разоблачены уголовно-шпионские преступления этого так называемого блока, он не постеснялся заявить буквально следующее:

«Я главным образом занимался проблематикой общего руководства и идеологической стороной, что, конечно, не исключало ни моей осведомленности относительно практической стороны дела, ни принятия целого ряда с моей стороны практических шагов».

Извольте оценить роль этого господинчика, занимающегося якобы не руководством всевозможных и притом самых чудовищных преступлений, а «проблематикой» этих преступлений, не организацией этих преступлений, а «идеологической стороной» этого черного дела. Оцените роль этого господинчика, который ведет самую оголтелую вредительско-подрывную работу, используя, по собственному признанию, все трудности советской власти, который готовит и кует черную измену родине, готовит поражение своей страны в войне с фашистскими врагами и думает прикрыть свою измену развязной и циничной болтовней об использовании войны, которая «прогностически стояла в перспективе». Оцените роль этого господинчика, болтающего о том, что обер-бандит и англо-германский шпион Троцкий уже в 1932 году сбросил свой, как сказал здесь Бухарин, «левацкий мундир» и что он, Бухарин, вместе с Рыковым и Томским вооружил эту банду преступников своей идеологией».

Схваченный за руку, пойманный с поличным, Бухарин призывает в свидетели самого Гегеля, бросается в дебри лингвистики, филологии и риторики, бормочет какие-то ученые слова, лишь бы как-нибудь замести следы. Но он не выдерживает и свой учено-бредовый лепет заканчивает признанием:

«Мы все превратились в ожесточенных контрреволюционеров, в изменников социалистической родины, мы превратились в шпионов, террористов,

реставраторов капитализма. Мы пошли на предательство, преступление, измену. Мы превратились в повстанческий отряд, организовали террористические группы, занимались вредительством, хотели опрокинуть советскую власть пролетариата».

Бухарину к этому надо было добавить: «Мы превратились в полицейское отделение японо-германской разведки, мы превратились в бесстыдных торговцев родиной».

Блок — это агентура иностранных разведок. Члены блока и его руководители вроде Троцкого, который не сидит здесь на скамье подсудимых, Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Розенгольца и рядовые его члены вроде Зубарева, Максимова-Диковского и других — это рабы этих разведок, это невольники своих хозяев.

Какая же здесь может быть идеология, какая «проблематика» или «прогностика», теория или философия?

Философия, за дымовой завесой которой пытался здесь укрыться Бухарин, — это лишь маска для прикрытия шпионажа, измены.

Литературно-философские упражнения Бухарина — это ширма, за которой Бухарин пытается укрыться от своего окончательного разоблачения.

Философия и шпионаж, философия и вредительство, философия и диверсия, философия и убийства — как гений и злодейство — две вещи не совместимые!

Я не знаю других примеров, — это первый в истории пример того, как шпион и убийца орудует философией, как толченым стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как разmozжить ей голову разбойничьим кистенем!

* * *

Историческое значение этого процесса заключается в первую очередь в том, что он до конца разоблачил бандитскую природу «право-троцкистского блока», его идейную выхолощенность, разоблачил, что блок — все эти правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и т. д. и т. п. — все это наемная агентура фашистских разведок.

«Право-троцкистский блок» — это не политическая группировка, это банда разведчиков, агентов иностранных разведок.

Это доказано полностью и неопровержимо. В этом громадное общественно-политическое и историческое значение данного процесса.

«Право-троцкистский блок», сидящий сейчас на скамье подсудимых, — как это со всей очевидностью показало судебное следствие, — это лишь передовой отряд международного фашизма, это свора палачей и подпольных убийц, при помощи которых орудует фашизм в разных странах, в первую очередь в Испании и Китае.

Вот почему разоблачение «право-троцкистского блока» как шпионской банды имеет огромное значение не только для нашей социалистической революции, оно имеет громадное значение для всего международного пролетариата. Оно имеет громадное значение для дела мира во всем мире. Оно имеет громадное значение для всей человеческой культуры, для борьбы за подлинную демократию и свободу народов, для борьбы со всеми и всякими поджигателями войны, со всеми международными провокациями и провокаторами.

Вот почему за ходом этого процесса с трепетным вниманием следят трудящиеся массы всех стран мира, особенно же тех стран, где народ ведет героическую борьбу за свою свободу против фашистского ига.

Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы, Икрамовы, Ходжаевы и Шаранговичи под руководством Троцкого, под руководством германской, японской, польской и других разведок делают свое черное дело по приказу своих хозяев не только в нашей стране, но и в Испании, и в Китае, всюду, где идет классовая борьба трудящихся, где идет борьба честных людей за подлинную свободу, за подлинную демократию, за подлинную человеческую культуру.

Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы, Икрамовы, Шаранговичи, Ходжаевы и другие — это та же пятая колонна, это тот же ПОУМ, это тот же Ку-клуксклан. Это один из отрядов фашистских провокаторов и подигателей войны, действующих на международной арене.

Разгром этого отряда — великая услуга делу мира, делу демократии, делу подлинной человеческой культуры.

Исключительное значение настоящего процесса, однако, не ограничивается сказанным.

Здесь, на скамье подсудимых, сидит не одна какая-либо антисоветская группа, агентура не одной какой-либо иностранной разведки. Здесь, на скамье подсудимых, сидит целый ряд антисоветских групп, представляющих собой агентуру разведок целого ряда враждебных СССР иностранных государств.

В этом «деле» завязли остатки всех антисоветских сил, групп и организаций, завязли, по крайней мере, как это с точностью установлено судебным следствием, четыре иностранных разведки: японская, германская, польская и английская и, разумеется, все другие иностранные разведки, которые поддерживают с указанными разведками дружественный, так называемый, оперативный контакт.

В самом деле, если говорить о Троцком, то его связь с гестапо была исчерпывающе доказана уже на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 года и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 года. Теперь же доказано, что его связи с немецкой политической полицией и разведками других стран относятся к значительно более раннему периоду времени, что Троцкий был связан с германской разведкой уже с 1921 года. Об этом совершенно точно показал Крестинский на настоящем судебном процессе. Теперь доказано, что Троцкий был связан с английской разведкой «Интеллидженс-Сервис» с 1926 года. Об этом точно показал — и это доказано — обвиняемый Раковский. Весь блок во главе с Троцким целиком состоял из одних иностранных шпионов и царских охранников.

Бухарин и Рыков через своих сообщников были связаны с рядом иностранных разведок, которые они систематически обслуживали.

Ягода, как мухам, был облеплен германскими, японскими и польскими шпионами, которых он не только прикрывал, как это он сам здесь признал, но через которых он вел шпионскую работу, передавая разведкам секретные государственные материалы, продавая и предавая нашу страну этим иностранным разведкам.

Крестинский, по собственному признанию, — германский шпион с 1921 года.

Розенгольц — один из руководителей троцкистского подполья, как установлено, начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба, как он сам признал, в 1923 году, а для английской разведки, как он сам тоже признался в этом преступлении, — в 1926 году.

Раковский — один из ближайших и особо доверенных людей Троцкого, по его собственным показаниям, являлся агентом английской разведки «Интеллидженс-Сервис» с 1923 года и агентом японской разведки с 1934 года.

Чернов — начал свою шпионскую работу в пользу Германии, по его собственному показанию, в 1928 году, связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии небезызвестного эмигранта — меньшевика Дана.

Шарангович был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году.

Гринько, по его собственным словам, стал шпионом германской и польской разведок в 1932 году, а до этого поддерживал шпионскую связь с этими разведками, особенно с польской разведкой.

Икрамов и Ходжаев через своих курбаши «работают» под руководством Бухарина над организацией связи с резидентами английской разведки, над укреплением которой немало поработал на средне-азиатских границах СССР небезызвестный разведчик и авантюрист Лоуренс.

Потом идут провокаторы и агенты царской охраны — Зеленский, Зубарев, Иванов. Иванов к тому же еще и английский шпион.

Прибавьте к этой компании группу отравителей-убийц Левина, Плетнева, Казакова, Крючкова, Максимова-Диковского и других, связанных с ними, и тогда морально-политический облик этого блока и каждого из его участников станет ясным до предела.

Вот почему мы можем сказать — вот зловонная куча человеческих отбросов, не останавливающихся ни перед чем, не брезгавших ничем, готовых на все — на взрывы заводов и железнодорожных поездов, на истребление скота, на порчу хлеба, на убийство, шпионаж и измену.

Именно все эти качества, уголовно-политические и моральные, и сделали правых и троцкистов таким ценным материалом для провокации, для разжигания войны, для подлейших выступлений фашизма. Никто не умеет так маскироваться, как они. Никто не овладел в такой мере мастерством цинического двурушничества, как они.

* * *

Перед всем миром разоблачается теперь презренная, предательская, бандитская деятельность Бухариных, Ягод, Крестинских, Рыковых и прочих право-троцкистов. Они продавали родину, торговали военными тайнами ее обороны, они были шпионами, диверсантами, вредителями, убийцами, ворами, — и все для того, чтобы помочь фашистским правительствам свергнуть Советское правительство, свергнуть власть рабочих и крестьян, восстановить власть капиталистов и помещиков, расчленив страну советского народа, отторгнуть национальные республики и превратить их в колонии империалистов.

Таков был приказ их хозяев, и они выполняли этот приказ как могли, стараясь изо всех сил.

Они старались из всех сил поджечь наш родной дом с четырех концов, торопились открыть ворота врагу, чтобы дорваться до власти, хотя бы ценой иудинной измены, чтобы уничтожить плоды героического труда нашего народа, построившего новое, социалистическое общество, чтобы вернуть власть помещиков и капиталистов, на которых эти предатели работали не покладая рук.

Таковы эти люди, таковы их планы и расчеты, таковы их позорные и чудовищные преступления.

Подсудимый Бухарин хвастливо говорил здесь, что это они, правые, капиталистические подпевалы, вооружили троцкизм «духовным» оружием теории реставрации капитализма.

О какой «теории» говорит Бухарин, этот прожженный политический плут и один из крупнейших организаторов иностранного шпионажа против СССР?

Как черт от лаdana, Бухарин бежит от признания своей вины. Бухарин отрицает здесь свою вину.

Но что стоит его отрицание этого преступления в свете признания им своей вины в других тягчайших преступлениях, органически связанных с этим преступлением?

Что стоит это отрицание в свете имеющихся у нас против Бухарина доказательств?

Напомню лишь, что в утреннем заседании 7 марта Бухарин и Рыков были полностью уличены в шпионских связях и в шпионской работе в пользу германской и польской разведок. Я напомню кратко диалог с Рыковым на утреннем заседании 7 марта.

На следствии Рыков сказал, что:

«Червяков развернул в Белоруссии чрезвычайно активную деятельность. В своих взаимоотношениях с поляками он и связанные с ним по нелегальной деятельности сделали все практические выводы из этой нашей директивы».

Рыков это подтвердил и на суде. Его спрашивал на суде государственный обвинитель:

«Следовательно, Червяков и люди, связанные с вами, имели систематическую связь с поляками?»

Рыков. Да.

Вопрос. Какая это связь?

Рыков. Там была и шпионская связь.

Вопрос. Шпионская связь в части вашей организации имела с поляками по вашей директиве?

Рыков. Конечно.

Вопрос. В том числе и Бухарина?

Рыков. Конечно.

Вопрос. Вы и Бухарин были связаны?

Рыков. Безусловно.

Вопрос. Значит, вы были шпионами?

Рыков. (молчит).

Вопрос. И организаторами шпионажа?

Рыков. Я ничем не лучше шпиона.

Вопрос. Вы были организаторами шпионажа, были шпионами?

Рыков. Можно сказать — да».

А Бухарин, при этих условиях, говорит о какой-то «теории», пытаюсь «теоретически» объяснить ход вещей, приведших правых в стан заклятых врагов Советской власти и советского народа...

Эти объяснения незачем искать в бухаринской «теории». Их надо искать в бухаринских преступлениях, хотя и прикрывавшихся чем-то вроде «теории».

Именно они, эти преступления, объясняют действительный ход вещей, действительную логику событий и борьбы, поставивших лицом к лицу два мира, два блока — блок изменников, наймитов иностранного, капитала, разоблаченный и раздавленный сейчас гневом и мощью великой Советской страны, блок предателей, покрытых вечным презрением, позором и проклятием миллионных масс трудящегося народа всего мира, — и блок советских патриотов, великих и непобедимых в любви к своей родине, выдержавших не одну историческую битву с врагами, готовых под руководством коммунистической партии и великого Сталина дать сокрушительный отпор любому врагу в любых условиях, в любое время, откуда бы он ни появился, несмотря ни на какую измену, ни на какое предательство.

* * *

Значение настоящего судебного процесса определяется, разумеется, и теми уроками, которые неизбежно необходимо извлечь всем нам, патриотам советской земли, из этого процесса.

Наша родина наслаждается счастьем социалистической победы, счастьем и радостью освобожденного от капиталистического ига труда.

Двадцать лет стоит, как несокрушимый утес, Советское государство — социалистическое государство рабочих и крестьян.

Двадцать лет в великой стране победившего социализма идет героическая работа по организации нового общественного и государственного строя, свободного от эксплуатации, от нищеты и страданий миллионных народных масс, поработанных игом капитализма почти во всех остальных странах мира.

Двадцать лет упорно и настойчиво идет дружная работа многочисленных народов, объединившихся в братский Союз Советских Социалистических Республик, построенный гением вождей социалистической революции — Ленина и Сталина.

За эти двадцать лет, когда-то бедная и слабая страна превратилась в страну богатую, могучую, в страну мощную и непобедимую. За эти двадцать лет Российское государство превратилось в государство социалистическое.

На Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, принявшем великую Сталинскую Конституцию, товарищ Сталин говорил:

«Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм. Основным принципом этой фазы коммунизма является, как известно, формула: «от каждого — по его способностям, каждому — по его труду».

За эти двадцать лет под руководством партии Ленина-Сталина в нашей стране окончательно уничтожена эксплуатация человека человеком, окончательно утверждена общественная, социалистическая собственность, как незыблемая основа нашего советского общества.

За эти двадцать лет в корне изменился весь облик нашей страны, превратившейся в богатейшую и могущественнейшую пролетарскую державу.

«В результате всех этих изменений в области народного хозяйства СССР, — говорит товарищ Сталин, — мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурного жизни».

Социализм вошел в быт нашего народа, социализм победил в нашей стране. И нет силы в мире, которая могла бы ослабить значение или величие этой социалистической победы. И это, несмотря на все трудности, стоявшие и еще стоящие на нашем пути. И это, несмотря на все усилия враждебных нам иностранных государств и отживших и умирающих остатков эксплуататорских классов в нашей стране задержать прогрессивное развитие нашего общества, помешать нашим социалистическим успехам, сорвать нашу мирную творческую работу по построению в СССР социализма.

Можно без всякого преувеличения сказать, что за истекшие 20 лет советской истории наше государство и наш народ не знали ни одного года, ни одного месяца и дня, когда бы не нападали на нас враги, — злобные, коварные, жестокие, мстящие за свои поражения, понесенные ими от руки наших рабочих и крестьян, мстящие за «утерянный рай» своего экономического и политического господства.

От первых дней великого Октября до блистательных дней величайшей из исторических эпох — эпохи Сталинской Конституции — молодая Республика Советов не выходит из огня классового нападения эксплуататоров и их бесчисленной агентуры — троцкистов, меньшевиков, эсеров, бухаринцев, зиновьевцев, муссаватистов, дашнаков, грузинских, узбекских и других националистов, черносотенцев, белогвардейцев, кадетов, попов, кулаков и т. д. и т. п.

Этот процесс еще раз нам напомнил, и притом напомнил с небывалой силой и остротой, что два мира стоят, как непримиримые и смертельные враги друг перед другом — мир капитализма и мир социализма.

Логика классовых противоречий и классовой борьбы толкает остатки эксплуататорских классов внутри СССР и эксплуататорские классы за пределами СССР на все более и более ожесточенные нападения на государство трудящихся, прокладываящее широкую дорогу для лучшей, для новой жизни трудящимся и угнетенным народам всего мира.

На опасность для дела социализма в СССР капиталистического окружения не раз обращали наше внимание наши учителя Ленин и Сталин.

На VIII съезде РКП (б) в марте 1919 года Ленин говорил:

«Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных

столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен». «Надо помнить, — учил Ленин, — что от всякого нашествия мы всегда на волоске».

Товарищ Сталин на днях еще раз напомнил нам о капиталистическом окружении.

«В самом деле, — писал товарищ Сталин в своем историческом ответе тов. Иванову, — было бы смешно и глупо закрывать глаза на факт капиталистического окружения и думать, что наши внешние враги, например, фашисты не попытаются при случае произвести на СССР военное нападение. Так могут думать только слепые бахвалы или скрытые враги, желающие усыпить народ. Не менее смешно было бы отрицать, что в случае малейшего успеха военной интервенции интервент попытаются разрушить в занятых ими районах советский строй и восстановить буржуазный строй. Разве Деникин или Колчак не восстанавливали в занятых ими районах буржуазный строй? Чем фашисты лучше Деникина или Колчака? Отрицать опасность военной интервенции и попыток реставрации при существовании капиталистического окружения могут только головотяпы или скрытые враги, желающие прикрыть бахвальством свою враждебность и старающиеся демобилизовать народ».

На успех интервенции в течение ряда лет надеялись наши враги, организуя и воодушевляя на борьбу с Советской властью различные антисоветские группы внутри СССР, рассчитывая при помощи этих групп осуществить свой разбойничий замысел.

Вся история буржуазной контрреволюции в СССР связана с активными попытками наиболее реакционных кругов международной буржуазии свергнуть власть Советов. Ни один сколько-нибудь серьезный заговор против Советской власти в СССР не обошелся без прямого и самого активного участия в нем иностранных капиталистов и военщины.

* * *

В 1921 году Ленин нас предупреждал: «Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и буржуазию».

Товарищ Сталин неустанно напоминает нам об опасности капиталистического окружения, доказывает, что «сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения».

Разве не об этом говорит известное шахтинское дело, где главная дирижерская роль принадлежала польско-французско-немецким капиталистам, объединившимся с вредителями в борьбе против СССР?

Разве польский фабрикант Дворжанчик, французские акционеры Сансе, Ремо и Буроз, германская АЕГ и поддерживающая и первых, и вторых, и третьих военщина ряда капиталистических стран, — разве все они не были вдохновителями шахтинского заговора, собиравшегося вкуче с иностранными генштабами залить кровью нашу землю в 1928 году?

Разве не об этом же говорит известное дело «Промпартии», где, наряду с Рамзиным и Чарновским, первую скрипку играли белоэмигранты Рябушинский

и генерал Лукомский, английский разведчик — полковник Лоуренс и французский генерал Жуанвиль, известный участник северной интервенции в 1919 году и военный атташе при Колчаке?

Известно, что и шахтинцы и промпартийцы не только занимались вредительством и готовили на случай войны диверсионные акты, но систематически вели шпионскую работу, причем, как это выяснилось по делу «Промпартии», для ведения этой шпионской работы Рамзин организовал даже особую комиссию под председательством вредителя профессора Осадчего, бывшего в то время заместителем председателя Госплана. В программе «Промпартии» заострялось внимание на диверсиях в Москве, Ленинграде, Донбассе, на Урале путем взрывов мостов, порчи ж.-д. путей, взрывов электростанций, остановки заводов и фабрик.

Разве не о дьявольской работе иностранных разведок в нашей стране говорит и дело английских инженеров Торнтона, Макдональда и других, разоблаченных в 1933 году агентов «Интеллидженс Сервис», организаторов вредительства и диверсий на некоторых наших электростанциях, людей, подготавливавших опорные пункты для предстоящей интервенции?

Разве не о том же, наконец, говорят последние судебные процессы 1936—1937 годов, разоблачившие чудовищные преступления шпионско-террористических банд троцкистов, зиновьевцев и других антисоветских элементов, ставших на службу иностранным полицейским охранкам, превратившихся в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру этих охранок? Да, да, об этом с полной убедительностью говорят, кричат кошмарные преступления этих бандитских шайк, уничтоженных по Приговорам нашего советского суда.

Процесс Зиновьева — Каменева, процесс Пятакова — Радека, процесс группы военных изменников — Тухачевского, Якира и других доказали, что враги не думают потихоньку «вползать в социализм», как это, для прикрытия своей гнусной, предательской работы, проповедовали обвиняемые Бухарин, Рыков и иже с ними, что враги хватаются за самые крайние, за самые жестокие средства борьбы.

Это же полностью показал и настоящий судебный процесс, главными «героями» которого являются организаторы и вдохновители «право-троцкистского блока», изобличенные как закоренелые враги социализма, нашей родины, нашего народа.

Вот почему значение настоящего процесса далеко выходит за обычные, так сказать, криминальные рамки и приобретает поистине огромное историческое значение.

Этот процесс подводит итог борьбы против партии Ленина — Сталина и Советского государства людей, которые, как это с исключительной яркостью и убедительностью доказало судебное следствие, всю свою жизнь ходили под маской, которые начали эту борьбу задолго до нынешнего времени, которые, под прикрытием громких провокаторских фраз, служили не революции и пролетариату, а контрреволюции и буржуазии, которые обманывали партию, Советскую власть, чтобы удобнее делать свое черное дело измены, чтобы дольше оставаться неразоблаченными.

Презренные преступники путем обмана, лицемерия и двурушничества сумели отсрочить до последнего времени час своего разоблачения. Но час этот настал, и преступники разоблачены, разоблачены полностью и до конца.

В свете фактов, установленных на этом процессе, становится ясной и понятной вся преступная деятельность троцкистов и бухаринцев, скрывавших под искусной личиной свое настоящее лицо заклятых врагов советского народа...

Маска сорвана. Их настоящее лицо, их действительный облик ясен теперь каждому. Каждому ясны и их позорные дела, как ясен их жалкий, позорный удел.

* * *

Судебные процессы по делу Зиновьева — Каменева и Пятакова — Радека завершили разоблачение троцкистско-зиновьевского отребья как оголтелой и беспринципной банды вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств.

Судебный процесс 1937 года, где на скамье подсудимых сидели троцкистские атаманы Пятаков, Радек, Сокольников и другие, разоблачил политическую платформу троцкистов, несмотря на то, что они упорно прятали эту платформу от народа.

Да и как было им не прятать этой своей платформы, сотканной из предательства, измены и коварства, подчиненной одной задаче — обеспечить свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР.

Настоящий процесс показал, что эта, с позволения сказать, «программа» была списана троцкистами у правых, о чем не без бахвальства заявил на суде обвиняемый Бухарин.

Нынешний процесс полностью и до конца разоблачил теперь как фашистскую агентуру не только троцкистов, но и бухаринцев, в течение длительного времени искусно маскировавшихся, искусно избегавших своего разоблачения как убийц, шпионов и провокаторов.

Теперь ясно всем и каждому, что собой представляют правые, которые давно уже, как и троцкисты, перестали быть политическим течением и превратились в такую же, как и троцкизм, оголтелую и беспардонную банду уголовных преступников.

Теперь окончательно выяснился весь процесс этого их превращения в контрреволюционную шайку, превращения, наметившегося уже давно и неоднократно разоблаченного нашей партией и лично товарищем Сталиным.

Мы еще специально остановимся на преступлениях обвиняемого Бухарина в 1918 году; сейчас напомним о них лишь для того, чтобы в свете этих преступлений лучше и отчетливее представить себе путь этого превращения.

В самом деле, начавши в 1918 году с заговора против Ленина как главы Советского государства, подняв в 1918 году свою преступную руку на Ленина, разве мог кончить Бухарин иначе, чем кончил сейчас, — этой позорной скамьей подсудимых, ждущий сурового, но справедливого суда советского народа, с проклятием произносящего сейчас это ненавистное имя!

Начавши со знахарской «теории» о мирном вращении кулаков в социализм, ведя все эти последние десять лет подпольную борьбу с партией и советским

народом, мог ли иначе кончить свою политическую карьеру Бухарин, чем он ее кончает, кривляясь и фиглярничая даже сейчас на пороге своего, быть может, последнего, смертного часа!

К шпионскому блоку с троцкистами Бухарин, Рыков, Ягода и другие правые пришли не случайно. В том, что такой блок сложился и, наконец, в 1932 году окончательно оформился, нет ничего неожиданного — к этому шло все развитие отношений между правыми и троцкистами, представляющими, по сути дела, разновидность одного и того же явления.

На XVI съезде партии в 1930 году товарищ Сталин, разоблачая двойственность троцкизма, указывал, что этой двойственностью «объясняется тот факт что свои «бешеные», будто бы, атаки против правых уклонистов троцкизм (это капитулянтство под маской. — *А. В.*) обычно увенчивает блоком с ними, как с капитулянтами без маски».

Троцкисты и правые — это капитулянты. Одни — капитулянты под маской истеричных провокационных, «революционных» фраз, другие — капитулянты без маски.

На XVII партконференции в докладе о второй пятилетке товарищ Молотов показал полное родство душ правых и троцкистов. Троцкисты выступают против первой пятилетки с клеветническими контртезисами Им поддакивают правые, противопоставляя сталинской пятилетке рыковскую двухлетку.

Троцкисты клеветуют о росте кулацких элементов и о зависимости от них государственного хозяйства в СССР. Правые изо дня в день пишат, что «основным источником хлеба будут еще долгое время индивидуальные хозяйства крестьян (т. е. кулацкие хозяйства. — *А. В.*), а потому потише с наступлением на кулака».

Троцкисты клеветнически шипят о «термидоре», т. е. о крахе нашей революции. Правые пишат, вторя им, что наши заводы и фабрики в скором времени могут достаться белогвардейцам. Правые иногда, правда, дрались с троцкистами, но, как это показал уже товарищ Сталин, это были «петушиные бои», которые «правые уклонисты обычно увенчивают закулисными переговорами с троцкистами насчет блока с ними».

И так из года в год, на всем протяжении нашей революции, за все время существования Советского государства.

Чем объясняется эта родственность позиций троцкистов и правых, их постоянное тяготение друг к другу, постоянное искание блоков, наконец, наличие этих блоков на различных этапах их борьбы против партии, Советского государства и социалистического строительства?

Это, разумеется, объясняется прежде всего общностью социальной базы троцкистов и правых. Это объясняется тем, что и троцкисты и правые отражают давление капиталистических элементов, сопротивляющихся успехам социализма, не собирающихся мирно и тихо уходить с исторической сцены.

Это объясняется, как мы знаем теперь, тем, что и те и другие действовали по приказу одних и тех же хозяев, сидящих в генштабах и разведках враждебных к СССР иностранных государств.

Троцкисты и бухаринцы уже много лет назад очутились в лагере контрреволюции. Троцкизм и правые превратились уже много лет тому назад в оруженосцев буржуазной контрреволюции. Троцкисты и правые снабжают уже

в течение многих лет контрреволюционную буржуазию оружием для борьбы с Советским государством. Троцкисты и правые делают одно и то же черное дело измены.

Вот факты, приобретающие сейчас новый смысл в свете тех обстоятельств, которые теперь полностью и с абсолютной достоверностью установлены на судебном следствии по настоящему делу.

Факты устанавливают с полной бесспорностью как неизбежность и естественность блока, заключенного правыми и троцкистами, так и превращение этого блока в агентуру иностранных фашистских разведок.

* * *

Как боролись троцкисты и зиновьевцы против Ленина, против социализма, против героических усилий пролетарской революции построить в СССР новое, социалистическое общество, — показали с исчерпывающей полнотой два предыдущих судебных процесса на примере Пятакова, Зиновьева, Каменева, Радека, Смирнова и других.

Я хотел бы сейчас напомнить некоторые факты, характеризующие с этой точки зрения позицию и поведение некоторых героев настоящего процесса и, в первую очередь, подсудимых Бухарина и Рыкова.

Бухарин любит, как я уже сказал, изображать из себя «теоретика», да еще марксиста, да еще самого что ни на есть ортодоксального. А как дело обстоит в действительности, это видно» из краткой исторической справки об антипартийных выступлениях Бухарина, начиная с 1909 года по 1936 год включительно.

Несколько кратких справок:

1909 год — Бухарин примыкает к отзовизму.

1914—1917 годы (период империалистической войны)— Бухарин— «левый коммунист», отрицает программу- минимум, ведет борьбу против Ленина.

1914 год — он носится с планом издания собственной газеты, противопоставляя ее большевистской печати, ленинской печати.

Весна 1915 года — Бухарин троцкист. На Бернской конференции он выступает против лозунга гражданской войны, за единство с троцкистско-меньшевистским «Нашим словом». Ленин пишет статью «О национальной гордости великороссов», Бухарин трактует это как проявление социал-патриотизма.

Осенью 1915 года— Бухарин выступает с тезисами, отвергающими право наций на самоопределение.

Февраль 1916 года — Бухарин солидаризируется с полуанархической программой голландских левых социал-демократов.

В 1916 году Бухарин выступает в журнале «Интернационал молодежи» с анархистскими, антиленинскими взглядами по вопросу о государстве, против диктатуры пролетариата.

В статье «Мировое хозяйство и империализм» (1915 г.) Бухарин открыто защищает троцкистский тезис о том, что разрозненные выступления пролетариата отдельных стран победить не могут. Иначе говоря, Бухарин откладывал социализм, как говорил Ленин в статье «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», разоблачавшей П. Киевского

(Пятакова), «до греческих календ, т. е. до «никогда». Владимир Ильич писал о нем в 1916 году, что он — Бухарин «(1) доверчив, к сплетням и (2) в политике дьявольски неустойчив».

«Война, — писал Ленин, — толкнула его к идеям полуанархическим. На совещании, вынесшем бернские резолюции (весна 1915 г.), он дал тезисы... — верх нелепости; срам; полуанархизм».

В 1916 году, как я уже сказал, в журнале «Интернационал молодежи» Бухарин развивал анархо-синдикалистские мысли о принципиальной враждебности пролетариата к государству, о взрыве всякого государства.

Впоследствии, через год после смерти В. И. Ленина, Бухарин выступил с наглым утверждением, что в этом вопросе ошибался не он, Бухарин, а Ленин.

1916—1917 годы — Бухарин вместе с Троцким редактирует троцкистскую газету «Новый мир» (Нью-Йорк), в которой отрицает возможность победы социализма в одной стране.

1917 год — на VI съезде партии Бухарин выступает с троцкистской схемой. В дни Октября вновь и вновь отстаивает невозможность победы социализма в России.

1918 год — Бухарин — лидер «левого коммунизма». Этот эпизод со всей тщательностью рассмотрен на судебном заседании.

8 октября 1918 года на пленуме Моссовета Бухарин заявляет об ошибочности своего «левого коммунизма». «Я был против Брестского мира в свое время, но никогда не защищал срыв мира, как «левые» эсеры. Теперь я должен честно и открыто признать, что мы, противники Брестского мира, были неправы — прав был Ленин». Мы знаем, что на суде Бухарин должен был признать, что на деле он активно боролся за срыв Брестского мира.

1919 год — VIII съезд партии — Бухарин снова выступает против признания права наций на самоопределение.

Дальше идут IX, X съезды партии, где Бухарин неизменно ведет «свою» линию, направленную против партии, против Ленина, против Сталина.

В 1921 году Бухарин в интересах Троцкого занимает позицию буфера, предательски разжигая дискуссию, подливая в нее, по выражению Ленина, «буферный керосин».

В антиленинской фракции Бухарин выступает вместе с Серебряковым, Радеком, Крестинским, Пятаковым и другими троцкистами.

Конец 1920 года — начало 1921 года — идет дискуссия о профсоюзах. Страна готовится к переходу к новой экономической политике. Бухарин выступает в роли «буфера», затем полностью переходит на позиции Троцкого. А на X съезде заявляет, что «республика висит на волоске».

В 1923 году Бухарин в «Правде» в статье «Долой фракционность» говорит об ошибках Троцкого и, глухо, «ряда других товарищей», умалчивая о себе.

В 1922 году Ленин громит Бухарина за его попытку сорвать монополию внешней торговли. Ленин прямо разоблачает Бухарина как заступника спекулянта, мелкого буржуа, как защитника интересов кулацкой верхушки крестьянства, выступающего против промышленного пролетариата.

В 1923—1924 годах Бухарин блокирует с Каменевым и Зиновьевым против товарища Сталина. Накануне дискуссии Бухарин выступает со статьей, проповедующей в завуалированном виде теорию вставания кулака в социализм.

1925 год — кулацкий лозунг Бухарина «Обогащайтесь». Правда, в книжке «Цезаризм под маской революции» и на XIV съезде партии Бухарин признал ошибочность этого лозунга, но здесь на суде Бухарин признал, что это «раскаяние» было не более чем тактическим маневром, обманом.

1928 год — Бухарин заявляет на пленуме ЦК партии об отсутствии разногласий с партией и одновременно ведет переговоры и вступает в тайный сговор с Каменевым. Пишет «Заметки экономиста».

1929 год — Бухарин в «Правде» заявляет об ошибочности своих взглядов. «Признавая эти свои ошибки, мы со своей стороны приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов». Теперь на суде он показал, что и это был тактический маневр, что и тогда, в 1929 году, он также лгал. Ибо как раз в это время оформлялась подпольная организация, которая с оружием в руках стала выступать против Советской власти.

Чтобы не быть голословным, я напомним вам показания Бухарина, Рыкова, наконец, Иванова о том, как Бухарин разжигал борьбу на Северном Кавказе, как через своего ученика и подручного в этом деле Слепкова он организовывал кулацкие восстания против Советской власти, как посылал Яковенко в Сибирь, как им всем удалось спровоцировать кулацкое восстание в Бийском округе и других местах. Напомним, что в это же самое время Бухарин, выступая в печати, говорил: «приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов». Бухарин лгал и здесь.

15 декабря 1929 г. Бухарин помещает в «Правде» статью, в конце которой перечисляет и осуждает свои ошибки. И в то же самое время он ведет подпольные разговоры с Каменевым.

В то же время, как это он сам теперь признал, вместе с Рыковым посылает Слепкова на Северный Кавказ, Яковенко — в Сибирь, чтобы поднять кулацкие восстания против Советской власти. На суде Бухарин признал, что именно ими были спровоцированы в то время такие и такие-то кулацкие восстания.

А как вел себя тогда Бухарин?

С лицемерным видом святоши, прикрываясь маской искренности, еще в самом начале борьбы Бухарин стал осуществлять подлые интриганские, фракционные, тайные махинации против партии и её руководства. Он заключил блок, со злейшими, разоблаченными врагами большевизма, только что в ноябре 1927 года выступавшими против Советской власти с антисоветской демонстрацией на улицах Москвы и Ленинграда.

В 1930 году Бухарин вновь подает заявление в ЦК и признает свои ошибки. Бухарин заявляет о «безоговорочном осуждении мною всех и всяких покушений на единство партии, всякой фракционной работы, всяких попыток скрытой борьбы с партийным руководством, скрытой защиты другой политической линии, отличной от линии партии». А на деле, вы слышали из показаний Бухарина, на деле он именно в это время вел переговоры с Семеновым об организации террористического акта против руководителей нашей партии и правительства.

В январе 1933 года Бухарин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) («Правда» № 14) выступает с речью, в которой требует «суровой расправы с группировкой А. П. Смирнова», говорит о своей «право-оппортунистической,

совершенно неправильной общеполитической установке», о своей «вине перед партией, её руководством, перед Центральным комитетом партии, перед рабочим классом и страной», говорит о Томском, Рыкове, как о своих «бывших соратниках по руководству правой оппозицией». Вообще «критикует» свои «прежние» взгляды.

А на деле это был первый год оформления «право-троцкистского блока», который приступил к выполнению таких задач, как террор, шпионаж, диверсии, вредительство, измена родине, отторжение от СССР национальных республик.

Начало 1934 года — XVII съезд партии — выступление Бухарина, в котором он одобряет «беспощадный разгром всех оппозиций и правой оппозиции, как главной опасности, т. е. той самой группировки, к которой я когда-то принадлежал».

А в это же время мобилизует все силы для того, чтобы усилить преступные действия своей группы, уже превратившейся в группу подлинных шпионов, убийц, разведчиков.

Начало 1936 года — Бухарин в статье в «Известиях» обозвал русский народ «нацией Обломовых». В номере «Известий» от 14 февраля 1936 года Бухарин заявляет об ошибочности этого своего утверждения («Неверное утверждение», об этом «выражаю свое глубокое сожаление»).

Таков Бухарин — эта лицемерная, лживая, хитрая натура. Этот благочестиво-хищный и почтенно-злой человек, эта, как говорил Максим Горький про одного из героев из галереи «Бывших людей», — проклятая помесь лисицы и свиньи.

Не лучше и другие — тоже «герои».

Подсудимый Рыков. До вступления в партию большевиков Рыков входил в Саратов в объединенную партию эсеров и социал-демократов.

1909—1911 годы — Рыков — полутроцкист, полуликвидатор. В период апрельской конференции Рыков и Каменев за объединение «живых сил» революционной демократии, т. е. за союз с эсерами и меньшевиками.

В октябре 1917 года вместе с Каменевым, Зиновьевым Рыков дезертирует.

В декабре 1917 года Рыков каркает о непрочности Советской власти, говоря, что «не может удержаться чисто большевистская власть в отсталой стране в то время, как в Европе не произошла социалистическая революция»!

В 1920 году Рыков с сапроновцами выступает против Ленина, за коллегиальность.

Рыков против ленинского плана ГОЭЛРО, он погряз с головой в обывательском «реализме», погряз по уши в рутине (как писал о нем тогда В. И. Ленину И. В. Сталин).

А потом? Потом 1928, 1929, 1932 годы — блоки, центры, заговоры, измена.

Другие обвиняемые не лучше.

Вот старый троцкист и германский шпион Крестинский, начавший свою предательскую карьеру еще при жизни Владимира Ильича Ленина. Крестинский передает шпионские сведения немецкой разведке и получает ежегодно по 250 000 марок золотом от германского рейхсвера в пользу подпольной троцкистской работы.

Вот такой же матерый троцкист Розенгольц, который был германским шпионом с 1923 года и английским шпионом с 1926 года.

Вот кто, вместе с Троцким, с Пятаковым, Ягодой, Бухариным и Рыковым, являлись главными воротилами этого блока, этого «центра центров» всех антисоветских фашистских сил в нашей стране.

* * *

Я считаю необходимым кратко остановиться на имевшем здесь место исследовании обстоятельств заговора против Владимира Ильича Ленина в 1918 году.

И на предварительном следствии и на суде Бухарин пытался всячески отвертеться от 1918 года, уйти от ответственности перед историей, перед рабочим классом, перед всем честным человечеством за чудовищное преступление, организованное Бухариным вместе с «левыми» и правыми эсерами, вместе с Троцким и его группой и отчасти осуществленное.

Бухарин позорно лгал в октябре 1918 года, отрекаясь от «левых коммунистов». Бухарин позорно лгал и в 1924 году, когда он под давлением обстоятельств приподнял краешек завесы, скрывавшей от нас настоящую правду в этом тяжком, кошмарном преступлении.

Бухарин лгал, например, в 1924 году, отрицая наличие блока между ним и «левыми» эсерами в 1918 году.

Бухарин говорит неправду и здесь, на суде, пытаясь отрицать факты, удостоверенные здесь рядом свидетелей.

Между тем эти факты чрезвычайно важны как с точки зрения окончательного разоблачения предательского лица Бухарина, так и с точки зрения наиболее полного и правильного понимания всей последующей преступной деятельности Бухарина и его сообщников — бухаринцев.

Нужно вспомнить факты, обстановку и условия 1918 года, чтобы по достоинству оценить всю глубину адского преступления Троцкого и Бухарина против революции, всю глубину их предательства!..

Эти факты, товарищи судьи, разумеется, сейчас принадлежат уже в значительной мере истории, но они проливают полный свет на вопрос, интересующий нас, интересующий многих и особенно тех, кто не искушен еще в знании прошлого Бухарина и антисоветских группировок, — как могло случиться, что Бухарин и Рыков, которые в течение стольких лет выдавали себя за сторонников социализма, за сторонников социалистической борьбы, оказались в стане самых отъявленных врагов Советской власти, в стане изменников и предателей революции, советского народа, родины!

Эти факты, уже покрытые архивной пылью, в свете настоящего процесса оживают и начинают говорить вновь полным голосом, голосом обличителя, требующего виновных к ответу, если не перед уголовным судом, связанным рамками уголовной давности, то, во всяком случае, перед судом истории, не знающей никакой давности, не знающей и никакой пощады!

1918 год. Молодая Советская Республика напрягает все свои силы, чтобы преодолеть гигантские трудности, вставшие на ее пути к утверждению и закреплению победы социалистической революции.

Страна была тогда, в буквальном смысле этого слова, повергнута в прах. Ее нужно было поднять на высоту новых, величайших исторических задач, каких не знала до того ни одна революция трудящихся.

«От периода триумфального шествия, — говорил по этому поводу В. И. Ленин, — предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами — как это ни приятно было бы — конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности».

В этих условиях борьба за мир являлась борьбой за все будущее пролетарской революции, судьба которой была в буквальном смысле этого слова поставлена на карту.

В этих условиях вопрос о войне и мире сводился по существу к одному вопросу — быть или не быть Советской власти, Советскому государству, Советской стране.

Гениальная ленинская стратегия решила этот вопрос положительно. История подтвердила правильность этого решения. Она сказала: «Быть».

Ленинизм учит не только искусству наступления, но и искусству отступления.

«...Нельзя, — писал Ленин, — победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению».

Товарищ Сталин по этому поводу говорил:

«Цель такой стратегии — выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление».

Образцом такой стратегии можно считать заключение Брестского мира, давшего партии возможность выиграть время, использовать столкновения в лагере империализма, разложить силы противника, сохранить за собой крестьянство и накопить силы для того, чтобы подготовить наступление на Колчака и Деникина».

Эта стратегия, гениальная стратегия Ленина — Сталина, полностью себя оправдала. Она спасла новую Россию и Советскую власть от неминуемой гибели.

В 1924 году товарищ Сталин напомнил по этому поводу:

«Теперь даже последний дурак видит, — говорил Ленин спустя три года после Брестского мира, — что «Брестский мир» был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы международного империализма».

* * *

Известно, что Троцкий и Бухарин со своими приверженцами всячески старались сорвать Брестский мир. Троцкий и «левые» эсеры, при переговорах с генералом Гофманом, вели себя как провокаторы. «Левые коммунисты» во главе с Бухариным рвали и метали против мировой политики Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым, требуя разрыва переговоров и объявления «революционной войны».

Своими хлесткими, а по сути дела провокаторскими речами и лозунгами бухаринцы и троцкисты пытались сбить нашу партию с ленинского пути.

«Не мир и не война», «Священная война против всесветной буржуазии» — все эти и подобные им провокаторские лозунги Троцких, Бухариных и др. имели одну единственную цель, — как об этом сказал товарищ Ворошилов в своей речи по поводу 20-летия РККА и Военно-Морского Флота, — «впутать нашу страну в вооруженное столкновение с империалистами в момент, когда Советская власть еще не имела своей крепкой армии, и этим самым ликвидировать Советскую власть и расчистить путь для победы буржуазии и полной реставрации капитализма в нашей стране».

До настоящего времени бухаринцам удавалось скрыть от истории истину в этом вопросе.

Даже на предварительном следствии в показаниях от 2 июня 1937 г. Бухарин пытался скрыть действительный характер своей борьбы в период Брестского мира против Ленина, как главы Советского государства.

Бухарин пытался обойти этот вопрос, отделившись, по своей привычке, общими отвлеченными рассуждениями о том, что он якобы «не понимал», что «конкретнейший из конкретнейших вопросов о «мужике» и был именно вопрос о том, чтобы дать массе «передышку», и подменял живые потребности момента общелитературными рассуждениями о том, что пролетарское отечество должно быть защищено».

Бухарину этот фокус не удался. Следствие на его удочку не попало. Следствие, наоборот, изобличило Бухарина и изобличило в гораздо более серьезном, чем какие-то «общелитературные рассуждения».

Следствие установило, и я считаю необходимым это вам здесь напомнить, товарищи судьи, в полном объеме, что в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой, совместно с «левыми» эсерами, организовали заговор против Ленина, как главы Советского правительства.

Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить Ленина, Сталина и Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и из «левых» эсеров.

На следствии Бухарину были предъявлены факты, ему было дано пять очных ставок. Тогда подсудимый Бухарин вспомнил кое-что, более серьезное, чем «общелитературные рассуждения». Бухарин вспомнил такой, например, факт, как блок с «левыми» эсерами в 1918 году, в целях борьбы против Советского правительства, такой факт, как прямой заговор против Советской власти, как подготовку ареста Ленина, ареста Сталина, ареста Свердлова.

Все это Бухарин, как вы помните, признал. Но он признал это «со скрипом».

Мы помним свидетелей, которые прошли перед судом, хорошо помним их показания, мы их видели, мы их слышали. Мы помним, как тяжелым свинцом падали их слова на голову Бухарина, вдохновителя провокаторской борьбы против ленинского Совета Народных Комиссаров, Бухарина — организатора, как это с полной очевидностью установлено и судебным следствием, заговора и

восстания против Советского государства, подстрекателя к убийству руководителей Советского правительства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова.

Я имею полное основание говорить, опираясь на эти данные, что все это точно выяснено, все это достаточно точно установлено, достаточно доказано.

* * *

Позвольте остановиться мне кратко на тех доказательствах, которые подтверждают правильность этого заключения. Вы помните здесь показания Камкова. Камков — один из виднейших руководителей ЦК партии «левых» эсеров, Камков показывал, что он с Бухариным вел разговор в 1918 году по вопросу о Брестском мире, что борьба, по словам Бухарина, принимает по этому вопросу чрезвычайно острые формы. Бухарин говорил Камкову об острых формах, о том, что дебатруется в рядах «левых коммунистов» вопрос о создании нового правительства. При этом, сказал Камков, Бухарин назвал Пятакова как возможного кандидата в руководители нового правительства и заявил, что сама смена правительства мыслится путем ареста всего состава Советского правительства во главе с Лениным.

Бухарин это не отрицал. Правда, он говорил здесь что-то такое об аресте «на 24 часа». Но это несерьезно. Уже в 1924 году в газете «Правда» Бухарин сам разъяснил, насколько этот план ареста Владимира Ильича Ленина был реален и серьезен. Но Бухарин отрещивается от плана убийства наших вождей.

Какие он представил в свое оправдание доказательства по этому вопросу? Никаких, кроме голого отрицания. Его изобличала здесь Яковлева, его изобличал здесь Осинский, его изобличал здесь Манцев, его изобличал здесь Карелин, в соответствующей наиболее существенной части вопроса, изобличал его и Камков, ибо, как вы помните, Бухарин старался даже вопрос об аресте поставить таким образом, что, будто бы, инициатива исходила не от него, а от Камкова, от «левых» эсеров. Камков здесь удостоверял, что инициатива исходила от Бухарина. Я, впрочем, согласен их обоих помирить, ибо, очевидно, инициатива исходила и от тех и от других. Этим объясняется та ожесточенная борьба, которая велась со стороны этих людей против Советского правительства, против Ленина и против его сподвижников — товарищей Сталина и Свердлова.

Бухарин отрицает. Но нельзя же в самом деле считать за аргумент ничем не мотивированное отрицание, тем более что это отрицание противоречит самой логике вещей.

Если бы этого факта — плана убийства Ленина, Сталина и Свердлова — не было, то зачем бы понадобилось говорить об этом и Карелину, и Яковлевой, и Осинскому, и Манцеву, людям, не в интересах которых сознавать сейчас такой позорный и такой страшный факт, такое чудовищное преступление против родины. А между тем, по показаниям Карелина, Бухарин прямо говорил относительно физического уничтожения Ленина и Сталина. Яковлева также говорит:

«Бухарин мне развил ту мысль, что политическая борьба приобретает все более острые формы и дело не может ограничиться одной лишь политической формулировкой о недоверии к ЦК партии. Бухарин заявил, что дело неизбежно

должно дойти до смены руководства, в связи с чем стоит вопрос об аресте Ленина, Сталина и Свердлова и даже о физическом их уничтожении» (т. 44, л. д. 77).

Это же подтвердил Осинский, это же подтвердил и Манцев. Бухарин был не один. С ним эту же позицию разделял, как мы теперь установили, и Троцкий, о роли которого в заговоре против В. И. Ленина в 1918 году мы имеем на этом процессе ряд показаний, в том числе и показание самого Бухарина.

«К этому времени,— показал подсудимый Бухарин,— вновь возникла идея переворота и ареста Ленина, Сталина и Свердлова, как определяющих фигур партийного и советского руководства, на этот раз по инициативе Троцкого, которому предложение «левых» эсеров стало известно, очевидно — так я предполагаю, — от Пятакова» (т. 5, л. д. 124).

Бухарин не договаривает до конца, оставаясь верным своей тактике полупризнаний.

Но есть два свидетеля — Яковлева и Манцев, которые и в этом вопросе говорят с такой точностью, какая не оставляет никаких сомнений в справедливости и правильности их показаний.

Не достаточно ли этих фактов, чтобы сказать, что заговор бухаринцев, троцкистов, «левых» эсеров в 1918 году против Ленина, Сталина и Свердлова доказан полностью.

* * *

Сам Бухарин признал наличие этого заговора, сам Бухарин признал наличие плана ареста Ленина, Сталина и Свердлова. Бухарин отрицает лишь план убийства Ленина, Сталина и Свердлова. Однако первым признанием подсудимого Бухарина о плане переворота, о плане ареста, в сущности говоря, подтверждается и последующее. В самом деле, Бухарин признал, что он вкуче со своей группой «левых коммунистов», с Троцким и его группой и с «левыми» эсерами затевали насильственное свержение Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым и даже арест Ленина, Сталина и Свердлова.

Но знает ли Бухарин, что означает насильственное свержение? Знает ли Бухарин, что означают аресты, связанные с задачей насильственного свержения? Знает ли Бухарин, что люди, идущие на насильственное свержение и на насильственный арест, тем самым идут на насилие, тем самым идут и на убийство!

Насильственное свержение предполагает, а не исключает такой формы насилия, как физическое уничтожение. Бухарин насильственное свержение признает, физическое устранение — отрицает. Это явная фальшь, это явная нелепица, это явная нелогичность. Но Бухарин в таком положении, что логики от него требовать нельзя.

Факты, установленные на суде, говорят более авторитетно и более убедительно, чем это кажется и хочется Бухарину. Бухарин, правда, сейчас сказал несколько больше, чем, например, в 1924 году, но всего он все же не сказал. Бухарин так действует не впервые. В 1924 году Бухарин кое-что рассказал об этом позорном преступлении, но только кое-что.

В 1938 году Бухарин, припертый к стене, вынужден рассказать уже об этом факте больше. Если бы мы хотели оценить степень фальши, иезуитства и лицемерия Бухарина, достаточно сравнить текст опубликованного им письма в газете «Правда» в 1924 году с тем, что он говорил на предварительном следствии. Он скрыл целый ряд фактов в этом письме, он не говорил, что речь шла о заговоре, он не говорил, что речь шла о прямом сговоре его группы с Троцким, он не говорил не только об убийстве Ленина, но и Сталина и Свердлова. Это вскрыто теперь. Это теперь разоблачено, это открыто, это установлено, об этом возведено всему миру, вопреки воле Бухарина, при всем его сопротивлении к установлению этого факта. Бухарин признал, да и то, как вы видели на судебном следствии, только полупризнал потому, что ему податься некуда, что в 1918 году Бухарин объявлял Советскую власть формальной и предлагал ее ликвидировать.

Ленин разоблачает чудовищность этого бухаринского «тезиса», указывая, между прочим, на исторические примеры Франции в 1793 году и Пруссии начала XIX века, когда лучшие люди этих стран в тяжелую минуту, переживаемую их отчизной, не отчаивались, а «...подписывали неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские мирные договоры, чем Брестский, умели выжидать потом, стойко сносили иго завоевателя, опять воевали, опять падали под гнетом завоевателя, опять подписывали похабные и похабнейшие мирные договоры, опять поднимались и освободились в конце концов (не без использования розни между более сильными конкурентами-завоевателями)».

Но это были лучшие люди своей страны, а не изменники и провокаторы, которыми оказались на деле так называемые «левые коммунисты» и их подпольные друзья.

Но для этого нужно было, как учил Ленин, любить свою родину и свой народ, а не глумиться над ним, как глумится Бухарин и его оруженосцы, восставшие против Ленина, призывавшего любить и уважать свой народ.

Следствие установило, что в 1918 году Бухарин и Троцкий заключили с эсерами блок для совместной борьбы против Советского правительства, возглавлявшегося тогда Лениным, Сталиным и Свердловым, что они затевали вооруженное восстание, что они шли на арест и убийство Ленина, Сталина и Свердлова.

Доказано это или нет?

Доказано полностью. Доказано показаниями самого Бухарина и показаниями Яковлевой и Карелина, Камкова, Манцева и Осинского.

* * *

Бухарин отрицает подготовку убийства, но как он отрицает? Я просил бы вас, товарищи судьи, в совещательной комнате просмотреть протокол соответствующего заседания нашего судебного следствия для того, чтобы со всей отчетливостью вспомнить метод отрицания Бухариным этого факта.

Вот этот разговор. Бухарин признает, что был одним из организаторов этого заговора.

Его спрашивают: «Об аресте Ленина, Сталина и Свердлова вы открыто говорили?»

«Бухарин. Об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении. Это было в период не до Брестского мира, а после. В этот период у меня был один разговор с Пятаковым, когда явились Карелин и Камков и заявили, что они предлагают составить новое правительство.

Вопрос. Когда это было?

Бухарин. Это было до Брестского мира. Они предложили составить правительство путем ареста Ленина на 24 часа.

Вопрос. Значит, мы можем сказать, что до заключения Брестского мира у вас были переговоры с «левыми» эсерами Карелиным и Камковым о том, чтобы сформировать новое правительство, то есть предварительно свергнуть правительство во главе с Лениным?

Бухарин. Разговор был.

Вопрос. Об аресте Ленина?

Бухарин. Это эсеры говорили.

Вопрос. По-вашему, эсеры говорили об аресте Ленина, а свидетельница Яковлева утверждает, что об аресте Ленина говорил и Бухарин.

Бухарин. Она путает с этим другой вопрос, она утверждает, что разговор был до заключения Брестского мира.

Вопрос. Я спрашиваю: до заключения Брестского мира были переговоры с эсерами о том, чтобы арестовать Ленина?

Бухарин. Да».

Итак, вначале это эсеры говорили, потом Бухарин показывает, что этот разговор был и он вел его сам.

«Вопрос. А после заключения Брестского мира тоже были переговоры?

Бухарин. Были.

Вопрос. О чём?

Бухарин. О политическом контакте.

Вопрос. А об аресте?

Бухарин. И об аресте.

Вопрос. Кого именно?

Бухарин. Ленина, Сталина и Свердлова.

Вопрос. Тоже на 24 часа?

Бухарин. Тогда эта формула не употреблялась».

Как видите, раньше на 24 часа, а теперь уже не на 24 часа. Тогда речь шла только о Ленине, а теперь уже выходит, что речь шла о Ленине, Сталине и Свердлове.

«Вопрос. А как арестовать, для чего?

Бухарин. Для того, чтобы составить новое правительство.

Вопрос. А с арестованными что сделать?»

Бухарин торопится: «Разговора о физическом уничтожении не было».

Но я его об этом еще не спрашивал.

«Вопрос. Когда свергают правительство и арестовывают его, применяют насильственные способы?

Бухарин. Да.

Вопрос. Вы имели в виду при аресте применяются насильственные способы? Правильно это или нет?

Бухарин. Правильно.

Вопрос. Но насильственные способы в чем заключаются? Вы точно установили это?

Бухарин. Нет, не установили.

Вопрос. Значит решили так, как позволят и прикажут обстоятельства?

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вопрос. А обстоятельства могут приказывать действовать очень решительно?

Бухарин. Да».

* * *

Вывод из этого простой — предполагалось свергнуть правительство, для этого арестовать правительство — Ленина, Сталина, Свердлова, применить все те меры, которые могут продиктовать обстоятельства и обстановка борьбы, которая ведется во имя свержения правительства. Борьба была в самой острой форме, и поскольку не было — если встать на точку зрения Бухарина, как он говорил, — разговора об убийстве, то ведь сам факт, сама задача свержения правительства, сама необходимость ареста руководителей того правительства, которое поставили своей целью заговорщики свергнуть, — совершенно естественно говорит, что от убийства руководителей, предполагавшегося убийства, они отречься и зарекаться никак не могли.

Вся логика событий, весь смысл этой борьбы, вся ожесточенность той атмосферы, в которой эта борьба шла, вся острота самого вопроса — быть ли Брестскому миру, т. е. быть ли Советской стране, стране, строящей социалистическое общество, или не быть Брестскому миру, не быть советской земле, которую как «формальную» они предполагали отдать на разгромление врагу, — все это со всей серьезностью говорило о том, что дело идет о настоящей борьбе, которая всегда в таких случаях связана с неизбежностью применения и такой меры, результатом которой является смерть, убийство. Вот почему я говорю: для меня не с точки зрения криминологии, ибо сейчас, через 20 лет после того, как совершилось это преступление, мы не предъявляем Бухарину самостоятельного обвинения, — это имеет значение для того, чтобы оценить ту связь, которая существует между заговорщической деятельностью убийцы и контрреволюционера Бухарина и его сообщников с тем, что они делали впоследствии. Все это имеет значение для того, чтобы показать, что Бухарин и сейчас по вопросу, имеющему исторический интерес и значение, не в состоянии, не хочет признать все преступления, которые он совершил в действительности против Советской страны, против Советской власти и против советского народа.

Бухарин в 1924 году по этому поводу писал:

«Я счел своей партийной обязанностью рассказать — в момент ожесточенной фракционной борьбы о предложении «левых» эсеров для того, чтобы парализовать то идиллическое прилизывание событий Брестского периода, какое практиковалось со стороны товарищей из оппозиции»...

Речь идет об аресте Ленина, о свержении Советской власти Бухарин, таким образом, в 1924 году признавал, что это было в момент ожесточенной борьбы.

И дальше:

«Они изображали брестские времена в партии как «верх демократии». Я же отлично знаю, что это был период, когда партия стояла на волоске от раскола, а вся страна — на волоске от гибели».

В этих условиях, в условиях ожесточенной борьбы, люди, идущие на арест Ленина, на арест Сталина и Свердлова, руководителей нашей партии и правительства, могут ли остановиться перед возможностью уничтожить своих противников, перед тем, чтобы убить наших вождей? Это ни с чем несуразно, это ни с чем не вяжется. Это есть политика не говорить правду до конца, попытка, мне кажется, здесь полностью разоблаченная показаниями свидетелей и самой логикой развивающихся в это время исторических событий.

Теперь полностью раскрыто и то чудовищное преступление, которое имело место 30 августа 1918 года. Я имею в виду покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина 30 августа 1918 года со стороны эсеровской террористки Каплан. По показаниям Карелина и Осинского мы можем судить, как в действительности это покушение было организовано, Карелин здесь заявлял, что в течение 20 лет делались все усилия к тому, чтобы сохранить это страшное преступление в тайне, чтобы не раскрыть его настоящего и действительного содержания и смысла. Карелин утверждал здесь, что вопрос о террористическом акте против Ленина был поднят в 1918 году не кем иным, как именно Бухариным. Карелин утверждал, что Прошьян докладывал об этом членам ЦК партии «левых» эсеров. Карелин утверждал, что «такого рода требование «левых коммунистов», заявленное Бухариным, их главарем, сыграло свою роль в смысле ускорения террористического акта против Ленина, совершенного ЦК партии правых эсеров». Это чудовищное преступление — факт.

Осинский показал со слов Стукова, что он — Стуков — был такого же мнения, имел такое же представление о преступлении 30 августа 1918 года.

«В конце 1918 года Стуков, — показывал здесь Осинский, — который вместе с Бухариным был связан с эсерами, сказал мне, что выстрел, произведенный правой эсеркой Фаней Каплан в Ленина, был совершен не только по указанию руководства правых эсеров, но явился прямым завершением мероприятий, намеченных в свое время блоком к физическому уничтожению Ленина, Сталина и Свердлова» (т. 44, л. д. 89).

Эти показания достаточно убедительно говорят о той подлой, предательской, дьявольской работе, которую вел Бухарин, этот патентованный лицемер и иезуит.

Чтобы закончить с характеристикой поведения Бухарина и самого Бухарина, надо сказать, что лицемерием и коварством этот человек превзошел самые коварные, чудовищные преступления, какие только знала человеческая история. Здесь на суде он показал себя весь. Мы проследили шаг за шагом, год за годом политическую жизнь Бухарина.

Сколько раз Бухарин клялся именем Ленина лишь для того, чтобы сейчас же лучше обмануть и предать и партию, и страну, и дело социализма.

Сколько раз Бухарин прикасался к великому учителю с лобзанием Иуды-предателя!

Бухарин напоминает Василия Шуйского и Иуду Искарота, который предавал с лобзанием.

И повадки у Николая Ивановича Бухарина точь-в-точь, как у Василия Ивановича Шуйского, как изображает его нам знаменитый писатель Островский:

«Василий свет-Иваныч,
Что ни начни, все свято у него!
Заведомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовит,
А сам, гляди, вздыхает с постной рожей
И говорит: «Святое дело, братцы!..»

Так и Бухарин, — вредительство, диверсии, шпионаж, убийства организует, а вид у него смиренный, тихий, почти святой, и будто слышатся смиренные слова Василия Ивановича Шуйского: «Святое дело, братцы!» из уст Николая Ивановича.

Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, иезуитства и нечеловеческой подлости.

* * *

Судебное следствие вскрыло и доказало с полной отчетливостью, что «право-троцкистский блок» представлял собой подлинную агентуру разведок некоторых иностранных государств, осуществляющих через этот блок, через эту заговорщическую группу шпионаж, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, что этот «право-троцкистский блок» пытался спровоцировать военное нападение этих государств на СССР в целях свержения существующего в СССР социалистического строя, восстановления в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленения СССР и отторжения от него в пользу указанных выше государств Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Установлено на этом следствии, что блок имел своих настоящих хозяев в лице Троцкого и иностранных разведок, что вся его преступная деятельность шла под непосредственным руководством и по планам, выработанным в генеральных штабах Японии, Германии и Польши.

Вот показания Чернова. Чернов связывается с полицией или через полицейского чиновника в Берлине с Обергаузом. Обергауз, говорит Чернов, сказал мне, что немецкая разведка принимает надлежащие меры для свержения Советской власти. И дальше, обращаясь к Чернову, Обергауз говорит: «Вот вы считаете себя оппозицией в Советском Союзе, вам надо объединиться в организующую силу. Если вы хотите взять власть, то не стесняйтесь в методах борьбы». Говоря о методах борьбы, Обергауз предлагает закрепить связь правых с немецкой разведкой. Он говорил о том, что вся организация правых может быть поставлена на службу целям немецкой разведки.

Здесь, на суде, на вопрос, кто был хозяевами, Чернов ответил: «Кроме Рыкова и немецкой разведки,— никого». Не ясно ли, что организация этого так называемого «право-троцкистского блока» была не чем иным, как экспозитурой некоторых разведок некоторых иностранных государств.

Подсудимый Шарангович здесь полностью подтвердил свою связь с генеральным штабом Польши. Он подтвердил, что, как глава местной

белорусской буржуазно-националистической подпольной организации, он ставил своей задачей обслуживание интересов польской разведки и польского генерального штаба. Он говорил о том, что ему было предложено от имени некоего консула установить тесную связь с рядом людей, входящих в руководство национал-фашистской организации Белоруссии, в том числе с Бенekom. Он говорил, что ему было предложено передавать различного рода сведения, необходимые польской разведке, ему было поручено так тесно связаться с польским генеральным штабом, чтобы польский генеральный штаб мог опереться в своей работе против Советского государства на эту презренную кучку изменников из белорусской национал-фашистской организации.

Основные цели этой организации? Сам Шарангович определил их кратко: свержение Советской власти и восстановление капитализма, отторжение Белоруссии от Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами. Для достижения этой цели, как он говорил, подчеркивалась необходимость установления тесной связи с польским генеральным штабом. Это была одна из основных задач, которую по указаниям центра «право-троцкистского блока» преследовала буржуазно-националистическая организация в Белоруссии. Кому это было нужно? Это было нужно польской разведке, это было нужно польскому генеральному штабу, который рассчитывал, имея в своих руках эту, хотя и маленькую, но все же опасную «пятую колонну» на территории СССР, обеспечить себе успех в необходимых случаях.

Вот почему Рыков совершенно справедливо здесь сказал, что белорусская организация правых была по существу экспозитурой польского генерального штаба. Рыков нам говорил здесь, что ему известно было о переговорах Карахана с немецкими фашистами еще в 1933 году, что немецкие фашисты относились, как выразился здесь подсудимый Рыков, с полной благожелательностью к возможности прихода к власти правых и что они обещали всячески приветствовать и поддерживать этот приход.

Благожелательность германской разведки, конечно, продиктована исключительно интересами этой разведки: ведь правые и их организация — это фашистская экспозитура. Имея в своих руках группу изменников, опираясь на них, германский фашизм мог бы более безболезненно для себя осуществить свой разбойничий план военной интервенции в СССР. А задачи? Задачи — не только те, о которых говорил Шарангович. Рыков здесь нам дал ясное указание на еще одну в высшей степени характерную черту, которая с головой выдает «право-троцкистский блок» как агентуру некоторых иностранных разведок. В ответ на вопрос по поводу расчленения СССР, отторжения от СССР ряда республик, на вопрос, «была ли также задача подготовки фашистам плацдарма для нападения на СССР и для обеспечения их победы?» — Рыков ответил: «Да, это несомненно».

Совершенно очевидно, что задача подготовки плацдарма для нападения на СССР и обеспечения победы над СССР, в случае этого нападения, эта задача была поставлена немецкой, польской и другими разведками перед «право-троцкистским блоком», как перед прямой агентурой фашистских разведок. Это говорит о том, что прав Чернов, свидетельствующий о том, что настоящим-то хозяином «право-троцкистского блока», кроме Троцкого, были действительно разведки некоторых иностранных государств.

Мы помним, наконец, показания Крестинского. Как мышь, пойманная в мышеловку, он пробовал уже здесь на процессе метаться из стороны в сторону, нащупывая возможные пути своего спасения, но это оказалось безнадежным. Крестинский признал, что уже в 1920—1921 годах по указанию Троцкого он, Крестинский, вел переговоры вместе с другими троцкистами с генералом Сектом и с германским рейхсвером, он продавал за 250 тысяч золотых марок в год шпионские сведения генеральному штабу Германии и обеспечивал беспрепятственный допуск в пределы СССР германских военных разведчиков.

О чем шла тогда речь, как не о превращении СССР в колонию германского фашизма? В чем сущность этого соглашения с рейхсвером, нити которого тянутся к измене и предательству так называемого «право-троцкистского блока», — об этом сказал сам Крестинский.

Позвольте кратко напомнить.

«Мы получаем, — говорит он, — небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, — поучает дальше Крестинский, раскрывая свои карты, — в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он (т. е. Гитлер) готов вместо колоний, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, — удовлетвориться территорией Советского Союза».

Вот циничная, обнаженная до пределов человеческой подлости постановка вопроса, которая совершенно отчетливо говорит о том, как подходили некоторые разведки, в том числе и германская разведка, и некоторые наиболее реакционные, преимущественно военные круги некоторых иностранных государств, к деятельности этого так называемого «право-троцкистского блока». Они подходили к ним, как к своим рабам и пленникам. Они подходили к ним, как хозяева подходят к своим слугам. Они искали помощи этих предателей потому, что эти предатели держали в своих руках ключи, по крайней мере в их собственном сознании и отчасти используя свое служебное положение, от ворот наших границ. Они были подходящими для того, чтобы открыть ворота врагу. Пытаясь вилять и замечать свои следы, в этом цинично признался в конце концов подсудимый Бухарин. В разговоре с Рыковым и Томским Бухарин говорил о необходимости открыть фронт немцам. Вопрос стоит, что называется, ясно до предела. Карты, хотя и крапленые карты, раскрыты полностью. Они говорили: «мы вам даем не только шпионские сведения, но в нужную минуту мы вам откроем фронт. За это платите нам денежки, на которые мы будем вести свою преступную подпольную троцкистскую работу. Зачем вам драться с Англией, Америкой и Францией из-за колоний? Вы можете превратить СССР в свою колонию. По крайней мере ее цветущие окраинные республики, например Украину. Зачем вам драться с Америкой, Англией и Францией из-за колоний, когда мы, ваши покорные слуги, готовы вам отдать советскую землю за те золотые марки, которыми вы поможете нам вести свою подпольную работу».

Вот смысл этого соглашения.

Говорит ли наличие такого соглашения о том, что «право-троцкистский блок» был какой-то политической группой? Нет! «Право-троцкистский блок» —

это не только безидейная, беспринципная банда вредителей, диверсантов, убийц, шпионов, — это чистейшая банда агентов иностранных разведок в подлинном смысле этого самого слова. Она открывает ворота врагу, ока стреляет из потаенных окон по улицам, помогая вторгнувшемуся в города и села неприятелю, содействует поражению своей родины.

Крестинский говорил: «Мы шли на восстановление капиталистических отношений в СССР и территориальные уступки буржуазным государствам, с которыми об этом уже договорились».

В этом, в сущности говоря, и есть весь смысл преступной деятельности блока.

От Крестинского в цинизме своих показаний не отстает и Гринько. Гринько ведь прямо показывал, что задача, поставленная их иностранно-разведывательными хозяевами, заключается главным образом в том, чтобы помочь иностранным агрессорам. Это была, говорил Гринько здесь, общая позиция и троцкистов, и правых, и буржуазно-националистических организаций, и, в частности, украинской национал-фашистской организации.

Это означало подрыв оборонной мощи Советского Союза, подрывную работу в армии и оборонной промышленности, открытие фронта в случае войны и провокацию этой войны.

Нечего сказать, почетные задачи!

Самый перечень этих преступных целей с головой выдает этот блок, как чистейшую банду шпионско-разведывательных организаций некоторых иностранных государств.

Ицрамов здесь нам рассказал о том, как главари «право-троцкистского блока», и в первую очередь Бухарин, уговаривали его принять все меры к тому, чтобы превратиться в подлинную агентуру иностранных разведок.

Московские главари «право-троцкистского блока» информировали Икрамова о японо-германской, как они говорили, «ориентации», о связи с немцами и японцами. Во имя чего? Во имя той же задачи, которая так выпукло была изображена и Гринько и Крестинским.

Вторая встреча была посвящена обсуждению вопроса о вредительстве. Третья встреча была посвящена вопросу о связи с Англией. Об этом здесь очень подробно и полно говорил обвиняемый Ходжаев.

Что же говорил ему Бухарин? Он говорил, что надо ориентироваться на Англию, что если сейчас войны не будет, если скоро интервенции не будет, — нашему делу «капут». Бухарин говорил Икрамову: «Могут всех нас переловить, а вопрос ускорения войны не можем разрешить из-за Англии, которая в некотором отношении является международным арбитром».

Интересно представление заговорщиков, возлагающих все надежды на военное нападение на СССР, об Англии, как о каком-то международном арбитре. Известно, говорит Бухарин, что англичане давно смотрят на Туркестан, как на лакомый кусочек. Если будут такие предложения, тогда англичане, может быть, скорее перейдут на сторону агрессора против Советского Союза.

Бухарин, в сущности говоря, здесь не отрицал этого разговора. Он говорил о некоторых деталях, спорил о некоторых словах, говорил, что это было иначе формулировано, но в основном Бухарин подтвердил, что такие разговоры были, что была «ориентация на британского арбитра», который готов был заполучить

«лакомый кусочек» в виде Туркестана. Это же подтвердил и другой обвиняемый, Ходжаев, который признал, что Бухарин вел с ним разговоры, организовывая в Средней Азии ту деятельность, которая целиком и полностью может быть охарактеризована как государственная измена, как подготовка поражения, расчленение СССР. Отторжение от СССР целых областей и даже союзных республик они рассматривали как плату за ту помощь, которую военный агрессор готов оказать блоку в его преступной борьбе за захват власти, за свержение законного Советского правительства в нашей великой стране.

* * *

Я уже сказал, что по всем тем обстоятельствам, которые с такой исчерпывающей полнотой вскрыты на судебном следствии по настоящему делу, видно, что «право-троцкистский блок» представлял собою просто агентуру иностранных разведок. Этим обстоятельством определялся и весь характер и вся природа тех взаимоотношений, которые сложились и существовали между этими так называемым «блоком», с одной стороны, и некоторыми иностранными разведками, являющимися действительными хозяевами этих преступников, — с другой.

О том, каковы были эти взаимоотношения между иностранными разведками и блоком, можно судить по ряду фактов, с непреложностью установленных на настоящем судебном следствии.

Я напому вам допрос подсудимого Рыкова. На вопрос о том, что представляла собой буржуазно-фашистская организация, действовавшая в Белоруссии под руководством Голодеда, Червякова и Шаранговича, Рыков должен был признать, что даже назначение сколько-нибудь крупное Отдельных работников на руководящие посты в Белоруссии предварительно согласовывалось с польской разведкой.

Этот факт, сам по себе, уже достаточно ярко характеризует действительную природу тех отношений, которые существовали между «право-троцкистским блоком» и польской разведкой. Если польская разведка решает, кого назначить на те или другие наиболее ответственные должности, ясно, что подлинным, настоящим хозяином, распоряжавшимся судьбой «право-троцкистского блока», всей его преступной деятельностью, являлась польская разведка. Хозяевами этого «блока» являлись также и разведки других государств, с которыми состояли в преступной связи и отношениях по поручению, с ведома и согласия руководителей этого «блока» отдельные участники этой заговорщической преступной организации.

Я напому вам показания подсудимого Иванова, который здесь уже говорил о том, что иногда участники блока не различали, где действуют правые, а где действует иностранная разведка, до такой степени всё у них переплелось. Я напому вам также и то, что, по словам Иванова, Бухарин рекомендовал ему связаться с английской разведкой. Бухарин говорил, что Англия имеет очень большие интересы в Северном крае. Он говорил, что с этой страной у центра правых есть соглашение о помощи правым в свержении Советской власти и что в этом соглашении предусматривается обеспечение интересов английских лесопромышленников в лесном хозяйстве Северного края.

Здесь также ярко выражен конкретный хозяйский интерес той разведки, с которой Бухарин рекомендовал связаться подсудимому Иванову и с которой подсудимый Иванов связался, выполняя это указание Бухарина. Иванов показал, что Бухарин рекомендовал ему поставить дело таким образом, чтобы показать английской буржуазии, что правые охотно идут на удовлетворение всякого рода экономических и финансовых интересов этой буржуазии, рекомендовал выдавать авансы английской буржуазии с тем, чтобы, с одной стороны, не потерять поддержку для себя, а с другой — не потерять доверия.

Ясное дело, что это «доверие» строилось только на одном — на способности этих заговорщиков уплатить чистоганом советской землей и советской кровью за изменническую свою деятельность, за помощь, которую иностранные агрессы готовы оказать заговорщикам в их преступных целях.

Об этом же говорил, по существу, и Раковский, когда он показывал, какое часто создавалось противоречивое положение для «добросовестных» агентов иностранных разведок, каким выглядит этот умильный старичок, сидящий здесь перед вами на скамье подсудимых. Положение создалось весьма и весьма затруднительное для тех разведчиков, которые сразу служили нескольким разведкам. А такие подсудимые налицо. Сам Раковский представляет такого специалиста, который служил одновременно и японской и английской разведкам и попадал вместе с Юрневым в «тяжелое» для них положение.

«Мы, — говорил здесь Раковский, передавая слова Юрнева, — очутились в таком переплете, что иногда не знаешь, как себя вести. Боишься — как бы, удовлетворив, одного из наших контрагентов, не обидеть другого. Вот теперь, например, возникает антагонизм между Англией и Японией в китайском вопросе, а нам приходится иметь связь и с английской и с японской разведками...»

Тяжелое положение для разведчика! Тяжелое положение для английского и японского шпиона.

«...Нам, троцкистам, — говорил Раковский, — приходится играть в данный момент тремя картами: немецкой, японской и английской».

Мы видим, что эта игра ничем хорошим для игроков окончиться не может.

«...Немецкая карта, по крайней мере, в тот момент для меня была недостаточно ясна...»

Хотя и достаточно краплена.

«...Я лично считал, что... Япония... является актуальным агрессором против СССР».

И дальше он продолжает:

«Японская карта была для нас, троцкистов, чрезвычайно важна. Но, с другой стороны, не нужно переоценивать значения Японии, как нашего союзника против Советского правительства. Если даже японская агрессия и сможет продвинуться на территорию СССР, она утонет в пространстве и тайге. А что касается Великобритании, здесь дело посерьезнее. Великобритания в данный момент находится в антагонизме с Японией. Не нужно забывать, что Англия возглавила коалицию против французской революции и 25 лет боролась».

Выходит, что самая сильная карта — карта английской разведки. Но не моя задача разбирать качество всех этих «карт» и их отличие. Я хотел бы только показать, каким затруднительным оказалось положение таких господ, которые

умудрялись поклоняться сразу трем богам, служить сразу трем разведкам. Нельзя им по-человечески не посочувствовать, но помочь им мы можем только одним — уничтожить возможность играть в какие бы то ни было карты, как бы эти карты им самим ни казались серьезными.

О связях с английскими агрессорами подсудимый Раковский показал, что блок подготавливал поражение СССР и систематически занимался шпионажем.

* * *

В этой связи надо сказать о Бухарине, который хотел здесь показать, что, в сущности говоря, он не за поражение СССР, и не за шпионаж, и не за вредительство, и не за диверсию, так как и вообще он к этому практическому делу иметь отношения не должен, ибо он «теоретик», который занимался проблематикой всеобщих вопросов. Но и «Бухарин должен был поставить все точки над «и». Он сказал:

«Одним словом, я был обязан, как один из руководителей правого центра, доложить одному из руководителей периферийного центра нашу установку».

В чем заключалась эта установка?

«Коротко эта установка заключалась в том, что в борьбе с советской властью возможно использование военной конъюнктуры и тех или иных уступок капиталистическим государствам для их нейтрализации, а иногда и для помощи с их стороны».

Если расшифровать это витиеватое показание Бухарина, то это значит — прямая измена, переход на сторону врагов в зависимости от военных обстоятельств и от военной обстановки для того, чтобы воспользоваться помощью этих врагов в достижении своих преступных целей.

Когда Бухарину задали об этом вопрос: «Иначе говоря, ориентация на помощь некоторых иностранных государств?» Он отвечал: «Да, это можно и так сказать». Он не хочет прямо сказать, а говорит, что «это можно и так сказать».

Можно и нужно так сказать, ибо это соответствует действительности. На вопрос: «Иначе говоря, ориентация на поражение СССР?» — Бухарин говорит, оставаясь верным своей туманной словесной эквилибристике: «В общем, суммарно, повторяю, — да».

Итак, «суммарно» Бухарин признает ориентацию на поражение СССР, а в тех конкретных условиях, в которых он находился как руководитель «право-троцкистского блока», это «суммарно» означало: «Мы подготавливали поражение СССР, мы готовы были открыть врагам ворота».

«Открыть врагам фронт», — как это подтвердил Рыков, как это не мог не подтвердить Бухарин.

Я хочу в этой связи обратить ваше внимание, товарищи судьи, на то, как и тут Бухарин пытался вылезти сухим из воды, как он, признавши связь с военной заговорщической организацией Тухачевского и Якира, пытался играть понятием слова «должны» открыть фронт, пытался уйти от настоящего ответа на этот в высшей степени неприятный для него вопрос.

Но как бы Бухарин ни изощрялся в отдельных словах и фразах, как бы он ни пытался уверять, что понятие «должны», хотя и выражается одним словом, но

имеет разное значение, — мы отчетливо представляем действительное отношение Бухарина к этому вопросу.

Бухарин вместе с Рыковым и Томским организовали не шуточное дело, а дело серьезное, дело свержения Советского правительства и Советской власти, не стесняясь решительно никакими средствами. Потерявши всякую опору внутри СССР, устремивши все свои надежды на враждебное СССР иностранное государство, они договорились с ним об открытии фронта, о совместном намерении разгромить советский народ, Советское государство для того, чтобы путем измены пробраться к власти, которую в этот же момент они должны будут целиком, безраздельно и полностью отдать в руки фашистов, в руки своих настоящих хозяев.

Довольно играть словами! Довольно эквилибристики, «философии!» Речь шла о государственной измене, о переходе на сторону врага, об открытии фронта, о поражении СССР, о разгроме нашего отечества.

Вся шпионская работа отдельных соучастников этого заговора на всех участках в целом направлялась Бухариным и Рыковым. Все шпионские сведения шли в соответствующие органы по каналам при помощи средств и связей, которые были в руках Рыкова, Бухарина, Ягоды и их соучастников.

Здесь на суде раскрылась в полной мере связь Рыкова, Бухарина и Ягоды с разведками ряда иностранных государств. Вместе с меньшевиками, с Даном, со II Интернационалом, с эсерами, с Масловым, с заграничными иностранными разведками, вместе с агрессорами, они пытались свергнуть Советскую власть и восстановить власть настоящего, матерого, стопроцентного капитализма, настоящего господина помещиков и фабрикантов.

Все эти вредительства, измены, предательства смешивались с систематическим обслуживанием иностранных разведок секретными сведениями и разного рода материалами. Крестинский, Розенгольц, Иванов, Шарангович, Чернов, Раковский, Ягода и другие систематически передавали иностранным разведкам тайны Советского государства.

О систематическом обслуживании заговорщиками из «право-троцкистского блока» иностранных разведок мы имеем достоверные сведения. Я приведу здесь выдержку из токийской газеты «Миako» от 20 февраля 1937 г., которая содержит в себе информацию о секретном заседании так называемой планово-бюджетной комиссии. Депутат Иосида обратился с запросом к военному министру генералу Сугияма: «известна ли ему и армии провозоспособность Сибирской железной дороги». Министр ответил на этот вопрос положительно и сказал, что провозоспособность Сибирской железной дороги им известна, что они имеют систематически сведения о пропускной способности Сибирской железной дороги от имеющихся в России элементов, находящихся в оппозиции к нынешнему Советскому правительству. Через них в Японии получают сведения о Сибирской железной дороге.

Вот они эти элементы, вот они эти лазутчики, разведчики, слуги империализма, торгующие интересами нашей страны. Вот они — агенты военного министра, собирающего свои силы на рубежах нашей страны для нападения на наши священные границы.

* * *

Я не могу не привести и еще одного обстоятельства. Орган японского министерства иностранных дел «Джапан Таймс» в январе 1937 года в передовой статье писал:

«То, что обе страны — Германия и Япония — естественно стремятся получить всякую информацию о СССР, могущую иметь военную ценность, должно быть принято, как факт. Если бы они не делали этого, то были бы дураками и не выполняли бы своего долга перед государством и страной. Возможность вооруженного столкновения с Советским Союзом когда-то в будущем не может быть с уверенностью исключена, хотя надо надеяться, что этого не произойдет. Поэтому государства, перед которыми стоит такая перспектива, обязаны готовиться всеми возможными путями к обеспечению победы при столкновении».

Вы хотите, господа обвиняемые, иметь, кроме ваших показаний, доказательства вашей преступной провокаторской, шпионской, разведывательной работы? Ищите эти доказательства на страницах органа министерства иностранных дел Японии, на страницах токийской газеты.

Японские агрессоры не только не скрывают своих шпионских вождедений, но, как в данном случае, когда это касается СССР, они восхваляют шпионаж как высшую патриотическую добродетель. Ясно, что мы к этим «добродетельным» людям, которые занимают сейчас скамью подсудимых, должны отнестись так, как это соответствует качеству и глубине их шпионской «добродетели».

Бухарин, Томский, Рыков, Ягода собирались открыть фронт. Но и тут, как и везде, как и во всей своей предательской работе, они действовали как провокаторы. И это тоже не случайно, ибо это характеризует метод работы этих господ. Они готовятся открыть фронт, но они хотят так изобразить дело перед рабочими и крестьянами всей нашей страны; перед всем нашим народом, что фронт открыли не они, а кто-то другой, что они, наоборот, против открытия фронта, против измены; они даже сговаривались о том, как этих, кто откроет фронт по их собственному приказанию, отдать под суд, чтобы сыграть, как цинично выразился Бухарин, на патриотических лозунгах. Я не сомневаюсь, что Бухарин использует либо свою защитительную речь, либо свое последнее слово для того, чтобы еще раз при помощи самой чудовищной цирковой эквилибристики придать этому свой особый смысл, чем тот, который придаю этому я, государственный обвинитель, на этом процессе, но иной смысл, мне кажется, придать этому нельзя.

Я процитировал на одном из заседаний судебного следствия то показание Бухарина, где он говорит о высоко поднявшейся волне советского патриотизма, который не позволит никому и никогда играть своей страной, который за каждый шаг измены потребует расплаты головою, жизнью изменников.

Бухарин и его дружки прекрасно понимали и оценивали значение этого величайшего, подлинно народного патриотизма, на высоком уровне которого стоит вся наша страна, от малого до великого, готовая в необходимости минуту своей грудью заслонить свою отчизну от нашествия иностранных интервентов. Они учитывали это, они знали и понимали, что с любовью народа к своей матери-родине нельзя шутить. И учитывая это, они построили всю эту систему провокаций и измены. Они готовы открыть широко ворота иностранной интервенции, но они хотят изобразить это дело так, как будто это дело каких-то

чужих рук, против которых они, эти иезуиты и фарисеи, эти иуды искарियोты и Василии Шуйские, якобы поднимают теперь свой голос «патриотизма». Бухарин говорил — отдать под суд виновных в открытии фронта, играя патриотическими лозунгами.

Игра разоблачена. Предательские маски с их лиц сорваны и сорваны раз и навсегда. Ни один из подсудимых не посмел отрицать своей преступной работы в направлении подготовки поражения СССР и расчленения СССР. Одни говорили об этом просто, грубо, цинично, другие же, опять-таки вернусь к Бухарину и Рыкову, иезуитски вуалировали свои признания, но и они в конце концов не посмели и не могли отрицать этого преступления перед нашим гласным советским судом. Уж слишком сильны улики и слишком убедительны доказательства.

* * *

Троцкий, как это было установлено на предыдущих процессах и как это вновь подтверждено на настоящем процессе, договорился с германской и японской разведками о совместной борьбе против СССР и Советской власти. Мы и на этом процессе имеем по этому поводу очень подробные показания одного из обвиняемых, именно обвиняемого Бессонова. Он сказал, что соглашение это было заключено на основе тех пяти пунктов, которые он привел в своих показаниях. Это, во-первых, обоюдный саботаж всех официальных отношений, саботаж нормализации отношений между СССР и Германией. Это что значит?

Это значит — система провокаций в международных отношениях. И это, конечно, не слова, потому что мы знаем, что троцкисты сумели под своей маской двурушничества пролезть на целый ряд достаточно ответственных постов, на которых практически осуществляется наша иностранная политика. Раковские, Крестинские, Юреневы и другие, Бессоновы и им подобные — это же все люди, которые выполняли порученное им дело дипломатического представительства СССР во внешних сношениях. Этим, между прочим, еще больше усугубляется их вина и тяжесть их ответственности перед Советским государством и советским народом.

Посланные для того, чтобы представлять интересы нашего государства, они в действительности всеми мерами боролись против этих интересов. Эти господа использовали свое должностное положение, — и так делал и Раковский, и Гринько, и Крестинский, — для того, чтобы сорвать дело мира, для того, чтобы принять все меры провокации возможных столкновений, в угоду империалистам.

Второй пункт соглашения — всестороннее сотрудничество троцкистских организаций в СССР с германскими подпольными и шпионскими организациями и их агентами. Для чего? Для подрыва военной и хозяйственной мощи СССР, для ускорения поражения СССР в войне.

Третий пункт — содействие германского фашизма государственному перевороту в СССР в целях перехода власти в руки «право-троцкистского блока».

Четвертый — ускорение интервенции и немедленное заключение мира с новым правительством после его прихода к власти — естественный шаг в плане той изменнической работы, которую вели эти господа.

Пятый — отторжение Украины от СССР в пользу Германии, как отторжение Приморья в пользу Японии, как и отторжение Белоруссии в пользу Польши, как расчленение всего нашего Советского Союза путем отторжения отдельных областей и республик и отдача их в распоряжение иностранных империалистов.

Бухарин должен был здесь признать, что условиями, на которых был заключен этот так называемый союз (а это вовсе не «союз», а это есть, в сущности говоря, хозяйско-приказчий договор), — этими условиями были расчленение СССР, отторжение от СССР Украины, Приморья, Белоруссии. Я спросил Бухарина: «В пользу кого?» И он ответил: «В пользу Германии, в пользу Японии, отчасти Англии». Это собственное признание Бухарина, от которого ему никуда не уйти и от которого он не уйдет.

Троцкисты и правые действовали именно в соответствии с этим соглашением. Гринько показал, как действовали украинские национал-фашисты во исполнение этого соглашения. Крестинский подтвердил, как они действовали во исполнение этого соглашения. Они, как указывал еще Троцкий, предусматривали диверсионную, шпионскую и вредительскую деятельность, деятельность гитлеровцев и троцкистов в СССР.

В антисоветском «право-троцкистском блоке» видное место занимали буржуазно-националистические группы, образовавшиеся в некоторых национальных республиках под прямым влиянием агентуры тех же иностранных разведок и под непосредственным руководством так называемого центра «право-троцкистского блока».

Изменники Гринько, Ходжаев, Шарангович, Икрамов — это прожженные, матерые контрреволюционеры, разных мастей, с большим контрреволюционным стажем от «Милли Истиклял» и «Милли Иттихад» до «право-троцкистского блока».

Рыков уверял Ходжаева, что под руководством правых узбекская националистическая организация может добиться «независимости» Узбекской республики.

Ходжаев должен был признать — а вы видели Ходжаева, это достаточно культурный человек, прекрасно разбирающийся во всех тонкостях и перипетиях той борьбы, в которой он принимал участие, — Ходжаев должен был признать, что он хорошо понимал лживость и фальшь этого лозунга о так называемой независимости Узбекской республики, он понимал прекрасно, что под этим лозунгом скрывается в действительности зависимость узбекского народа от эксплуататоров той капиталистической страны, которая поможет этой республике добиться своей этой призрачной независимости.

Вместе с Рыковым в эхом же направлении действовал и Бухарин, восхвалявший, по словам Ходжаева, германский фашизм, говоривший, что фашистская Германия сейчас всеми силами работает над тем, чтобы сделать Германию гегемоном Европы, и что возможно соглашение между Японией и Германией для борьбы с СССР.

Бухарин уговаривал Ходжаева найти пути и дороги к английской разведке через тех курбаши, о которых здесь показывал нам Ходжаев. Бухарин предлагал

связаться с английскими кругами, кое-что пообещать Англии. Он говорил: «Не может Узбекистан с 5 миллионами населения сделаться независимым государством между двумя колоссами: с одной стороны, Советским Союзом, с другой стороны — Англией. Нужно пристать к какому-нибудь берегу». И Бухарин толкает Ходжаева, достаточно, впрочем, подготовленного и самого по себе, на то, чтобы пристать к берегу буржуазной контрреволюции.

Бухарин говорит о стабилизации капитализма, о том, что в этом деле сыграл огромную роль фашизм, особенно немецкий фашизм. Он всячески, как верный пес этого фашизма радостно лает, возвещая свой восторг перед этим немецким фашизмом.

Бухарин в этом направлении обрабатывал и Икрамова, хотя Икрамов таков, что ему тоже палец в рот не клади. Бухарин лгал на Ленина, он говорил, что колониальные страны не могут прийти к социализму при поддержке пролетариата СССР, минуя стадию капитализма, и т. д., Бухарин проповедовал, в интересах окончательного усвоения Икрамовым, теорию и практику реставрации капитализма, не только в Узбекистане, но и во всем СССР. Он сказал: «Ваши средства мелочны. Вы хотите ждать, когда придет трудный момент для Советской власти, и тогда вы будете действовать. Нет, лучше надо действовать. Мы одобряем ваши действия в вопросе отторжения Узбекистана. В этом вопросе у правых есть договоренность с украинскими националистами, с белорусскими националистами и националистами других республик».

* * *

Право-троцкистские и буржуазно-националистические изменники в угоду своим капиталистическим хозяевам хотели вернуть под капиталистическое ярмо освобожденные Великой социалистической революцией, ранее угнетавшиеся царизмом, помещиками и капиталистами народы наших братских союзных республик. Не смея открыто сказать о своих предательских планах порабощения народов, поднятых на громаднейшую высоту в результате ленинско-сталинской национальной политики, на высоту культурно-политического и экономического расцвета, — эти предатели практиковали свои предательские, лживые, обманные лозунги и речи о независимости этих республик.

Будто есть другая страна в мире, кроме СССР, где была бы действительно обеспечена подлинная национальная независимость, подлинная и полная национальная культура, подлинное процветание миллионных масс народов! Такой страны, кроме СССР, нет во всем мире! В то время, как в колониях капиталистических стран — в Индии, Алжире, Тунисе, Марокко, как и в восточных странах, народы изнывают под тяжелым игом капиталистического гнета, где все больше прогрессируют бедность и нищета, вымирание масс от голода, где процветает сифилис, туберкулез, где все больше и больше процветают разорение и пауперизация, — в СССР, в ее славных одиннадцати союзных республиках все больше и больше растет материальное благосостояние масс, все выше и выше поднимается национальная по форме, социалистическая по содержанию культура, все радостней и ярче сверкает великими благословенными лучами засиявшее над богатыми необозримыми просторами этих республик новое, социалистическое солнце, солнце неувыдаемой славы

братского нерушимого союза народов — Союза Советских Социалистических Республик.

Провокаторы, разведчики, фашисты, конечно, добивались отделения союзных республик от нашего Союза.

Почему они добиваются этого? Потому, что, как об этом писал товарищ Сталин уже 18 лет тому назад, отделение окраин подорвало бы революционную мощь центральной России, стимулирующую освободительное движение Запада и Востока. «...Сами отделившиеся окраины,— писал товарищ Сталин,— неминуемо попали бы в кабалу международного империализма». Подлинная независимость национальных республик обеспечивается лишь в условиях Советского государства, в условиях победившего социализма, на основе великой Сталинской Конституции.

* * *

Эта шайка изменников действовала уже известными, не раз вскрытыми судом, преступными методами: методом вредительства, диверсии, шпионажа, террора. Вредители, диверсанты, шпионы проникли в ряд отраслей и заняли там руководящее положение. Так было с Черновым, занимавшим высокий пост народного комиссара земледелия Союза, так было с Гринько, занимавшим высокий пост народного комиссара финансов СССР, так было с Розенгольцем, занимавшим высокий пост народного комиссара внешней торговли СССР, так было с Зеленским, бывшим председателем Центросоюза, так было еще в ряде других случаев. В руках этих преступников были, конечно, такие возможности самого широкого и в то же время самого замаскированного и самого опасного вредительства, какие редко бывают в руках преступников.

Основная задача подрывной вредительской деятельности этого «право-троцкистского блока» была — всячески подорвать экономическую мощь СССР. Ликвидировать советскую социалистическую систему, ослабить обороноспособность СССР, оборонную промышленность, разрушить сельское хозяйство, ликвидировав колхозы и совхозы, разрушить транспорт, роль которого во всем народном хозяйстве исключительно велика, — таковы чудовищные задачи, которые ставили перед собой преступники.

Они ставили задачу приурочить наступление всех этих пагубных последствий к моменту военного нападения иностранных агрессоров на СССР и не только приурочить их к моменту нападения, но добиться и того, чтобы эти преступные действия сыграли и самостоятельную роль, как определенные пути к ослаблению мощи Советского государства.

Преследуя свою основную цель — свержение Советской власти, «право-троцкистский блок», — как это показало наше судебное следствие, — не остановился перед самыми грязными и самыми циничными методами, чтобы подорвать доверие масс к органам Советской власти, чтобы посеять среди населения недовольство Советами и восстановить, по возможности, народ против Советской власти.

Эта провокационная деятельность, проводимая каждым из обвиняемых там, где он работал, представляет собой громаднейшую общеполитическую опасность. Об этом особенно свидетельствуют такие дела, как, например,

упоминавшееся здесь на суде лепельское дело: бесчинства и беззакония, осуществлявшиеся по указке этого блока заговорщиками и преступниками, были направлены к тому, чтобы практикой незаконных действий дискредитировать в глазах широчайших масс населения Советскую власть.

Суд и следствие показали, как бессовестно-циничны и чудовищно-преступны были те способы и средства, которые блок применял для осуществления своих целей. Эта вредительская подрывная работа представлялась особенно опасной ввиду того исключительного и особого положения, которое занимал ряд подсудимых в системе советского государственного аппарата.

Возьмите финансы. Основной установкой вредителей в области финансов — как это сформулировал Рыков, с согласия Бухарина — было «ударить по Советскому правительству советским рублем». Это перефразировка старого троцкистского лозунга, который известен по другим процессам через Пятакова — «бить наиболее чувствительными средствами по наиболее чувствительным местам».

«Ударить по Советскому правительству советским рублём» — вот директива, которая определяла всю деятельность Гринько, бывшего народным комиссаром финансов и в то же самое время действовавшего в качестве агента германской и польской разведок и сподручного Бухарина и Рыкова. Именно эту директиву, это решение «блока» он старался провести в жизнь не за страх, а за совесть (хотя и растленную совесть).

Больше того. Известно, что финансовая работа не имеет замкнутого значения, что она определяет собою направление и развитие всех других отраслей промышленности. И это учитывается преступным блоком вредителей. Вредительство в финансовом деле перебрасывается на различные хозяйственные области. В сельском хозяйстве, которое для СССР имеет огромное значение, вредительская работа насколько возможно должна была сорвать задачу 7—8-миллиардного урожая, поставленную перед нами партией и правительством.

Гринько напомнил, как он вредил в области налогового дела, в области сберегательного дела, где стремились всячески озлобить население. Каждый из нас хорошо знает, как безобразно было поставлено сберегательное дело при Гринько, когда нужно было тратить массу времени, наталкиваться на всякого рода бесконечные неприятности и дерзости, грубость и невнимание к вкладчикам, когда старались всячески озлобить и отпугнуть население от сберегательной кассы.

Теперь Гринько прямо сказал, в чем тут секрет, а секрет заключался в стремлении вызвать озлобление вкладчика, подорвать сберегательное дело. Во главе этого дела был поставлен, по собственному выражению Гринько, такой головорез, как Озерянский, который в то же время подготовлял террористические акты против руководителей нашей партии и правительства.

Я не касаюсь других фактов, свидетельствующих о том, что в лице Гринько мы видим старого закоренелого врага Советской власти, целиком и полностью продавшегося немецкой разведке, активно боровшегося путем вредительства, диверсии, измены и террора против Советской власти, за реставрацию капитализма...

Возьмите другого разведчика — Чернова, несомненно, «талантливого» человека, потому что он успел побывать за один только вечер у Дана с Кибриком, подраться с полицейскими, попасть в полицейпрезидиум и сделаться немецким разведчиком.

Ничего тут невероятного, однако, нет. Так в жизни как раз и бывает с такими людьми, как Чернов. Это теперь у него вид более или менее свежий и здоровый. Заключение ему в значительной степени помогло. На воле у него было иное лицо, испитое лицо алкоголика, который больше пил, чем работал, это был человек, больной социальным недугом — алкоголизмом. И вот по поручению правительства он поехал за границу. Но одновременно берет на себя поручение «блока», который пользуется его случайной командировкой для того, чтобы направить его для организации связи с Даном. Попадает он к Дану и Кибрику. Дан и Кибрик — это ясно — немецкие разведчики. Это видно хотя бы из того, что тот разговор, который он вел с Даном и Кибриком, стал тут же известен разведке полицейпрезидиума.

Говорят, что «стены имеют уши», но есть и такие стены, которые имеют и глаза, стены, через которые все не только видно, но и доступно фотографическому аппарату. И вот, в то время, когда Чернов выпивал и закусывал с Даном и Кибриком, щелкает фотоаппарат и увековечивает на фотопластинке это «свидание друзей» — Чернова и Дана. В руках полицейпрезидиума — документ, который может испортить Чернову всю его карьеру. Поехал он по поручению правительства, а оказался связанным с такими матерыми меньшевиками, как Дан и Кибрик, с ними он ведет шашни. Это может стоить Чернову не только политической карьеры. И на этом играет немецкая разведка. Она не считает Чернова достаточно высокопоставленным человеком для того, чтобы доставить его на такси, — обойдется и троллейбусом. Но в троллейбус садятся люди, которые начинают драку, начинают скандал, который заканчивается в полицейском участке. Хорошая картина — народный комиссар, который заводит скандал и бьет по щеке полицейского. Прибавьте к этому компрометирующие фотоснимки, и Чернов уже «испекся». Чернов должен либо честно рвать и повернуть круто на 180°, либо плыть по тому течению, по которому он поплыл. К этому надо добавить, что Чернов бывший меньшевик, который сохранил свой меньшевизм до последнего часа. Следовательно, он мог бы, так же как Розенгольц, повторять те же слова молитвы — «да расточатся врази». По поводу Чернова даже Рыков сострил, что Чернов в один вечер успел побывать в полицейпрезидиуме и попасть в разведчики.

А разве иначе происходит вербовка агентов разведок? Из множества материалов, печатающихся за последнее время, известно, как ловят и в дансинге, и в частных беседах, и в любовных делах, когда специально подсовывают представительниц прелестного пола, играющих роль далеко не прелестных представительниц далеко не прелестных учреждений. Известно, что и в картишках ловят, и на бутылке коньяку ловят. Ловят так, как ловят бабочек, летящих на огонек.

На прошлом процессе мы видели, как немецкая разведка, надо ей отдать справедливость, искусно завербовала Строилова. Раковский тут рассказывал,

как его, человека с большим опытом житейских отношений, завербовали английская и японская разведки, и о том, как какой-то Армстронг или Леккерт сделал его английским разведчиком.

Вот Чернов, он действует по заданию немецкой разведки и прямо говорит: «Особым условием немецкая разведка ставила организацию вредительства в области коневодства». С тем, чтобы, как говорил Райвид, не дать лошадей для Красной Армии. Ясная постановка вопроса. Чернову нетрудно выполнить это задание, и он приступает к выполнению этого задания. Этот человек специально выделяет 3 фабрики: Кашинцевскую, Орловскую, Ставропольскую. Для чего? Для того, чтобы там вырабатывать, как он выражается здесь, «биопрепараты с неослабленными бактериями». Он это делает для того, чтобы сорвать коневодство, сорвать поголовье, подорвать вообще животноводство.

Конечно, кто же может это сделать, как не лицо, занимавшее такой высокий пост, как не Чернов? Кто еще мог организовать специальные фабрики для выработки заразных препаратов? Только он. И он это осуществлял. Он здесь сам сказал, что 25000 лошадей погублено по его заданию. В таких краях, как Сибирь, было уничтожено большое количество лошадей, Они специально прививали рожу и чуму свиньям. Делали это и в Воронежской области, и в Азово-Черноморском крае, и в Ленинградской области.

Задача поставлена просто — ослабить обороноспособность Красной Армии. Это не просто вредительство, это шпионское вредительство, это лазутчики военного неприятеля, который решил последовать примеру эпохи Илиады и Одиссеи. Ввести троянского коня вовнутрь города, чтобы в случае чего этот конь сыграл роль опорной базы против защитников родины.

* * *

Розенгольц тоже действует так, как это интересует немцев и японцев. Он заключает специально в интересах этих иностранных государств нефтяной договор. Он специально вредительски организует экспорт золотоотходов в интересах тех же государств, в прямое нарушение интересов своего отечества. Он организует вредительский и преступный экспорт в Японию чугуна, чтобы этот чугун пошел как раз на те снаряды, которыми собирается японская военщина, если не бомбардировать, то, во всяком случае, пугать наше отечество. Он всячески задерживает оборонный импорт. Он действует так, как ему приказала разведка, используя свое высокое положение, обманывая, предательски-вероломно изменяя своему государственному долгу.

Икрамов вместе с Ходжаевым не отстают во вредительстве от своих центральных «коллег». Он сам показывал здесь о вредительстве в Намангане, о вредительстве на шелкомотальных фабриках, на хлопкоочистительных заводах, о вредительстве в организации хлопкового хозяйства. По их показаниям, в организации этой вредительской подрывной работы роль Рыкова и Бухарина была совершенно отчетливой — роль, которую можно назвать руководящей.

Зеленский. Здесь я только укажу на эту позорнейшую практику подбрасывания в предметы продовольствия стекла и гвоздей, в частности в масло, что било по самым острым жизненным, интересам, интересам здоровья и жизни нашего населения. Стекло и гвозди в масле! Это же такое чудовищное

преступление, перед которым, мне кажется, бледнеют все другие подобного рода преступления. В нашей стране, богатой всевозможными ресурсами, не могло и не может быть такого положения, когда какой бы то ни было продукт оказывался в недостатке. Именно поэтому задачей всей этой вредительской организации было — добиться такого положения, чтобы то, что у нас имеется в избытке, сделать дефицитным, держать рынок и потребности населения в напряженном состоянии. Напомню тут только эпизод из деятельности Зеленского — историю с 50 вагонами яиц, которые Зеленский уничтожил сознательно для того, чтобы Москву оставить без этого необходимейшего продукта питания.

Теперь ясно, почему здесь и там у нас перебои, почему вдруг у нас при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет другого, нет десятого. Именно потому, что виноваты в этом вот эти изменники. Тем более это давало им почву для создания настроений против системы нашего хозяйственного управления, против всей системы Советской власти. Бить по насущнейшим потребностям населения — это, в сущности говоря, выполнять старую директиву Рябушинского, который собирался костлявой рукой голода задушить пролетарскую революцию. Не удалось!

Организуя вредительство, все эти Рыковы и Бухарины, Ягоды и Гринько, Розенгольцы и Черновы и т. д. и т. п. преследовали в этой области определенную цель: попробовать задушить социалистическую революцию костлявой рукой голода. Не удалось и никогда не удастся!

Шарангович разводит анемию лошадей — падает 30 тысяч лошадей. Шарангович подрывает торфяную промышленность. Шарангович сознательно сеет национальную рознь, развивая националистические чувства среди белорусского населения.

Иванов разрушает заводы, разрушает целлюлозно-бумажную промышленность, хотя и с осторожностью, с оглядкой, как бы слишком не попортить интересам английских хозяев, которым «право-троцкистский блок» хотел передать лесное хозяйство и на которых работал в меру сил своих и возможностей.

Вот вопиющая, чудовищная картина глубоко продуманной, строго организованной — нельзя преступникам не отдать справедливости,— строго спланированной системы вредительских и диверсионных мероприятий, которые были направлены не только на то, чтобы подорвать обороноспособность и хозяйственную мощь нашей страны, но и на то еще, чтобы спровоцировать недовольство, раздражение в широчайших массах населения при помощи таких средств, которые трудно разоблачить.

И к этому добавляется организация прямых и открытых вооруженных выступлений против Советской власти, которая имеет тоже свою историю. Бухарин посылает вместе с Рыковым Слепкова на Северный Кавказ, Яковенко в Сибирь, которые и вызывают там повстанческое движение, связываются с казачьими белогвардейскими кругами за границей, готовят казачий десант на Северном Кавказе. Рыков с Зубаревым организуют на Урале повстанческие отряды. Икрамов с Ходжаевым организуют повстанческие отряды под руководством тех же Бухарина, Рыкова и других в Средней Азии из мулл, баев, всякого рода деклассированных элементов. Даже Иванов в Северном крае, и тот работает над организацией повстанческих отрядов, по прямому, поручению

Бухарина, из высланных кулаков, — очевидно, таким путем Бухарин и хотел обеспечить кулакам возможность вставания в социализм.

* * *

Я перехожу теперь к следующему разделу, а именно — к террористической деятельности обвиняемых и задуманным и осуществленным ими убийствам деятелей Советского государства: убийствам С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького и к убийству М. А. Пешкова.

Это один из наиболее мрачных и наиболее тяжелых моментов процесса.

Как Рыков мотивировал переход своей подпольной группы к террору? Очень откровенно. Он говорил: «При нелегальном, заговорщическом характере контрреволюционной организации правых, при отсутствии какой-либо массовой базы для ее контрреволюционной работы, при отсутствии надежды каким-либо другим путем прийти к власти принятие террора давало, по мнению центра, какую-то перспективу».

Рыков рассказал на суде полно и последовательно, как в подполье формировалась организация правых, как происходил переход ко все более и более резким формам и методам борьбы.

Наращение террористических настроений Рыков относит еще до 1930 года. Приблизительно в 1932 году оформилось, по показаниям Рыкова, то, что он назвал положительным отношением к применению террора как метода борьбы за власть. Причем Рыков здесь сделал некоторое философское отступление, подчеркнув, что он не мыслит себе террора в теории без практики. И действительно, ставши на позицию террора, Рыков сейчас же перешел к организации террористических актов и начал готовить эти террористические акты, подготавливать убийства наших руководителей с такой же педантичностью и с таким же спокойствием, как он давал свои пояснения здесь на суде и как, очевидно, он в свое время подписывал приказы по почтовому ведомству.

Смертельным холодом и смрадом веет от этих показаний Рыкова и других право-троцкистских фашистских заговорщиков.

Террор на полном ходу. Этим террором занимается систематически и педантично весь блок.

Бухарин тоже стоял за террор, хотя, как он заявлял, ориентировался скорее не на террор, а на массовые восстания. Ну, как он там ориентировался, это его дело объяснять, но мы знаем, что он очень давно — сейчас это надо считать полностью доказанным — принимал участие еще в 1918 году в организации террористических актов и Каплан, и «левых» эсеров, и троцкистов, и правых эсеров. Он сам говорит полным голосом о том, что затем в 1932 году он ведет переговоры с бывшим эсером Семеновым, организатором террористических актов и руководителем боевых эсеровских дружин, ведёт переговоры об организации террористической борьбы против товарища Сталина и товарища Кагановича. В 1932 году Бухарин через Пятакова и Седова ведет переговоры о том условии, директиве, или, как он называет, установке Троцкого, которая заключалась в необходимости перейти к террору. И характерно, Бухарин тотчас же переходит к практическому осуществлению этой установки. Сейчас ясно, что бухаринская позиция в этом вопросе далеко не теоретическая, он действует как

настоящий практик, ибо он-то и вел с Семеновым переговоры, он поручал Семенову организацию террористического акта. Именно он, хотя и несколько позже, поручал организацию вооруженного кровавого кулацкого восстания своему выученцу Слепкову и другим. Заговорщический блок широко развертывает организацию террористических групп, которые практически готовят совершение террористических актов, убийство Кирова. Это убийство было полностью раскрыто и разоблачено на предыдущем процессе, но только теперь установлено, что деятельность троцкистско-зиновьевского центра, убившего Сергея Мироновича Кирова, не носила самостоятельного характера. Теперь установлено, что Киров был убит по постановлению вот этого именно «право-троцкистского» центра, вот этого блока, который можно назвать центром всех центров.

Обвиняемый Ягода подтвердил на суде, что убийство Кирова совершено по прямому решению «право-троцкистского блока», что это решение осуществлено было Ягодой, на которого и была возложена эта позорная обязанность. И Ягода эту обязанность выполнил. Он дал распоряжение заместителю начальника областного управления НКВД в Ленинграде Запорожцу принять все меры к тому, чтобы это убийство совершилось. За пару месяцев до убийства Леонид Николаев был задержан и приведен в областное управление, у него обнаружили револьвер с патронами и запись маршрута Кирова, которые полностью изобличали подготовку этим негодяем чудовищного злодеяния. Но Запорожец, следуя прямым распоряжениям Ягоды, освободил этого негодяя, а через пару месяцев Николаев убивает Кирова, осуществляя этот злодейский акт при непосредственном участии презренного изменника Ягоды, на которого была возложена тогда охрана членов правительства.

Ягода подтвердил на суде, что Рыков и Бухарин участвовали в принятии этого решения; что Рыков и Енукидзе участвовали на заседании центра, где обсуждался вопрос об убийстве С. М. Кирова; что Рыков и Енукидзе принимали, таким образом, непосредственное участие в обсуждении самого вопроса об убийстве Сергея Мироновича Кирова. На мой прямой вопрос, правду ли здесь говорят Бухарин и Рыков, заявляя, что они не знали об этом убийстве, Ягода заявил, что этого быть не может, потому что когда Енукидзе передавал о том, что «право-троцкистский блок» на совместном заседании решил вопрос о совершении террористического акта над Кировым, он, Ягода, отказывался от этого по некоторым «тактическим» конспиративным соображениям, но все же был осведомлен, что это — решение их центра, а не выступление какой-то партизанской кучки заговорщиков, что это решение исходило от «право-троцкистского блока», в котором активное участие принимали и Бухарин и Рыков.

Сейчас в точности установлено, что убийство тов. Кирова было совершено при ближайшем участии Ягоды. Я считаю доказанным и то, что убийство было совершено при ближайшем участии Рыкова и Бухарина.

Какие у меня доказательства?

Если представить, что Рыков и Бухарин в этом убийстве не участвовали, то надо признать, что два основных руководителя «право-троцкистского блока», принявшего решение об убийстве Кирова, почему-то стояли в стороне от этого злодейского акта. Почему? Люди, которые организовывали шпионаж,

организовывали повстанческое движение, террористические акты и, по их собственным признаниям, получили установку от Троцкого на террор, в 1934 году вдруг стояли в стороне от убийства одного из крупнейших сподвижников Сталина, одного из крупнейших руководителей партии и правительства.

Бухарин и Рыков знали об этом! Об этом крупнейшем террористическом акте не могли не знать такие крупные главари этого «право-троцкистского блока», какими являлись Рыков и Бухарин. Если бы они не знали об этом, это было бы противостоестественно, это лишено всякой логики.

Бухарин и Рыков признали, что у них в плане были намечены убийства руководителей партии и правительства, членов Политбюро. Об этом же шли переговоры у Семенова с Бухариным или у Бухарина с Семеновым. Почему мы должны допустить, что, вступив на путь переговоров с Семеновым об организации убийства членов Политбюро, Бухарин исключает из этого списка подлежащих умерщвлению одного из влиятельнейших членов Политбюро, зарекомендовавшего себя непримиримой борьбой с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами? Где логика такого поведения? Этой логики нет?

Наконец, Рыков признал, что в 1934 году он дал Артеменко задание следить за правительственными машинами. С какими целями? С террористическими. Рыков организует убийство членов нашего правительства, членов Политбюро. Почему Рыков делает исключение для Сергея Мироновича Кирова, который все же был убит по решению этого проклятого блока? Он этого исключения не сделал.

Енукидзе и Ягода были членами центра и ближайшими людьми к Бухарину и Рыкову. Как же можно допустить, что Енукидзе и Ягода — участники убийства Сергея Мироновича Кирова, ближайшие люди к Рыкову и Бухарину, люди, которые были в центре всей системы осуществления террористических актов против руководителей партии и правительства, — как можно допустить, что именно Рыков и Бухарин не знали о том, что знал Енукидзе — ближайший друг, соучастник и сообщник Бухарина и Рыкова, что знал Ягода — ближайший друг, соучастник и сообщник Бухарина и Рыкова, а Рыков и Бухарин об этом не знали?

Вот обстоятельства, которые уличают полностью участие Рыкова и Бухарина в организации убийства Сергея Мироновича Кирова.

* * *

Но убийством Кирова не ограничивается, как это установлено судебным следствием, террористическая деятельность право-троцкистских изменников.

Как установлено следствием, Алексей Максимович Горький, Вячеслав Рудольфович Менжинский и Валериан Владимирович Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных по заданию этого же «право-троцкистского блока». Пал жертвой убийства и сын А. М. Горького — М. Пешков.

Ягода по этому вопросу дал такие показания:

«Я категорически заявляю, что убийство Кирова было проведено по решению центра «право-троцкистского блока». По решению этого же центра были произведены террористические акты и умерщвлены Куйбышев, Менжинский и Горький»,

Это же подтвердили и те лица, которые непосредственно принимали участие в этом убийстве. Подлый замысел шефа убийц — Ягоды — был осуществлен самым вероломным, подлым и иезуитским способом. Ягода сначала пытался отрицать свое участие в организации убийства Максима Алексеевича Пешкова. Потом он это признал на закрытом судебном заседании. Он полностью подтвердил, как это записано в протоколах судебного следствия, свои показания на предварительном следствии, подтвердил, что он организовал убийство Максима Пешкова, объяснив свое нежелание говорить об этом тем, что мотивы убийства носят сугубо личный характер.

Но относительно убийства Менжинского Ягода говорил и на открытом заседании, отрицая, однако, здесь личные карьеристские соображения. Он прямо сказал:

«Я отрицаю, что в деле умерщвления Менжинского мною руководили личные соображения. На пост руководителя ОГПУ я претендовал не личным соображениям, не из карьеристских соображений, а в интересах нашей заговорщической деятельности».

Это вполне вероятно, но одно не исключает другого. То, что Ягода способен на убийство из личных мотивов, доказывает его личное признание в убийстве Максима Пешкова. Он прямо сказал, что мотивы личные. Следовательно, не исключается возможность, что и здесь Ягодой руководили и личные мотивы.

Он говорит, что по этому вопросу было специальное решение центра, переданное ему Енукидзе. Здесь было предусмотрено использование врачей, что создавало полную гарантию в смысле невозможности разоблачения.

Как мы видим, Ягода — не простой убийца. Это — убийца с гарантией на неразоблачение. Его предположения, однако, и здесь не оправдались. Гарантия оказалась гнилой, она провалилась. Ягода и его подлая преступная деятельность разоблачены, разоблачены не той предательской разведкой, которую организовал и которую направлял против интересов Советского государства и нашей революции изменник Ягода, а разоблачены настоящей, подлинно большевистской разведкой.

Енукидзе и Ягода беседуют на тему, как лучше с точки зрения тех гарантий, которых искал Ягода, отправить на тот свет Менжинского и избранные им другие жертвы. Ягода выдвигает свою хитроумную мысль: добиться смерти, как он говорит, от болезни, или, как он здесь на суде сказал: «Я признаю себя виновным в заболевании Максима Пешкова». Это, между прочим, не так парадоксально, как это может казаться на первый взгляд. Подготовить такую обстановку, при которой бы слабый и расшатанный организм заболел, а потом выработать такие методы лечения или, как сказал Плетнев, подсунуть ослабленному организму какую-либо инфекцию, не бороться с болезнью, помогать не больному, а инфекции и таким образом свести больного в могилу — это не так парадоксально.

Ягода стоял на высоте техники умерщвления людей самыми коварными способами. Он представлял собою последнее слово бандитской «науки», перекрыв целый ряд других преступников, которые не понимали этих далеко и глубоко идущих преступных замыслов Ягоды.

Енукидзе отклонил предложение Ягоды о том, чтобы Сергея Мироновича Кирова умертвить путем болезни. Он говорил: убийство Кирова должно

совершиться так, как намечено центром. Но тут же он обещал, как говорил Ягода, что в следующую очередь они используют рецепт и средства, предлагаемые Ягодой.

Эта очередь наступила, когда встал вопрос о последующих убийствах.

«Когда Енукидзе передавал решение контактного центра об убийстве Кирова, я выразил опасения, — говорил Ягода, — что прямой террористический акт может провалиться не только меня, но и всю организацию. Я указывал Енукидзе на менее опасный способ и напомнил ему, Енукидзе, о том, как при помощи врачей был умерщвлен Менжинский. Енукидзе ответил; что убийство Кирова должно совершиться так, как намечено, и что убийство это взяли на себя троцкисты и зиновьевцы, а наше дело — не мешать.

Что касается безопасного способа умерщвления при помощи врачей, то Енукидзе сказал, что в ближайшее время центр обсудит, кого именно из руководителей партии и правительства нужно будет убить этим способом в первую очередь».

Можно ли идти дальше в этом беспредельном цинизме и коварстве, когда с омерзительным спокойствием и хладнокровием люди обсуждали, кого лучше убить из руководителей партии и правительства и каким способом, чтобы избежать своего разоблачения.

Ягода дальше говорил:

«Через несколько времени, при следующей встрече моей с Енукидзе, он сообщил мне, что центр принял решение приступить к ряду террористических актов над членами Политбюро и, кроме того, персонально над Максимом Горьким.

Енукидзе мне объяснил, что «право-троцкистский блок», имея в виду, как ближайшую перспективу, свержение Советской власти, видит в лице Горького опасную фигуру. Горький — непоколебимый сторонник сталинского руководства, и, несомненно, в случае реализации заговора, поднимет голос протеста против нас, заговорщиков».

Вот почему был поставлен вопрос, решенный окончательно этим блоком, об умерщвлении Алексея Максимовича Горького.

Еще одно решение об устранении пало на Валериана Владимировича Куйбышева, как на одного из активных членов ленинско-сталинского Политбюро.

Таким образом, за этот короткий срок три жертвы, три преждевременно погибших замечательных человека сошли в могилу по решению «право-троцкистского блока».

* * *

Трое лучших людей нашей страны, преданные сыны своей родины, пали жертвой бесстыдного заговора предателей. И среди них — гордость русской и мировой литературы — великий русский писатель, гениальный художник Алексей Максимович Горький.

Каждая строка его песен и сказок, повестей и романов дышит благородством, жаром революционных действий. Недаром он свою жизнь связал с великим Лениным и великим Сталиным как их лучший и ближайший друг. Недаром Ленин не раз писал, что Горький — громадный художественный талант,

который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

Недаром Ленин писал, что Горький — безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим классом России и всего мира. Горький чуял грядущую бурю, он предвещал победу нашего движения, победу светлого пролетарского разума над мраком и подлостью капитализма.

От предательских ударов в больное сердце великого человека погиб лучший из друзей трудящегося человечества, погас один из самых ярких и сильных светильников человеческого разума и человеческой красоты. Этот светильник загасили вот эти изменники, вот эти человекообразные звери, хладнокровно и предательски навеки остановившие горячее и благородное сердце великого человека.

Теперь все раскрыто. Теперь известны не только способы убийства, но их мотивы и самые убийцы. Бессонов говорит, что, когда он в июле 1934 года виделся в Париже с Троцким, который всегда злобно ненавидел Горького, как и Горький ненавидел обер-бандита международного шпионажа и предательства Троцкого, тогда Троцкий сказал, что Горького надо устранить во что бы то ни стало, что Горький широко популярен как ближайший друг Сталина, как проводник генеральной линии партии. Троцкий дал Бессонову прямое поручение, которое приказал передать Пятакову. Как говорит Бессонов, поручение это было дано в самой категорической форме: Горького уничтожить физически во что бы то ни стало. И это приказание врага народа и обер-бандита Троцкого было Бессоновым привезено сюда, в СССР, и передано Пятакову, передано блоку, который, как это показал Ягода и как это я докажу дальше, принял это поручение, принял решение об убийстве А. М. Горького. Это так чудовищно, что на этом я считаю необходимым остановиться особо и специально.

Первый вопрос, который я хотел бы здесь поставить, это вопрос о том, участвовали ли в этом деле Рыков и Бухарин, знали ли они о том, что готовится это чудовищное злодеяние. На этот вопрос я отвечаю без колебаний и твердо: да, знали; да, участвовали. Я не хочу оперировать никакими другими показаниями и, в частности, показаниями Ягоды — я буду оперировать: 1) показаниями самих Рыкова и Бухарина и 2) тем, что я называю логикой вещей. Как обстоит здесь дело? Вы посмотрите, что говорит по этому поводу Рыков. Рыков показал, что у него, у Рыкова, имел место разговор с Енукидзе, т. е. с одним из активнейших участников и организаторов заговорщического блока. Насколько он был активным в организации убийств, у нас имеются показания Максимова-Диковского. Енукидзе не раз вызывал его к себе и давал указания, как лучше обеспечить смерть Валериана Владимировича Куйбышева. Енукидзе занимался этим «делом» вместе с Ягодой. Вот с этим Енукидзе Рыков ведет разговор. О чем? Возьмем только то, что сказал сам Рыков: «...мне Енукидзе сообщил, что троцкисты и зиновьевцы чрезвычайно озабочены тем влиянием, которое приобретает Горький, что он является решительным сторонником Сталина и генеральной линии партии». Это то же самое, что услышал Бессонов от Троцкого в 1934 году и что привез сюда осенью 1934 года и передал воротилам, руководителям, главарям этого блока.

Итак, из показаний Рыкова вытекает первое неопровержимо установленное обстоятельство. Рыков и Енукидзе ведут разговор в 1935 году о Горьком, они говорят о громадном влиянии, которое имеет на общественность Алексей Максимович Горький как верный друг и сторонник генеральной линии партии, как верный друг и сторонник сталинского руководства. Вот это и беспокоит троцкистов и зиновьевцев, это беспокоит их так же, как беспокоило их тогда, когда они обсуждали убийство Сергея Мироновича Кирова. Ибо Сергея Мироновича Кирова они избрали жертвой своего злодейства по тем же мотивам. И здесь есть полное тождество, полная историческая логика этого заговора.

Что же дальше следует? «Они (троцкисты и зиновьевцы) считают необходимым, — говорит Рыков, — ввиду такого значения Горького — а значение его у нас и за границей не нуждается в подтверждении, — они настаивают, как он выразился, на ликвидации его политической активности». Если бы Рыков сказал только то, что он сказал, то этого было бы достаточно. Даже для детей совершенно ясно было бы, в чем тут дело. Как можно ликвидировать политическую активность взрослого человека в нашей стране? Как можно было заставить Горького перестать быть политически активным в том направлении, в каком он проявил себя как борец за большевистскую, ленинско-сталинскую правду? Как можно заставить?

В Америке разные Аль Капоне организуют бандитские налеты, захватывают людей или их детей в плен и потом вымогают деньги. Но у нас этого сделать нельзя, ибо мы рубим руки всяким Аль Капоне. Как же можно было в нашей стране, в условиях Советского государства, как они могли лишиться Горького возможности проявлять политическую активность, иначе как остановив его жизнь? И Рыков на мой вопрос прямо сказал: «Он, т. е. Енукидзе, говорил настолько в повышенных тонах или резко враждебных выражениях, что мне было ясно, что за этим тоном кроется возможность применения насильственных мер». Следовательно, я считаю совершенно точно установленным, что в 1935 году Енукидзе с Рыковым говорили о Горьком в угрожающих для жизни Горького тонах. Причем для Рыкова было совершенно несомненно, что речь идет о применении насильственных мер по отношению к Горькому. И тут я опять задаю тот же вопрос: «Что же это за насильственные меры? Что же, вы рассчитывали А. М. Горького изолировать, рассчитывали подвергнуть его какому-нибудь заточению? Как это можно было сделать в нашей стране, в стране пролетарской диктатуры?» Это можно было сделать только одним способом — умертвив Горького. Рыков понимает, что только так этот вопрос и мог стоять и только так мы имеем право трактовать этот преступный разговор, который был не чем иным, как информацией Рыкова со стороны Енукидзе о подготовлявшемся убийстве Алексея Максимовича Горького.

Наконец, на последний мой вопрос на судебном следствии «Что означает «довести до насильственных мер?» Можно ли это понимать — довести до убийства?» — Рыков прямо сказал: «Конечно».

Я спрашиваю Рыкова: «Вы знали о готовящемся убийстве Горького?» Как же должен был ответить на этот вопрос Рыков, если он не знал об этом

преступлении? Он должен был бы сказать: «Я не знал». А что сказал Рыков? Вот стенограмма, он сказал: «Не совсем так». Получается не совсем так, но так!..

Я считаю совершенно доказанными и установленными следующие факты,, из которых вытекает только один вывод — вывод об участии Рыкова в подготовке умерщвления А. М. Горького. Во-первых, в 1935 году Енукидзе и Рыков говорили об особом озлоблении, которое питает блок к Алексею Максимовичу Горькому. Правда, они сворачивают дело на троцкистско-зиновьевскую часть блока, однако это не меняет ни в какой мере дела. Во-вторых, они это злобное настроение выражали в таких тонах, которые говорили о подготовке насильственных мер, направленных к «ликвидации политической активности Горького». И, в-третьих, ликвидация политической активности Горького мыслилась вплоть до применения к Горькому насильственных мер.

В-четвертых, эти насильственные меры включали в себя и убийство Алексея Максимовича Горького. Об этих насильственных мерах. Рыков и Бухарин знали. Они знали, что готовится убийство Горького, организовывали это убийство, покрывали это убийство. Рыков и Бухарин были, таким образом, участниками этого подлейшего убийства А. М. Горького.

А Бухарин, эта проклятая помесь лисы и свиньи, — как он ведет себя по этому вопросу? Как подобает лисе и свинье. Он вертит, юлит. Но в конце концов, по существу, Бухарин говорит то самое, что говорит Рыков. Возьмем показания Бухарина в этой части. Позвольте мне указать на следующую часть этого показания: «В 1935 году Томский мне сказал, что Троцкий готовит какую-то враждебную акцию или враждебный акт против Горького».

Откуда знал Томский об этом? Он знал, конечно, от Бессонова, привезшего эту директиву из-за границы. А какая была директива Троцкого? Уничтожить Горького, физически уничтожить. Бухарин показывает: «Томский сказал, что Троцкий готовит враждебную акцию или враждебный акт против Горького».

Я спрашиваю: через кого готовит Троцкий эту враждебную акцию? Конечно, через блок, который был в руках у Троцкого, через блок, в котором перепутались правые и троцкисты, меньшевики и эсеры, буржуазные националисты и просто проходимцы всех мастей, степеней и категорий.

Этот факт установлен. Сам Бухарин признает, что в 1935 году, за год до смерти Горького, Томский сообщил Бухарину, что Троцкий готовит враждебный акт против Горького. Это совершенно то самое, что говорил Рыков, передавая свой разговор с Енукидзе. А это, в свою очередь, то же самое, что говорил Бессонов, приводя свой разговор в Париже в июле 1934 года с Троцким. Здесь никаких расхождений нет.

Разберем второй вопрос: в чем же заключается этот враждебный акт, что представляет собой этот враждебный акт? От Бухарина получить ответ на прямо поставленный вопрос не так-то легко.

Я спрашиваю Бухарина: «В чем заключался этот враждебный акт?» Он прямо ничего не отвечает. Он говорит: «Акция против «сталинца Горького», как защитника социалистического строительства вообще, сталинской партийной политики в частности». Вот о чем шла речь. «Речь шла о том большом резонансе, который каждое слово Алексея Максимовича имело на международной арене вообще, у интеллигенции, в частности».

Опять полное совпадение фактов, о которых говорил Рыков, о которых говорил Бессонов, о которых говорил и знал Ягода, о которых говорил и знал Буланов. Здесь все связано органически.

Я спрашиваю: «Совершение враждебного акта над Горьким связывал ли Томский с вопросом о свержении Советского правительства?» Бухарин отвечает, что «по существу связывал». Следовательно, речь шла не просто о том, чтобы причинить личную неприятность Горькому, как замысловато говорил Рыков — «ликвидировать его политическую активность». Речь шла о том, чтобы совершить против Горького такой акт враждебности, который непосредственно представлял бы собой один из элементов свержения Советской власти,

Ясно, что при такой постановке вопроса речь идет не о том, чтобы лишить Горького возможности писать статьи или делать доклады, хотя и это тоже не в вашей власти, господа убийцы. Следовательно, мы здесь должны признать, что подтвердил и Бухарин, что враждебный акт против Горького был связан с задачей свержения Советской власти, был одним из актов борьбы против Советской власти.

Мы знаем, как ставился вопрос заговорщиками о борьбе против Советской власти. Их методы — террор, измена и т. д.

Бухарин говорит, что когда говорят о враждебном акте, можно разуметь все, вплоть до террористических актов, амплитуда колебаний здесь очень большая. Бухарин признает, что убийство Горького тогда не было исключено. Это — завуалированное признание, которое выдает Бухарина с головой.

* * *

Я уже говорил о способах, при помощи которых были осуществлены три террористических акта — против Менжинского, против Куйбышева и против Алексея Максимовича Горького.

Обращает на себя внимание способ, при помощи которого эти убийства совершены. Это — способ постепенного умерщвления, «убийство с гарантией», о котором говорил Ягода, — это способ убийства при помощи использования специальных знаний соучастников. Не плохо задумано! Левин, Плетнев, Казаков, Максимов-Диковский, Крючков, Буланов — банда убийц, специально подготовленная банда, участвовала в этом «деле». Я хочу обратить ваше внимание на особенный способ и особенную роль в осуществлении этого убийства, которую сыграли обвиняемые врачи — Левин, Казаков и Плетнев. Но предварительно я хочу остановиться на нескольких замечаниях. История и хроника уголовных убийств нам говорит, что за последние десятилетия отравления при помощи профессиональных убийц почти сошли со сцены.

Место этих отравителей заняли врачи. Если вы раскроете учебник судебной медицины доктора Карла Эммерта, профессора Бернского университета, вы найдете здесь чрезвычайно поучительные указания. Эммерт пишет:

«Убийства посредством отравления стали теперь реже сравнительно с прежним, отчасти потому, что для не врача стало труднее добыть яд... Поэтому профессиональные отравители больше не встречаются, как прежде; если же и бывают подобные случаи, то они часто относятся к лицам врачебного сословия».

Поэтому совершенно не случайно, что Ягода избирает для своего чудовищного замысла и его реализации именно врачей. Он учитывает, так сказать, историческую конъюнктуру.

Мы имеем целый ряд исторических примеров того, как все стремления убийц, пользующихся всякими средствами отравления, направлены именно на то, чтобы не быть раскрытыми. Очень характерно это обстоятельство, — в целом ряде случаев отравление совершается таким образом, чтобы можно было самый факт отравления объяснить — как это думал сделать Ягода — естественной смертью от болезни.

Нужно раньше всего разъяснить, что отравление, по современным научным воззрениям, — это есть один из видов, и притом самый опасный вид, так называемого в науке изменнического убийства, опасность которого заключается в том, что для его осуществления никаких специфических губительных для человеческой жизни средств не требуется, что могут быть использованы в этих преступных целях любые средства. Как об этом говорит и учит нас история, для такого отравления необходимо лишь тайное введение в организм какого бы то ни было вещества, способного привести к сокращению времени жизни или к смерти. А таким веществом является вовсе не всегда то, что специально называется ядом. Ведь целый ряд лекарственных средств по самой своей природе и характеру годится для этого, и этим часто пользуются преступники.

Известны из истории, например из Тацита, такие случаи, как убийство Сеяна таким ядом, что, казалось, будто Сеян умер от обыкновенной болезни. В этом и заключается искусство преступления.

Известно, что Филипп II весьма широко пользовался для отравления ядом, который нельзя было обнаружить даже при тщательном исследовании, ядом, который был им назван «*Requiescat in pace*» (пусть почитает в мире). Известно, что Иоанн Кастильский был отравлен при помощи отравленной обуви. Известно, наконец, что папа Климент II был убит при помощи дыма от отравленной свечи. Следовательно, известны способы убийства людей с использованием убийцами своего привилегированного положения и знания химии, медицины и фармакологии — способы самые разнообразные.

Мы помним знаменитое дело Бутурлина. Убийцей Бутурлина был не кто иной, как широко известный в дореволюционной России доктор Панченко, который практиковал в дореволюционной России распространение и использование средства, известного под названием «Спермин Пеля». Д-р Панченко под видом «Спермина Пеля» вводил больному дифтерийную культуру и убил его дифтеритом.

Это было разоблачено совершенно случайно. Если бы не признание доктора Панченко, то убийство Бутурлина, вероятно, не было бы раскрыто. Если бы не признание Левина, то, может быть, не был бы раскрыт разработанный со всеми тонкостями преступный план убийства тт. Менжинского, Куйбышева, Горького.

Наконец, я мог бы напомнить о знаменитом деле Прочара, когда этот Прочар у своей жертвы вызвал хронический катар желудка и таким путем довел ее до гибели. Наконец, дело доктора Пальмера, который отравил свою жертву мышьяком и стрихнином, употреблявшимся в дозах, разрешающихся медициной. Вот, наконец, пример, который говорит о том, что когда мы говорим

об отравлении, то не надо иметь в виду, что для отравления надо применять только цианистый калий, мышьяк и т. д.

Нет, очень часто убийцы используют врачей и медицинскую систему якобы для лечения, а на самом деле для того, чтобы добиться своей преступной цели!

Дела Пальмера, Прочара, Панченко и множество других исторических примеров можно привести для того, чтобы доказать, что тот путь, который избрал Ягода, был путем, подсказанным тонким изучением истории преступлений, истории убийств в разных странах, организованных разными изуверами рода человеческого.

Я хочу, товарищи судьи, напомнить несколько данных экспертизы по этому вопросу, которые не оставляют никакого сомнения в том, что этот план очень тонкий, вероломный и подлый задуман Ягодой с ведома и одобрения право-троцкистского центра, в особенности в отношении Куйбышева и Горького.

Прежде всего я обращаю ваше внимание на то, что экспертиза была составлена из выдающихся деятелей советской и мировой медицинской науки. Я обращаю ваше внимание, что эта экспертиза пришла к единодушному заключению: экспертиза подтвердила, что меры, принятые убийцами в отношении умерщвления А. М. Горького, В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского, действительно были строго продуманными и имели своим результатом смерть этих выдающихся людей, к которой эти господа стремились.

По умерщвлению Горького были заданы экспертизе вопросы:

«Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применить такой неправильный метод лечения без умысла?»

Последовал ответ: «Этого допустить нельзя».

Экспертизе был задан следующий вопрос:

«Допустимо ли вообще длительное, одновременное применение больших доз сердечных средств внутривенно, подкожно и внутрь, именно — дигиталиса, дигалена (препараты наперстянки), строфантина и строфанта, а в частности у тяжело больного А. М. Горького, 68 лет, страдавшего вышеуказанным поражением внутренних органов?»

Ответ экспертизы: «Абсолютно недопустимо».

Еще вопрос: «Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения А. М. Горького был заведомо вредительским?..»

Ответ экспертизы: «Да. Безусловно можно считать установленным».

И то же самое мы имеем по другим случаям.

Поэтому я позволю себе заявить, что обвинения, предъявленные в обвинительном заключении и поддерживаемые мною, как государственным обвинителем, и в этой части в полном объеме, можно считать доказанными. Обвинение здесь подтверждается целиком и полностью авторитетнейшей медицинской экспертизой, тщательно разобравшей все те материалы, которые были в ее распоряжении. Признания обвиняемых, разумеется, мы также не можем никак сбрасывать со счета.

Говоря об этой части обвинения, я хочу остановиться специально на двух подсудимых — на Ягоде и Левине.

О Ягоде разговор короткий. Ягода — главный организатор и вдохновитель этих чудовищных преступлений, его ответственность тем более сильна и серьезна, что ведь Ягода — не просто Ягода, это бывший в то время заместитель председателя ОГПУ, фактически председатель ОГПУ. Это человек, на обязанности которого лежала охрана государственной безопасности. Если бы те преступления, которые совершил Ягода, в которых он признался, если бы он совершил их в миллионной дозе, то и тогда я вправе был бы требовать от суда расстрела Ягоды.

Левин сыграл в этих убийствах тоже виднейшую роль. Левин был главным организатором задуманных Ягодой убийств, им привлечены к этому делу были и Казаков и Плетнев, он, я бы сказал, в этом деле был правой рукой Ягоды, как Буланов был правой рукой Ягоды во всех преступлениях последнего в целом.

Когда погиб от руки Левина Алексей Максимович Горький, Левин, доктор медицинских наук, опубликовал в газетах некролог — «Последние дни Алексея Максимовича Горького». В этом некрологе он писал, вздыхал, стонал о гибели великого человека. «Великие люди, — писал он фарисейски, лицемерно, двурушнически, — живут и умирают, как великие люди». «Живут и умирают, как великие люди!» — Левин не добавил, — «от руки автора этого некролога, одного из подлых убийц!»

Если эту статью сейчас рассматривать в связи с медицинской экспертизой, то она будет представлять некоторый, значительный, по моему мнению, интерес для оценки роли в этом убийстве Левина.

Во-первых, здесь вскрывается та самая механика умерщвления Алексея Максимовича, которая теперь вскрыта полностью. Это — механика, которая была раньше всего направлена на терапевтическую подготовку убийства Алексея Максимовича.

Левин в этом некрологе писал:

«За десять лет моего врачебного наблюдения за Алексеем Максимовичем это было шестое заболевание гриппом. Каждый раз грипп неизменно осложнялся бронхитом и катаральным воспалением легких».

Значит, Левин уже знал хорошо, в каком направлении можно искать осложнений в этой борьбе Алексея Максимовича Горького с болезнью.

«Каждый раз неутомимый борец переносил болезнь тяжело, каждый раз с первых же дней заболевания начиналась тревога. Когда меня в хорошие, спокойные периоды жизни Алексея Максимовича спрашивали о состоянии его здоровья, я всегда отвечал:

— Относительно благополучно, но до первого гриппа». И дальше:

«Я по опыту знал, как тяжело протекает у Алексея Максимовича грипп, как быстро он поражает место наименьшего сопротивления его организма — легкие — и как это страшно при его измененных старым туберкулезным процессом легких и его больном сердце. И вот пять раз его могучий организм давал нам возможность одерживать победу, а организм Алексея Максимовича был

действительно могучий. Горький был из тех людей, которые доживают до 100 лет, и он несомненно дожил бы до 100 лет, если бы не злой туберкулез».

Убийца выбалтывает тайну убийства. Именно здесь лежит то самое место наименьшего сопротивления — врачи говорят: *locus minoris resistentiae*, — по которому организаторами убийства и был направлен основной удар по больному А. М. Горькому.

Позорное двурушничество, вероломство, лицемерие здесь соперничают с бесстыдством отравителя, плачущего у изголовья жертвы его так называемого «лечения».

Таков этот самый Левин! Недалеко ушел от Ягоды!

Я хотел бы напомнить вам в заключение показание Ягоды, в котором он показывает свое настоящее морально-человеческое, если это выражение здесь допустимо, лицо.

Вот выдержки из показаний Ягоды на листе дела 58:

«Всю свою жизнь я ходил в маске, выдавал себя за непримиримого большевика. На самом деле большевиком, в его действительном понимании, я никогда не был».

И дальше:

«Мелкобуржуазное мое происхождение, отсутствие теоретической подготовки — все это, с самого начала организации Советской власти создало у меня неверие в окончательную победу дела партии...

Я не разделял взглядов и программы троцкистов, но я все же очень внимательно приглядывался к ходу борьбы, заранее определив для себя, что пристану к той стороне, которая победит в этой борьбе. Отсюда и та особая линия, которую я проводил в то время в борьбе с троцкизмом.

Когда начались репрессии против троцкистов, вопрос о том, кто победит, троцкисты или ЦК ВКП(б), окончательно еще не был решен. Во всяком случае, так думал я. Поэтому я, как Зам. пред. ОГПУ, в карательной политике исходил из того, чтобы не озлоблять против себя троцкистов. Направляя троцкистов в ссылку, я создавал им там такие условия, при которых они могли продолжать свою деятельность.

Дело складывалось таким образом: с одной стороны, беседы Рыкова со мною определили мои личные симпатии к программе правых. С другой стороны, из того, что Рыков говорил мне о правых, о том, что, кроме него, Бухарина, Томского, Угланова, на стороне правых вся московская организация, ленинградская организация, профсоюзы, из всего этого у меня создалось впечатление, что правые могут победить в борьбе с ЦК. Атак как тогда уже ставился вопрос о смене руководства партии и Советской власти, то ясно было, что правые идут к власти.

Именно потому, что правые рисовались мне, как реальная сила, я заявил Рыкову, что я с ними.

...Поэтому я и договорился с Рыковым об особом своем положении среди правых».

* * *

Оказывается, Рыков влиял достаточно определенно даже на Ягоду. Ведь, в сущности говоря, то, что говорит Ягода, — это старая предательская

двурушническая школа политического карьериста и бесчестного негодяя, ведь это система Жозефа Фуше. Я не могу не привести всего лишь несколько строк из известной книги Стефана Цвейга «Жозеф Фуше».

«В числе семисот пятидесяти, торжественно вступающих в зал развенчанного короля, входит молча, с трехцветной повязкой поперек груди, народный представитель Жозеф Фуше, депутат от города Нанта. Тонзура уже заросла, духовное облачение давно сброшено: как и все здесь, он надел гражданское платье без всяких украшений.

Какое место займет Жозеф Фуше? Среди радикалов, на горе, или с умеренными, в долине? Жозеф Фуше не долго медлит; он; признает только одну партию, которой остается верным до конца: ту, которая сильнее, партию большинства. И на этот раз он взвешивает и подсчитывает про себя голоса; он видит — в данный момент сила еще на стороне жирондистов, на стороне умеренных. И вот он садится на их скамьи, рядом с Кондорсе, Роланом, Серваном, с теми, кто держит в своих руках министерские посты, — влияет на все назначения и распределяет прибыли. В их среде он чувствует себя уверенным, там занимает он место».

Вот источник, из которого черпал свои духовные силы Ягода, если он когда-нибудь был знаком с жизнью и деятельностью Жозефа Фуше, — я в этом сомневаюсь, ибо из показаний и материалов дела видно только одно знакомство его с литературой, это — с книгой Александра Дюма «Три мушкетера», которые были идеалом для Ягоды, говорившего, как это видно из показаний Буланова, что для того, чтобы обеспечить успех захвата власти, нужно подобрать себе несколько десятков таких молодцов, как три мушкетера, с ними можно сделать все, что угодно.

Таков Ягода, которому на скамье подсудимых отведена серьезное место, рядом с Бухариным и Рыковым. Это — один из крупнейших заговорщиков, один из виднейших врагов Советской власти, один из самых наглых изменников, человек, который пытался в самом НКВД организовать группу и отчасти организовал ее из изменников Паукера, Воловича, Гая, Винецкого и других, оказавшихся польскими и немецкими шпионами и разведчиками. Таким является и сам Ягода, который вместо того, чтобы нашу славную разведку направить на благо советского народа, на благо социалистического строительства, пытался повернуть ее против нашего народа, против нашей революции, против социализма.

Не удалось, сорвалось! Ягода был разоблачен, выброшен из нашего государственного аппарата, посажен на скамью подсудимых, обезоружен и должен быть теперь выброшен, вычеркнут совсем из жизни.

* * *

Я кончаю. В заключение я хочу поставить несколько вопросов, которые я назвал бы юридическими вопросами.

Раньше всего — вопрос о соучастии. Как показало судебное следствие, не все обвиняемые в равной степени участвовали в преступлениях, которые прошли на этом судебном процессе.

Отсюда вопрос — в какой мере и в какой степени каждый из обвиняемых может и должен отвечать за предъявленные им обвинения по Обвинительному заключению.

Второй вопрос — в какой мере и степени доказаны предъявленные подсудимым обвинения.

И третий вопрос — какого наказания заслуживают обвиняемые.

Я отвечу, раньше всего, на второй вопрос. Доказаны ли и в какой степени, совершенные обвиняемыми преступления? Я думаю, что вы, товарищи судьи, в своем приговоре ответите на этот вопрос положительно: да, доказаны. Доказаны признанием самих подсудимых, доказаны свидетелями, прошедшими перед судом, доказаны заключением медицинской экспертизы, доказаны вещественными доказательствами.

Вся совокупность доказательств, мыслимых в уголовном процессе, имеется здесь, сейчас в распоряжении суда. На основании этих доказательств суд сумеет определить свое окончательное решение о степени виновности того или иного преступника, совершившего эти преступления.

Но есть еще одно важнейшее доказательство, это — сама логика обстоятельств дела.

Основное обвинение в настоящем деле предъявлено обвиняемым по ст. ст. 58.1а и 58.11 — об организации изменнического заговора. Это обвинение доказано признаниями всех подсудимых, даже тех, кто не признал себя полностью виновным в других преступлениях. Это надо сказать относительно всех подсудимых.

Во-вторых, в какой мере каждый из подсудимых должен по нашему закону отвечать за всю совокупность совершенных этой заговорщической бандой преступлений. Я на этот вопрос отвечаю: в полном объеме. Почему?

Каждый подсудимый должен отвечать за всю совокупность преступлений, как член заговорщической организации, преступные задачи и цели, преступные методы осуществления которых были каждому из них известны, каждым одобрены и приняты. Здесь мы наблюдаем лишь своеобразное «разделение труда» в преступной деятельности, в зависимости от специальных качеств и средств, находящихся в распоряжении каждого участника банды. Это совершенно естественно и закономерно с точки зрения интересов всего заговора в целом.

Есть мнение среди криминалистов, что для наличия соучастия требуется общее согласие и умысел каждого из преступников, из сообщников на каждое из преступлений. Но эта точка зрения неправильная. Она не может быть нами принята и никогда не применялась и не принималась. Она узка и схоластична. Жизнь шире этой точки зрения. Жизнь знает примеры, когда результат общей преступной деятельности достигается самостоятельным участием в этой деятельности сообщников, объединенных лишь единой, общей для всех преступной задачей.

Для соучастия нужно общее, объединяющее соучастников данного преступления начало, общий преступный замысел. Для соучастия нужно объединение воли в общем и едином для всех участников преступления направлении. Если, скажем, шайка грабителей будет действовать так, что одни из ее участников будут жечь дома, насиловать женщин, убивать и т. д. в одном

месте, а другая часть шайки — в другом, то хотя бы те и другие не знали о преступлениях, совершенных раздельно какой-либо частью общей шайки, — они будут отвечать за всю совокупность преступлений в полном объеме, если только будет доказано, что они согласились насчет участия в этой банде для совершения тех или других преступлений.

В этом деле, товарищи судьи, налицо заговорщическая группа, агентура иностранных разведок, объединенная общей для всех ее членов волей, единой для них всех преступной целью. Конкретные преступления, совершенные теми или другими преступниками, — это лишь частные случаи этого единого для всех подсудимых плана преступной деятельности.

Эта общность преступной деятельности юридически выражена в предъявленном всем подсудимым обвинении по ст. 58.11 УК РСФСР.

Это, однако, не означает, что все должны отвечать одинаково. Это не исключает обязанности суда индивидуализировать наказание в зависимости от конкретной роли каждого подсудимого в данном деле.

С этой точки зрения я считаю, что из общего числа обвиняемых надлежит выделить двух — это Раковского и Бессонова.

Я считаю, что Раковский, хотя и совершивший тягчайшие преступления против Советского государства, против Советской власти, всем своим положением в этом заговоре, своей, если можно так выразиться, известного рода оторванностью от всех важнейших преступлений, совершенных «право-троцкистским блоком», заслуживает того, чтобы к нему была применена менее строгая мера наказания, чем к остальным обвиняемым.

То же самое можно сказать в известной мере и о Бессонове, который, конечно, отличается от Чернова, Розенгольца, Крестинского или Рыкова хотя бы тем, что его роль ограничивалась ролью связиста, которая хотя также преступна, но по всему своему существу должна оцениваться иначе, чем преступления основных обвиняемых по этому делу.

В отношении этих лиц я считал бы возможным применение закона от 2 октября 1937 года, позволяющего суду в особых случаях избирать меру наказания, среднюю между 10 годами лишения свободы и высшей мерой социальной защиты. Я считаю, что в отношении Раковского и Бессонова можно ограничиться 25 годами тюремного заключения».

* * *

По обвинительному заключению все обвиняемые изобличены в том, что в 1932—1933 годах они по заданию разведок иностранных государств составили заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью совершение преступлений, которые были здесь полностью доказаны.

Доказано, что этот блок состоял из агентов разведок некоторых иностранных государств. Доказано, что «право-троцкистский блок» поддерживал систематические незаконные отношения с некоторыми иностранными государствами в целях получения от них помощи для осуществления своих преступных замыслов, для свержения Советской власти и для установления в СССР власти помещиков и капиталистов.

Доказано, что «право-троцкистский блок» систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая их разведки важнейшими государственными секретными материалами.

Доказано, что «право-троцкистский блок» систематически осуществлял в этих же целях вредительские и диверсионные акты в различных отраслях нашего народного хозяйства — в области промышленности, сельского хозяйства, финансов, коммунального хозяйства, на железных дорогах и т. д.

Доказано, что «право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, что этот «право-троцкистский блок» осуществил террористические акты против С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького, а также осуществил умерщвление М. А. Пешкова.

Доказано, что блок организовал, но не успел, к нашему счастью, осуществить ряд террористических актов против руководителей нашей партии и правительства.

Таковы обстоятельства настоящего дела. Такова роль в этом деле каждого из подсудимых, ожидающих сейчас, товарищи судьи, вашего приговора.

* * *

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила: Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Ягоду Г. Г., Крестинского Н. Н., Розенгольца А. П., Иванова В. И., Чернова М. А., Гринько Г. Ф., Зеленского И. А., Икрамова А., Ходжаева Ф., Шаранговича В. Ф., Зубарева П. Т., Буланова П. П., Левина Л. Г., Казакова И. Н., Максимова-Диковского В. А. и Крючкова П. П. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества; Плетнева Д. Д. — к тюремному заключению на двадцать пять лет; Раковского Х. Г. — к тюремному заключению на двадцать лет и Бессонова С. А. — к тюремному заключению на пятнадцать лет с поражением каждого из них в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Приговор в отношении осужденных к расстрелу, ввиду отклонения Президиумом Верховного Совета СССР их ходатайства о помиловании, 15 марта 1938 г. приведен в исполнение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. В. Сталин О НЕДОСТАТКАХ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ И МЕРАХ ЛИКВИДАЦИИ ТРОЦКИСТСКИХ И ИНЫХ ДВУРУШНИКОВ (Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года)

Товарищи!

Из докладов и прений по ним, заслушанных на Пленуме, видно, что мы имеем здесь дело со следующими тремя основными фактами.

Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации — как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи как в центре, так и на местах не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

Таковы три бесспорных факта, естественно вытекающих из докладов и прений по ним.

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕСПЕЧНОСТЬ

Чем объяснить, что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску?

Можно ли утверждать, что вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, действующих на территории СССР, может являться для нас чем-либо неожиданным и небывалым? Нет, нельзя этого утверждать. Об этом говорят вредительские акты в разных отраслях народного хозяйства за последние 10 лет, начиная с шахтинского периода, зафиксированные в официальных документах.

Можно ли утверждать, что за последнее время не было у нас каких-либо предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний насчет вредительской, шпионской или террористической деятельности троцкистско-зиновьевских агентов фашизма? Нет, нельзя этого утверждать. Такие сигналы были, и большевики не имеют права забывать о них.

Злодейское убийство товарища Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе дорогу в наши организации.

Судебный процесс «Ленинградского центра», равно как судебный процесс «Зиновьева — Каменева», дал новое обоснование урокам, вытекающим из факта злодейского убийства товарища Кирова.

Судебный процесс «зиновьевско-троцкистского блока» расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты объединяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы, что они превратились в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охраны, что двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши организации, что бдительность и политическая прозорливость представляют наиболее верное средство для предотвращения такого проникновения, для ликвидации зиновьевско-троцкистской шайки.

Центральный Комитет ВКП(б) в своем закрытом письме от 18 января 1935 года по поводу злодейского убийства товарища Кирова решительно предостерегал партийные организации от политического благодушия и обывательского ротозейства. В закрытом письме сказано:

«Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрывкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства как единственные средства обреченных в их борьбе с Советской властью. Надо помнить это и быть бдительным».

В своем закрытом письме от 29 июля 1936 года по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока Центральный Комитет ВКП(б) вновь призывал партийные организации к максимальной бдительности, к умению распознавать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы. В закрытом письме сказано:

«Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против Советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны,— шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани,— все наши партийные организации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован».

Значит, сигналы и предупреждения были.

К чему призывали эти сигналы и предупреждения?

Они призывали к тому, чтобы ликвидировать слабость партийно-организационной работы и превратить партию в неприступную крепость, куда не мог бы проникнуть ни один двурушник.

Они призывали к тому, чтобы покончить с недооценкой партийно-политической работы и сделать решительный поворот в сторону всемерного усиления такой работы, в сторону усиления политической бдительности.

И что же? Факты показали, что сигналы и предупреждения воспринимались нашими товарищами более чем туго.

Об этом красноречиво говорят всем известные факты из области кампании по проверке и обмену партийных документов.

Чем объяснить, что эти предостережения и сигналы не возымели должного действия?

Чем объяснить, что наши партийные товарищи, несмотря на их опыт борьбы с антисоветскими элементами, несмотря на целый ряд предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний, оказались политически близорукими перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов народа?

Может быть, наши партийные товарищи стали хуже, чем они были раньше, стали менее сознательными и дисциплинированными? Нет, конечно, нет!

Может быть, они стали перерождаться? Опять же нет! Такое предположение лишено всякого основания.

Так в чем же дело? Откуда такое ротозейство, беспечность, благодушие, слепота?

Дело в том, что наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать. Они забыли об одном основном факте из области международного положения СССР и не заметили двух очень важных фактов, имеющих прямое отношение к нынешним вредителям, шпионам, диверсантам и убийцам, прикрывающимся партийным билетом и маскирующимся под большевика.

II. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Что это за факты, о которых забыли или которые просто не заметили наши партийные товарищи?

Они забыли о том, что Советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств. Они забыли, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна. Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае, подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом.

Взять, например, буржуазные государства. Наивные люди могут подумать, что между ними существуют исключительно добрые отношения, как между государствами однотипными. Но так могут думать только наивные люди. На самом деле отношения между ними более чем далеки от добрососедских отношений. Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона !. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило Французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия.

Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к Советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох.

Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охраны оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью.

III. СОВРЕМЕННЫЙ ТРОЦКИЗМ

Далее. Ведя борьбу с троцкистскими агентами, наши партийные товарищи не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был, скажем, 7—8 лет тому назад, что троцкизм и троцкисты претерпели за это время серьезную эволюцию, в корне изменившую лицо троцкизма, что ввиду этого и борьба с троцкизмом, методы борьбы с ним должны быть изменены в корне. Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданию разведывательных органов иностранных государств.

Что такое политическое течение в рабочем классе? Политическое течение в рабочем классе — это такая группа или партия, которая имеет свою определенную политическую физиономию, платформу, программу, которая не прячет и не может прятать своих взглядов от рабочего класса, а наоборот, пропагандирует свои взгляды открыто и честно, на глазах у рабочего класса, которая не боится показать свое политическое лицо рабочему классу, не боится демонстрировать своих действительных целей и задач перед рабочим классом, а наоборот, с открытым забралом идет в рабочий класс для того, чтобы убедить его в правоте своих взглядов. Троцкизм в прошлом, лет 7—8 тому назад, был одним из таких политических течений в рабочем классе, правда, антиленинским и потому глубоко ошибочным, но все же политическим течением.

Можно ли сказать, что нынешний троцкизм, троцкизм, скажем, 1936 года, является политическим течением в рабочем классе? Нет, нельзя этого говорить. Почему? Потому, что современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их как людей чуждых и прогонит их от себя. Этим, собственно, и объясняется, что основным методом троцкистской работы является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов, подобострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь своих собственных взглядов.

На судебном процессе 1936 года, если вспомните, Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы. У них была полная возможность развернуть на судебном процессе свою политическую платформу. Однако они этого не сделали, заявив, что у них нет никакой политической платформы. Не может быть сомнения, что оба они лгали, отрицая наличие у них платформы. Теперь даже слепые видят, что у них была своя политическая платформа. Но почему они отрицали наличие у них какой-либо политической платформы? Потому, что они боялись открыть свое подлинное политическое лицо, они боялись продемонстрировать свою действительную платформу реставрации капитализма в СССР, опасаясь, что такая платформа вызовет в рабочем классе отвращение.

На судебном процессе в 1937 году Пятаков, Радек и Сокольников стали на другой путь. Они не отрицали наличия политической платформы у троцкистов и зиновьевцев. Они признали наличие у них определенной политической платформы, признали и развернули ее в своих показаниях. Но развернули ее не для того, чтобы призвать рабочий класс, призвать народ к поддержке троцкистской платформы, а для того, чтобы проклясть и заклеить ее как платформу антинародную и антипролетарскую. Реставрация капитализма, ликвидация колхозов и совхозов, восстановление системы эксплуатации, союз с фашистскими силами Германии и Японии для приближения войны с Советским Союзом, борьба за войну и против политики мира, территориальное расчленение Советского Союза с отдачей Украины немцам, а Приморья — японцам, подготовка военного поражения Советского Союза в случае нападения на него враждебных государств и как средство достижения этих задач — вредительство, диверсия, индивидуальный террор против руководителей Советской власти, шпионаж в пользу японо-немецких фашистских сил — такова развернутая Пятаковым, Радеком и Сокольниковым политическая платформа нынешнего троцкизма. Понятно, что такую платформу не могли не прятать троцкисты от народа, от рабочего класса. И они прятали ее не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но даже от руководителей троцкистской верхушки, состоявшей из небольшой кучки людей в 30—40 человек. Когда Радек и Пятаков потребовали от Троцкого разрешения на созыв маленькой конференции троцкистов в 30—40 человек для информации о характере этой платформы, Троцкий запретил им это, сказав, что нецелесообразно говорить о действительном характере платформы даже маленькой кучке троцкистов, так как такая «операция» может вызвать раскол.

«Политические деятели», прячущие свои взгляды, свою платформу не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но и от руководящей верхушки троцкистов, — такова физиономия современного троцкизма.

Но из этого вытекает, что современный троцкизм нельзя уже назвать политическим течением в рабочем классе.

Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств.

Таков неоспоримый результат эволюции троцкизма за последние 7—8 лет.

Такова разница между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем.

Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили этой глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем. Они не заметили, что троцкисты давно уже перестали быть идейными людьми, что троцкисты давно уже превратились в разбойников с большой дороги, способных на любую гадость, способных на все мерзкое вплоть до шпионажа и прямой измены своей Родине, лишь бы напакостить Советскому государству и Советской власти. Они не заметили этого и не сумели поэтому вовремя перестроиться для того, чтобы повести борьбу с троцкистами по-новому, более решительно.

Вот почему мерзости троцкистов за последние годы явились для некоторых наших партийных товарищей полной неожиданностью.

Дальше. Наконец, наши партийные товарищи не заметили того, что между нынешними вредителями и диверсантами, среди которых троцкистские агенты фашизма играют довольно активную роль, с одной стороны, и вредителями и диверсантами времен шахтинского периода, с другой стороны, имеется существенная разница.

Во-первых. Шахтинцы и промпартийцы были открыто чуждыми нам людьми. Это были большей частью бывшие владельцы предприятий, бывшие управляющие при старых хозяевах, бывшие компаньоны старых акционерных обществ, либо просто старые буржуазные специалисты, открыто враждебные нам политически. Никто из наших людей не сомневался в подлинности политического лица этих господ. Да и сами шахтинцы не скрывали своего неприязненного отношения к советскому строю. Нельзя то же самое сказать о нынешних вредителях и диверсантах, о троцкистах. Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты — это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане, — стало быть люди, формально не чужие. Если старые вредители шли против наших людей, то новые вредители, наоборот, лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, подхалимничают перед ними для того, чтобы втереться в доверие. Разница, как видите, существенная.

Во-вторых. Сила шахтинцев и промпартийцев состояла в том, что они обладали в большей или меньшей степени не обходимыми техническими знаниями, в то время как наши люди, не имевшие таких знаний, вынуждены были учиться у них. Это обстоятельство давало вредителям шахтинского периода большое преимущество, давало им возможность вредить свободно и беспрепятственно, давало им возможность обманывать наших людей технически. Не то с нынешними вредителями, с троцкистами. У нынешних вредителей нет ни каких технических преимуществ по отношению к нашим людям. Наоборот, технически наши люди более подготовлены, чем нынешние вредители, чем троцкисты. За время от шахтинского периода до наших дней у нас выросли десятки тысяч настоящих технически подкованных большевистских кадров. Можно было бы назвать тысячи и десятки тысяч технически выросших большевистских руководителей, в сравнении с которыми все эти Пятаковы и Лившицы, Шестовы и Богуславские, Муратовы и Дробнисы являются пустыми болтунами и приготовишками с точки зрения технической подготовки. В чем же в таком случае состоит сила современных вредителей, троцкистов? Их сила состоит в партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации. Их преимущество состоит в том, что, имея партийные билеты и прикидываясь друзьями Советской власти, они обманывали наших людей политически, злоупотребляли доверием, вредили втихомолку и открывали наши государственные секреты врагам Советского Союза. «Преимущество», сомнительное по своей политической и моральной ценности, но все же «преимущество». Этим «преимуществом» и объясняется, собственно, то обстоятельство, что троцкистские вредители как люди с партбилетом, имеющие доступ во все места наших учреждений и организаций, оказались прямой находкой для разведывательных органов иностранных государств.

Ошибка некоторых наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили, не поняли всей этой разницы между старыми и новыми вредителями,

между шахтинцами и троцкистами и, не заметив этого, не сумели вовремя перестроиться для того, чтобы повести борьбу с новыми вредителями по-новому.

IV. ТЕНЕВЫЕ СТОРОНЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ УСПЕХОВ

Таковы основные факты из области нашего международного и внутреннего положения, о которых забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи.

Вот почему наши люди оказались застигнутыми врасплох событиями последних лет по части вредительства и диверсий.

Могут спросить: но почему наши люди не заметили всего этого, почему они забыли обо всем этом?

Откуда взялись все эти забывчивость, слепота, беспечность, благодушие?

Не есть ли это органический порок в работе наших людей?

Нет, это не органический порок. Это — временное явление, которое может быть быстро ликвидировано при наличии некоторых усилий со стороны наших людей.

В чем же тогда дело?

Дело в том, что наши партийные товарищи за последние годы были всецело поглощены хозяйственной работой, они были до крайности увлечены хозяйственными успехами и, будучи увлечены всем этим делом, забыли обо всем другом, забросили все остальное.

Дело в том, что, будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом деле начало и конец всего, а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение, усиление политической работы партии, борьба с вредительством и т. п., не стали просто обращать внимания, полагая, что все эти вопросы представляют второстепенное или даже третьестепенное дело.

Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, малоискушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Не удивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и как следствие всего этого появляется политическая слепота.

Тут я должен сказать несколько слов об опасностях, связанных с успехами, об опасностях, связанных с достижениями.

Об опасностях, связанных с трудностями, мы знаем по опыту. Вот уже несколько лет ведем борьбу с такого рода опасностями и, надо сказать, не без успеха. Опасности, связанные с трудностями, у людей нестойких порождают нередко настроения уныния, неверия в свои силы, настроения пессимизма. И, наоборот, там, где дело идет о том, чтобы побороть опасности, проистекающие из трудностей, люди закаляются в этой борьбе и выходят из борьбы действительно

твердокаменными большевиками. Такова природа опасностей, связанных с трудностями. Таковы результаты преодоления трудностей.

Но есть другого рода опасности — опасности, связанные с успехами, опасности, связанные с достижениями. Да, да, товарищи, опасности, связанные с успехами, с достижениями. Опасности эти состоят в том, что у людей, малоискушенных в политике и не очень много выдавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением — порождает настроения беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах.

Не удивительно, что в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений люди забывают о некоторых существенных фактах, имеющих первостепенное значение для судеб нашей страны, люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства, опасности, связанные с нашими успехами, и т. п. Капиталистическое окружение? Да это же чепуха! Какое значение может иметь какое-то капиталистическое окружение, если мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Новые формы вредительства, борьба с троцкизмом? Все это пустяки! Какое значение могут иметь все эти мелочи, когда мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда? Стоит ли вообще возиться с этими мелочами, если хозяйство у нас растет, а материальное положение рабочих и крестьян все более и более улучшается? Пустяки все это! Планы перевыполняем, партия у нас неплохая, ЦК партии тоже неплохой, — какого рожна еще нам нужно? Странные люди сидят там, в Москве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают...

Вот вам наглядный пример того, как легко и «просто» заражаются политической слепотой некоторые наши неопытные товарищи в результате головокружительного увлечения хозяйственными успехами.

Таковы опасности, связанные с успехами, с достижениями.

Таковы причины того, что наши партийные товарищи, увлекшись хозяйственными успехами, забыли о фактах международного и внутреннего характера, имеющих существенное значение для Советского Союза, и не заметили целого ряда опасностей, окружающих нашу страну.

Таковы корни нашей беспечности, забывчивости, благодушия, политической слепоты.

Таковы корни недостатков нашей хозяйственной и партийной работы.

V. НАШИ ЗАДАЧИ

Как ликвидировать эти недостатки нашей работы?

Что нужно сделать для этого?

Необходимо осуществить следующие мероприятия:

1) Необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязающих в «текущих вопросах» по линии того или иного ведомства, в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера.

2) Необходимо поднять политическую работу нашей партии на должную высоту, поставив во главу угла задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров.

3) Необходимо разъяснять нашим партийным товарищам, что хозяйственные успехи, значение которых бесспорно очень велико и которых мы будем добиваться и впредь, изо дня в день, из года в год, все же не исчерпывают всего дела нашего социалистического строительства.

Разъяснять, что теневые стороны, связанные с хозяйственными успехами и выражающиеся в самодовольстве, беспечности, в притуплении политического чутья, могут быть ликвидированы лишь в том случае, если хозяйственные успехи сочетаются с успехами партийного строительства и развернутой политической работы нашей партии.

Разъяснять, что сами хозяйственные успехи, их прочность и длительность целиком и полностью зависят от успехов партийно-организационной и партийно-политической работы, но без этого условия хозяйственные успехи могут оказаться построенными на песке.

4) Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза.

Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение, будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства.

Разъяснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

5) Необходимо разъяснять нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем классе, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов.

Разъяснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома.

б) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам разницу между современными вредителями и вредителями шахтинского периода, разъяснить, что если вредители шахтинского периода обманывали наших людей на технике, используя их техническую отсталость, то современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним как к членам партии, используя политическую беспечность наших людей.

Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду.

Могут спросить: разве нельзя было лет десять тому назад, в период шахтинских времен, дать сразу оба лозунга — и первый лозунг об овладении техникой, и второй лозунг о политическом воспитании кадров? Нет, нельзя было. Так у нас дела не делаются в большевистской партии. В поворотные моменты революционного движения всегда выдвигается один какой-либо основной лозунг как узловой для того, чтобы, ухватившись за него, вытянуть через него всю цепь. Ленин так учил нас: найдите основное звено в цепи нашей работы, ухватитесь за него и вытягивайте его для того, чтобы через него вытянуть всю цепь и идти вперед. История революционного движения показывает, что эта тактика является единственно правильной тактикой. В шахтинский период слабость наших людей состояла в их технической отсталости. Не политические, а технические вопросы составляли тогда для нас слабое место. Что касается наших политических отношений к тогдашним вредителям, то они были совершенно ясны как отношения большевиков к политически чуждым людям. Эту нашу техническую слабость мы ликвидировали тем, что дали лозунг об овладении техникой и воспитали за истекший период десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров. Другое дело теперь, когда мы имеем уже технически подкованные большевистские кадры и когда в роли вредителей выступают не открыто чуждые люди, не имеющие к тому же никаких технических преимуществ в сравнении с нашими людьми, а люди, обладающие партийным билетом и пользующиеся всеми правами членов партии. Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы. Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно заполучившим партийный билет.

Такова коренная разница между узловым вопросом в деле борьбы за кадры в период шахтинских времен и узловым вопросом настоящего периода.

Вот почему мы не могли и не должны были давать лет десять тому назад оба лозунга — и лозунг об овладении техникой, и лозунг о политическом воспитании кадров.

Вот почему старый лозунг об овладении техникой необходимо теперь дополнить новым лозунгом об овладении большевизмом, о политическом воспитании кадров и ликвидации нашей политической беспечности.

7) Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным.

Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с Советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой её конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки.

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм.

Необходимо помнить все это и быть начеку.

8) Необходимо разбить и отстранить прочь другую гнилую теорию, говорящую о том, что не может быть будто бы вредителем тот, кто не всегда вредит и кто хоть иногда показывает успехи в своей работе.

Эта странная теория изобличает наивность ее авторов. Ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу.

Я думаю, что вопрос этот ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

9) Необходимо разбить и отбросить прочь третью гнилую теорию, говорящую о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на нет вредительство и результаты вредительства.

Подобная теория может преследовать лишь одну цель: пощекотать ведомственное самолюбие наших работников, успокоить их и ослабить их борьбу с вредительством.

Что значит «систематическое выполнение наших хозяйственных планов»?

Во-первых, доказано, что все наши хозяйственные планы являются заниженными, ибо не учитывают огромных резервов и возможностей, таящихся в недрах нашего народного хозяйства.

Во-вторых, суммарное выполнение хозяйственных планов по наркоматам в целом еще не значит, что по некоторым очень важным отраслям так же выполняются планы. Наоборот, факты говорят, что целый ряд наркоматов, выполнивших и даже перевыполнивших годовые хозяйственные планы, систематически не выполняют планов по некоторым очень важным отраслям народного хозяйства.

В-третьих, не может быть сомнения в том, что если бы вредители не были разоблачены и выброшены вон, с выполнением хозяйственных планов дело обстояло бы куда хуже, о чем следовало бы помнить близоруким авторам разбираемой теории.

В-четвертых, вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны. Допустим, что мы стали бы убаюкивать себя гнилой теорией о «систематическом выполнении хозяйственных планов» и не трогали бы вредителей. Представляют ли авторы этой гнилой теории, какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о «систематическом выполнении хозяйственных планов».

Не ясно ли, что теория о «систематическом выполнении хозяйственных планов» есть теория, выгодная для вредителей?

10) Необходимо разбить и отбросить прочь четвертую гнилую теорию, говорящую о том, что стахановское движение является будто бы основным средством ликвидации вредительства.

Эта теория выдумана для того, чтобы под шумок болтовни о стахановцах и стахановском движении отвести удар от вредителей.

Товарищ Молотов в своем докладе демонстрировал целый ряд фактов, говорящих о том, как троцкистские и нетроцкистские вредители в Кузбассе и Донбассе, злоупотребляя доверием наших политически беспечных товарищей, систематически водили за нос стахановцев, ставили им палки в колеса, искусственно создавали целый ряд препятствий для их успешной работы и добились, наконец, того, что расстроили их работу. Что могут сделать одни лишь стахановцы, если вредительское ведение капитального строительства, скажем, в Донбассе привело к разрыву между подготовительными работами по добыче угля, которые отстают от темпов, и всеми другими работами? Не ясно ли, что само стахановское движение нуждается в реальной помощи с нашей стороны против всех и всяких махинаций вредителей для того, чтобы двинуть вперед дело и выполнить свою великую миссию? Не ясно ли, что борьба с вредительством, борьба за ликвидацию вредительства, обуздание вредительства является условием, необходимым для того, чтобы стахановское движение могло развернуться во всю ширь?

Я думаю, что вопрос этот также ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

11) Необходимо разбить и отбросить прочь пятую гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских вредителей нет будто бы больше резервов, что они добирают будто бы свои последние кадры.

Это неверно, товарищи... Такую теорию могли выдумать только наивные люди. У троцкистских вредителей есть СВОИ резервы. Они состоят прежде всего из остатков разбитых эксплуататорских классов. Они состоят из целого ряда групп и организаций за пределами СССР, враждебных Советскому Союзу.

Взять, например, троцкистский контрреволюционный IV интернационал, состоящий на две трети из шпионов и диверсантов. Чем это не резерв? Разве не ясно, что этот шпионский интернационал будет выделять кадры для шпионско-вредительской работы троцкистов?

Или еще, взять, например, группу пройдохи Шеффо в Норвегии, приютившую у себя обер-шпиона Троцкого и помогавшую ему пакостить Советскому Союзу. Чем эта группа не резерв? Кто может отрицать, что эта контрреволюционная группа будет и впредь оказывать услуги троцкистским шпионам и вредителям?

Или еще, взять, например, другую группу такого же пройдохи, как Шеффо, группу Суварина во Франции. Чем она не резерв? Разве можно отрицать, что эта группа пройдох также будет помогать троцкистам в их шпионско-вредительской работе против Советского Союза?

А все эти господа из Германии, всякие там Рут Фишеры, Масловы, Урбансы, продавшие душу и тело фашистам, — чем они не резерв для троцкистской шпионско-вредительской работы?

Или, например, известная орда писателей из Америки во главе с известным жуликом Истменом, все эти разбойники пера, которые тем и живут, что клеветают на рабочий класс СССР, — чем они не резерв для троцкизма?

Нет, надо отбросить прочь гнилую теорию о том, что троцкисты добирают будто бы последние кадры.

12) Наконец, необходимо разбить и отбросить прочь еще одну гнилую теорию, говорящую о том, что так как нас, большевиков, много, а вредителей мало, так как нас, большевиков, поддерживают десятки миллионов людей, а троцкистских вредителей — лишь единицы и десятки, то мы, большевики, могли бы и не обращать внимания на какую-то кучку вредителей.

Это неверно, товарищи. Эта более чем странная теория придумана для того, чтобы утешить некоторых наших руководящих товарищей, провалившихся на работе ввиду их неумения бороться с вредительством, и усыпить их бдительность, дать им спокойно спать.

Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало.

Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах.

Так обстоит дело с вопросом о том, как ликвидировать недостатки нашей работы, общие для всех наших организаций, — как хозяйственных и советских, так и административных и партийных.

Таковы меры, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки.

Что касается специально партийных организаций и недостатков в их работе, то о мерах ликвидации этих недостатков достаточно подробно говорится в представляемом на ваше усмотрение проекте резолюции. Я думаю поэтому, что нет необходимости распространяться здесь об этой стороне дела.

Хотелось бы только сказать несколько слов по вопросу о политической подготовке и усовершенствовании наших партийных кадров.

Я думаю, что если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры снизу доверху подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач.

Как обстоит дело с руководящим составом нашей партии?

В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет нашей партии.

Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство.

Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство.

Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти ряды свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров — вот задача.

Что требуется для этого?

Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям — от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций — подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч.

Надо только их знать и вовремя выдвигать, чтобы они не переставали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящете.

Далее. Для партийного обучения и переподготовки секретарей ячеек необходимо создать в каждом областном центре четырехмесячные «Партийные курсы». На эти курсы надо направлять секретарей всех первичных партийных организаций (ячеек), а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место — их заместителей и наиболее способных членов первичных парторганизаций.

Дальше. Для политической переподготовки районных организаций необходимо создать по СССР, скажем, в 10 наиболее важных центрах, восьмимесячные «Ленинские курсы». На эти курсы следует направлять первых секретарей районных и окружных партийных организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место — их заместителей и наиболее способных членов районных и окружных организаций.

Дальше. Для идеологической переподготовки и политического усовершенствования секретарей городских организаций необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячные «Курсы по истории и политике партии». На эти курсы следует направлять первых или вторых секретарей городских организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место — наиболее способных членов городских организаций.

Наконец, необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячное «Совещание по вопросам внутренней и международной политики». Сюда надо направлять первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо, и это должно быть сделано...

Мы изложили, таким образом, основные недостатки нашей работы, — как те, которые общи для всех наших организаций, хозяйственных, административных, партийных, так и те, которые свойственны лишь специально партийным орга-

низациям, недостатки, используемые врагами рабочего класса для своей диверсионно-вредительской и шпионско-террористической работы.

Мы наметили, далее, основные мероприятия, необходимые для того, чтобы обезвредить и ликвидировать диверсионном вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов иностранных разведывательных органов.

Спрашивается, можем ли осуществить все эти мероприятия, есть ли у нас для этого все необходимые возможности?

Безусловно, можем. Можем, так как у нас есть в нашем распоряжении все средства, необходимые для того, чтобы осуществить эти мероприятия.

Чего же не хватает у нас?

Не хватает только одного: готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость.

В этом загвоздка.

Но неужели мы не сумеем разделаться с этой смешной и идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли великое знамя мирового коммунизма?

У нас нет оснований сомневаться в том, что безусловно разделаемся с ней, если, конечно, захотим этого. Разделаемся не просто, а по-большевистски, по-настоящему.

И когда мы разделаемся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом.

А. Я. Вышинский. НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ ВРЕДИТЕЛЬСКО-ДИВЕРСИОННОЙ РАБОТЫ ТРОЦКИСТСКО-ФАШИСТСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ

Товарищ Сталин в своем историческом докладе на пленуме ЦК ВКП(б) «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» дал блестящий анализ этих недостатков и указал практические меры к их устранению.

Товарищ Сталин в своем докладе заострил внимание на вопросах о капиталистическом окружении и о современном троцкизме, превратившемся «...в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств».

Товарищ Сталин беспощадно вскрыл ошибки тех наших товарищей, которые неправильно представляют себе эти вопросы. Такие товарищи привыкли болтать о капиталистическом окружении, но они не понимают его подлинной природы, его существа, не понимают связи, которая существует между капиталистическим окружением и такими фактами, как шпионаж, диверсия, вредительство и террор, и не умеют сделать отсюда соответствующих выводов.

Эти товарищи забыли, говорил товарищ Сталин, о законе взаимоотношений между буржуазными государствами, в силу которого каждое из этих государств

систематически засылает своих разведчиков, шпионов и диверсантов в тылы соседних государств.

Но если отношения капиталистических государств между собою определяются указанным выше законом, то может ли быть иным их отношение к СССР — стране победившего социализма, несущей счастье и освобождение от капиталистического рабства эксплуатируемым и угнетенным народам и трудящимся массам всего мира!

Конечно, нет! Вот почему капиталистические государства засылают в наши тылы и будут засылать впредь «...вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства» (Сталин). Этих вредителей, шпионов, диверсантов и убийц иностранные разведки направляют в СССР как своих агентов, используя их для своих преступных целей достаточно широко и умело. Такими наиболее подходящими для фашизма агентами в осуществлении этих преступных замыслов в настоящее время являются троцкисты, представляющие собой беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц из иностранных разведок.

До самого недавнего времени далеко не все товарищи ясно представляли себе подлинную сущность современного троцкизма и его роль в борьбе капиталистических интервентов против СССР.

Троцкисты оказались для фашистов наиболее подходящей агентурой в осуществлении таких безмерно подлых преступлений против социализма и Советской страны, как шпионаж, вредительство, диверсии, террор, измена родине, ставшие за последние годы их обычными и излюбленными методами борьбы против социалистического государства рабочих и крестьян.

Организация на территории СССР настоящих шаек уголовных преступников и авантюристов вроде Шестова, Арнольда, Турока, Ратайчака и тому подобных головорезов, подготовка террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского государства, прямой грабёж государственных средств для более успешной реализации своих преступных замыслов, вредительство, диверсия, шпионаж в пользу японской и германской разведок и развертывание под руководством этих разведок целой системы подлейших преступлений — вот что характеризует нынешних троцкистов и современный троцкизм.

«Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств».

* * *

Так товарищ Сталин охарактеризовал в своем докладе 3 марта 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) современный троцкизм, подчеркивая его подлинную сущность и ту эволюцию, которую троцкизм проделал за последние годы.

Недавние судебные процессы — дело так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского центра, кемеровское дело (Западная Сибирь), дело антисоветского троцкистского центра, дело недавно осужденных и расстрелянных презренных предателей и подлых изменников — Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана и др., чьи имена покрыты теперь вечным

проклятием, — воочию показали разбойничье лицо троцкистско-фашистских бандитов. Стоит только напомнить о таких фактах, как систематические убийства рабочих при помощи взрывов и загазования шахт, систематические крушения поездов с человеческими жертвами, как убийства честных людей, мешающих выполнению преступных замыслов (например убийство инженера Бояршинова), как ограбления банков, как, например, прямой переход на сторону врага и служба в иностранных разведках, чтобы не осталось никакого сомнения в том, как глубоко моральное падение этих господ, превратившихся в настоящих палачей рабочих и крестьян нашей страны, в изменников родины.

Не случайно, разумеется, в рядах троцкистов оказались такие люди, как Арнольд, этот международный бродяга, побывавший чуть ли не во всех странах мира и всюду оставлявший следы своих грязных, мошеннических проделок, или такие проходимцы, как Ратайчак, Путна или Примаков.

На судебном процессе антисоветского троцкистского центра выяснилось, что враг народа Троцкий еще в 1929 г. подготавливал грабежи советских торгпредств за границей и что под его и некоторых иностранных разведок непосредственным руководством в течение ряда лет готовилась и осуществлялась диверсионная, вредительская, террористическая и шпионская деятельность целых шайк бандитов и предателей. Не ясно ли, что все эти люди независимо от своего ранга и положения в шпионско-диверсионном и террористическом подполье давно уже превратились «в разбойников с большой дороги», как их охарактеризовал товарищ Сталин в своем докладе на пленуме ЦК ВКП(б). Окончательно морально и политически разложившиеся, они пакостят и вредят Советскому государству и делу социализма как только могут, не брезгуя никакими средствами.

А средства эти чрезвычайно разнообразны. В арсенале наших врагов имеются всевозможные «методы» борьбы, начиная от таких старых средств, как контрреволюционная клевета, саботаж, вредительство, и кончая диверсией, шпионажем, террором, изменой родине.

Все эти контрреволюционные преступления врагов народа переплелись в троцкистско-фашистском подполье с прямыми уголовными преступлениями: кражами, грабежами, поджогами, подлогами и убийствами. Потерявшие всякий стыд и совесть, не имеющие никакой опоры в массах, обреченные на полную изоляцию, покрытые позором и всенародным презрением, эти наймиты иностранных разведок не брезгуют никакими методами и способами борьбы.

Вот почему среди «методов» борьбы этих фашистских негодяев одно из виднейших мест занимает испытанное в руках врагов социалистического государства и советской власти средство — вредительство.

* * *

Вредительство как метод борьбы против социализма и советской власти имеет свою историю. Эта история началась с первых дней Октябрьской революции — с саботажа государственных чиновников, отказавшихся подчиниться новому, рабоче-крестьянскому правительству и пытавшихся отказом от работы в государственных учреждениях сорвать организацию новой власти.

Эта попытка быстро и решительно была ликвидирована, саботажники были разгромлены, и жизнь государственных учреждений хотя и постепенно, но уверенно вошла в свою колею, пошла по новым рельсам. Разумеется, саботажнические настроения этой части служащих были изжиты не сразу. Эти настроения в течение еще длительного времени давали себя знать. Это в особенности надо сказать о верхушке тогдашней служилой интеллигенции и в частности о верхушке инженерно-технических работников, занятых на предприятиях, принадлежавших выброшенным в белую эмиграцию помещикам и капиталистам.

Не случайно, что именно из рядов этой старой, высоко оплачивавшейся капиталистами технической интеллигенции вышла шахтинская организация, положившая начало новому периоду в развитии борьбы буржуазной контрреволюции против советской власти.

Один из главарей шахтинского заговора — инженер Матов, осужденный по шахтинскому делу, вскрывая причины зарождения и развития вредительской шахтинской организации, говорил:

«Октябрьская революция была мною и рядом других лиц воспринята как нечто неожиданное, нечто непонятное... Я и многие другие инженеры, занимавшие аналогичное моему положение или уже достигшие известного материального благополучия, в сущности были при старом строе совершенно обеспечены; наша будущность была тоже совершенно обеспечена. Будучи директором рудника или управляющим, или даже главным инженером, получая значительный оклад — я в 1916 г. получал 1000 рублей жалования в месяц и мог рассчитывать на премии в несколько тысяч рублей, — мы были совершенно спокойны за наше будущее. Наше будущее было совершенно определено.

...Октябрьская революция внесла в нашу жизнь нечто неясное и что-то такое, что, во всяком случае, было трудно учесть, к чему было трудно подойти, что было трудно осознать и понять, — во всяком случае, она внесла что-то такое, что перевернуло вверх дном все наши привычки, весь наш уклад жизни, который казался нам нормальным...»

Такие же показания о себе давали и другие подсудимые шахтинцы. Так, на суде инженер Калганов сказал:

«Раньше мы принадлежали к категории работников, резко выделявшихся по уровню материального благополучия; наша служба давала нам покой и более или менее хорошее общественное положение, а после революции мы разделили общее положение со всеми; особых привилегий не давалось, а нужда, имевшая место в годы гражданской войны и в первый период восстановительной работы, не могла нас настроить к советской власти благоприятно. Влияние имело и следующее обстоятельство: техническая интеллигенция, по сравнению с другими группами интеллигенции, была гораздо ближе к промышленному капиталу по самому своему положению. Даже не имея собственных капиталов, мы все же как-то интенсивнее интересовались существом именно капиталистических отношений в тех предприятиях, в которых мы работали. При капиталистическом строе мы являлись в известной степени обер-офицерами капитала, если можно так выразиться. Именно через нас капитал осуществлял свойственную и неизбежную при капитализме эксплуатацию рабочих, а это, в свою очередь, порождало уже известную идеологию, которая резко отделяла нас от рабочих,

противопоставляла нас им. Радикальное изменение этого порядка после революции многих из нас выбило из колеи; для многих из нас переменить свое мировоззрение и особенно проявить его на деле было очень трудно. Все эти причины и предпосылки создали для меня и других те побудительные мотивы, которые заставили нас стать на враждебный для пролетариата и советской власти путь».

«Одной из причин моей несимпатии к советской власти,— говорил подсудимый Братановский,— была боязнь, что эта власть способна только разрушать, а не созидать...»

«Мои настроения, — говорил о себе шахтинец инженер Горлецкий, работавший до революции директором-распорядителем Донецко-Грушевского акционерного общества,— не отличались от большинства остальных специалистов — я тоже не верил в то, что советская власть просуществует долго. Все мы думали, что советская власть (большевики) не сумеет восстановить и сельское хозяйство. Я считал, как и многие из интеллигенции того времени, что развалившуюся промышленность и хозяйство страны советская система и власть восстановить не смогут...»

* * *

Вот почва, на которой возникла в период 1919—1921 гг. и особенно широко развернулась в период 1924—1928 гг. шахтинская организация, представляющая собой классическую форму буржуазной контрреволюции того времени.

Известно, что в то время центром вредительской деятельности являлся Донбасс, но руководящую роль в деле организации вредительства играло к этому времени в Париже «Объединение бывших горнопромышленников юга России», во главе которого стояли руководители бывшего совета съездов горнопромышленников — Соколов, Прядкин, Буров, Фенин.

Параллельно с этим «Объединением» подобную же роль играло другое зарубежное общество, известное под именем «Польское объединение бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе», во главе с известным деятелем буржуазной контрреволюции Дворжанчиком.

Кроме того, отдельные инженеры — члены вредительских организаций в Донбассе и в частности в городе Шахты находились в непосредственной связи с бывшими владельцами различных угольных предприятий и директорами акционерных обществ, владевших угольными шахтами в Донбассе до революции. Такова была связь шахтинцев Матова, Детера, Шадлуна, Суцевского с бывшим капиталистом Парамоновым, бывшим министром торговли и промышленности белого донского правительства Фениным, с известными французскими капиталистами Ремо, Сансе и пр.

Все эти господа не только были организаторами вредительства на шахтах и предприятиях, перешедших в собственность трудящихся и Советского государства, но и организаторами усиленно подготовлявшейся в то время интервенции. Усиленно готовясь к нападению на СССР, иностранные интервенты опирались на шахтинских вредителей внутри СССР, всячески поддерживали их вредительскую контрреволюционную работу для ослабления обороноспособности СССР и подготовки наиболее благоприятных условий для

своего военного нападения на СССР. Энергичная поддержка, оказывавшаяся шахтинским вредителям различными заграничными капиталистическими организациями («Объединением бывших горнопромышленников юга России», «Французским объединением бывших владельцев и акционеров бывших предприятий», «Польским объединением бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе», «Обществом кредиторов бывшей старой России» и др.), объяснялась в известной степени еще и непосредственной заинтересованностью руководителей этих обществ в возвращении в их руки ранее принадлежавших им шахт и предприятий. В делах контрреволюционной вредительской организации были заинтересованы, таким образом, весьма широкие круги иностранных капиталистов, банкиров, финансистов и вообще частных собственников. Были в этих делах заинтересованы и руководители некоторых германских фирм, в частности фирма «АЕГ» (Всеобщее электрическое общество), связанная с вредителями через подсудимых Башкина и инженера Казаринова, служившего в то время в Берлинском торгпредстве в качестве представителя Донугля.

Напомню, что одна из видных ролей в этой вредительской контрреволюционной работе принадлежала осужденному по этому делу в 1928 г. инженеру Бояршинову, который впоследствии не только порвал с вредителями, но и повел с ними борьбу. Эту борьбу инженер Бояршинов вел в последние годы и с троцкистскими вредителями. Как это выяснилось по делу антисоветского троцкистского центра, троцкисты отомстили Бояршинову. Подсудимый Шестов признал, что именно его руками и руками его сообщников инженер Бояршинов был убит за разоблачение вредительской деятельности японо-германских троцкистских бандитов.

* * *

Шахтинское дело в свое время приобрело громадную известность главным образом вследствие того, что в нем с исключительной отчетливостью выявились основные отличительные свойства новой формы борьбы буржуазной контрреволюции против СССР. Шахтинское дело приобрело значение международного дела, так как в нем нашли свое выражение стремления не только контрреволюционной верхушечной части старой технической интеллигенции, но и стремления наиболее реакционных и враждебных Советскому Союзу капиталистических стран. Значение этого дела определялось еще и тем, что шахтинские вредители, как и вредители из «промпартии», были членами организаций, созданных бывшими капиталистами-эмигрантами при активной поддержке иностранных разведок.

Сами шахтинцы говорили о себе, что они «обер-офицеры капитала», что они унаследовали от капитализма жгучую ненависть к советскому строю и стремление к капиталистической реставрации. Наши враги были уверены в недолговечности советской власти, в неизбежности возврата капиталистических порядков, хотя бы с помощью штыков иностранных интервентов.

«Большевики пришли, большевики уйдут», так говорили шахтинцы. Эта «идея» определяла собой и методы преступной деятельности шахтинских и «промпартийских» вредителей.

Сначала «пассивный саботаж»: вредители скрывают ценные пласты угольных месторождений, стараются эксплуатировать наихудшие пласты, приберегая лучшие пласты для старых, «настоящих хозяев», которые вот-вот должны возвратиться в свои разоренные Великой социалистической революцией гнезда.

Этот «пассивный саботаж» сочетался со шпионско-разведывательной работой, рассчитанной на подготовку интервенции и срыв обороноспособности СССР. Так шло дело два-три года. Но надежды на скорое падение советской власти все больше потухали, и «пассивный саботаж» сменился скрытым вредительством, прямо направленным против народного хозяйства и против советской власти.

Этот период в деятельности вредителей характеризуется такими преступлениями, как умышленная порча механизмов, турбин, лебедок, затопление шахт и т. п. Преступления эти не смогли, разумеется, остановить развития советского народного хозяйства, не смогли поколебать устойчивости и прочности Советского государства.

Однако вредители не успокаивались, да и не могли успокоиться, поскольку вредительство явилось одной из форм борьбы буржуазной контрреволюции против пролетарского государства, против социалистического строительства. Именно это обстоятельство определяло и вес значение шахтинского дела, вскрывая роль шахтинцев как одного из отрядов буржуазной контрреволюции, наиболее приспособленного в то время для борьбы за интересы этой буржуазной контрреволюции.

Не случайно подлинными вдохновителями и организаторами шахтинского вредительства явились некоторые круги международной буржуазии. Не случайно вредительская организация Донбасса оказалась в чрезвычайно интимной близости с капиталистическими организациями некоторых иностранных государств и некоторыми иностранными разведками. Заговор шахтинских вредителей вскрыл крупнейшие недостатки и ошибки в нашей хозяйственной работе и в самой системе хозяйственного управления, притупление большевистской бдительности и революционного чутья в отношении классовых врагов, неудовлетворительность работы по вовлечению рабочих масс в дело руководства производством, отрыв руководящих органов ряда наших профессиональных и партийных организаций от масс и явную слабость партийного руководства этих организаций хозяйственным строительством.

Шахтинское дело сигнализировало о необходимости коренной перестройки всей работы наших хозяйственных организаций и методов работы наших партийных органов.

Наша партия под руководством своего Центрального комитета бесстрашно и мужественно вскрыла недостатки, ошибки и извращения в работе хозяйственных органов и в частности в системе хозяйственного управления и указала средства и способы устранения этих недостатков. Наша партия в короткий срок сумела ликвидировать последствия шахтинского вредительства, залечить нанесенные вредителями раны. Из шахтинского дела были извлечены все необходимые уроки и главный урок, о котором товарищ Сталин в свое время сказал: «Урок, вытекающий из шахтинского дела, состоит в том, чтобы ускорить темп образования, создания новой технической интеллигенции из людей рабочего

класса, преданных делу социализма и способных руководить технически нашей социалистической промышленностью».

* * *

Наша техническая отсталость в то время была одним из самых слабых мест социалистического строительства.

«Эту нашу техническую слабость мы ликвидировали тем, что дали лозунг об овладении техникой и воспитали за истекший период десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров», — говорил на пленуме ЦК ВКП(б) в марте 1937 г. товарищ Сталин.

Но этот успех нам дался не сразу. Враг не прекращал своей борьбы и после разгрома шахтинских вредителей, вредительство по-прежнему оставалось в руках врага отравленным оружием, одним из средств сопротивления делу социализма. Это отчетливо доказал судебный процесс «промпартии» (1930 г.), продолжавшей преступную деятельность шахтинцев. «Промышленная партия» («промпартия») состояла из верхушки старой инженерно-технической интеллигенции, из крупных специалистов и профессоров, занимавших при капиталистическом строе привилегированное положение и являвшихся в известной своей части участниками капиталистических предприятий.

«Промышленная партия» образовалась в Москве в 1927 г. из другой контрреволюционной организации, сложившейся еще в 1926 г. под названием «инженерно-технического центра». «Инженерно-техническим центром» эта организация называлась потому, что главными ее деятелями были инженеры. Эти инженеры сами в большинстве случаев были капиталистами или участниками, совладельцами капиталистических предприятий, акционерных компаний и т. д. Так, одним из организаторов «инженерно-технического центра» был инженер Рабинович — сам бывший шахтовладелец.

Другие «вожди» «инженерно-технического центра» — Пальчинский, Хренников, Горлецкий — были участниками акционерных обществ, крупными собственниками. Таких примеров можно было бы привести множество. Кроме крупных собственников в эти организации входили по преимуществу крупнейшие инженеры, занимавшие до революции места управляющих и главных инженеров.

Из этого «инженерно-технического центра» и возникла «промышленная партия» во главе с теми же Пальчинским, Рабиновичем, Хренниковым и др. Головка «промпартии» являлась ее «центральным комитетом», ставшим главной руководящей силой всей вредительской и контрреволюционной деятельности антисоветской части инженеров и профессоров, работавших в различных советских учреждениях.

Один из подсудимых по делу «промпартии» — инженер Ларичев рассказал Верховному суду о том, как и из кого образовались и «инженерно-технический центр» и затем «промпартия». Он говорил, что основное ядро этих организаций составилось из верхушки старого инженерства, враждебно встретившей Октябрьскую революцию и продолжавшей к ней враждебно относиться и в течение ряда последующих лет. Но кроме верхушки в «промпартию» входила часть и рядовых инженеров.

Какие причины привели в эту организацию рядовых инженеров?

На этот вопрос подсудимый Ларичев дал такой ответ: «Рядовое инженерство вступило на путь этой борьбы, на путь активного противодействия советской власти в силу того, что большинство этих инженеров было насквозь пропитано взглядами буржуазного строя, в силу того, что большинство из них было выходцами из буржуазии, а отчасти из мелкобуржуазных элементов».

* * *

Ларичев был прав. Все эти вредители были плоть от плоти, кость от кости самой буржуазии: они происходили из буржуазной среды, они были воспитаны в буржуазных школах, им были в свое время внушены буржуазные взгляды, они были тесно связаны с буржуазией, они, так сказать, выросли в капиталистический строй, при капитализме они чувствовали себя, как рыба в воде.

Эти инженеры не сочувствовали советскому строю, потому что этот строй им был не по вкусу: он противоречил всем их понятиям, взглядам, привычкам, всей их прошлой жизни.

Подсудимый Федотов, старый профессор и инженер, признавался на суде, что он только после ареста понял, что советская власть есть подлинная народная власть. Подлинной властью до того он считал лишь власть капиталистов и помещиков.

«Промышленная партия» — это партия крупных специалистов, профессоров и инженеров, занимавших при капиталистическом строе привилегированное положение и являвшихся в значительной своей части участниками капиталистических предприятий и собственниками.

Один из подсудимых по делу «промпартии» — Куприянов — 17 лет был управляющим у крупнейшего фабриканта Коновалова, впоследствии сделавшегося министром в правительстве Керенского. Куприянов руководил тремя большими фабриками. Связь Куприянова с Коноваловым не прерывалась и после Октябрьской революции.

Подсудимый профессор Калинин, сын помещика, имевшего 209 десятин земли в бывшей Тульской губернии, примыкал к кадетской партии, будучи связан с видными деятелями разных антисоветских организаций. Профессор Чарновский до революции работал инженером на Мытищинском и Сормовском заводах и был доверенным лицом их владельца, крупного капиталиста Мещерского. Как и Калинин, он примыкал к кадетам.

Все эти главные вожаки «промпартии» были крепко связаны с крупнейшими фабрикантами и заводчиками — Коноваловыми, Морозовыми, Прохоровыми, Мещерскими и др.

После Октябрьской революции и окончания гражданской войны все они бежали за границу.

К этому времени бежал за границу и ряд других капиталистов — Гукасов, Манташев — нефтепромышленники; Соколов, Парамонов — шахтовладельцы; крупнейшие помещики вроде Марковых; разгромленные в гражданской войне генералы — Миллер, атаман Богаевский, бывший царский министр Коковцев и др.

За границей они вели работу по подготовке нападения на Советскую страну извне при помощи иностранных капиталистов, в то же время поддерживая связь

со «своими людьми» — членами «промпартии», стараясь всячески подорвать советское хозяйство. За границей они организовали так называемый «торгово-промышленный комитет» («торгпром»), взявший на себя организацию борьбы с советской властью при помощи антисоветски настроенных служащих и инженеров предприятий, ранее принадлежавших членам «торгпрома».

Этот «торгпром» и «промпартию» энергично поддерживали такие иностранные капиталисты, как Ротшильд, Буроз, Детердинг и др.

Особенно нужно подчеркнуть роль Детердинга — заклятого врага советской власти, в течение ряда лет всеми средствами поддерживавшего белогвардейцев, фашистов, меньшевиков, вредителей из «промпартии» в их борьбе против СССР. Этот Детердинг в июне 1930 г., обращаясь к молодому поколению эмигрантов, публично заявил: «Вы должны помнить, что вся работа, вся ваша деятельность будет протекать на вашей родной земле. Надежды на скорое освобождение России крепнут и усиливаются с каждым днем. Сейчас освобождение вашей великой родины близко, освобождение России может произойти гораздо скорее, чем мы все думаем, даже через несколько месяцев». Таким образом, Детердинг не только прямо подстрекал белоэмигрантов к участию в войне против СССР, но и ублажал их надеждой на скорую и легкую победу.

В контрреволюционной работе «промпартии» не малую роль сыграл и знаменитый Рябушинский, подсчитавший в белой газетке «Возрождение» все выгоды для капиталистов от войны против СССР и свержения советской власти.

Деятели «промпартии» — Рамзин, Осадчий, Чарновский, Федотов, Ларичев и др. были в тесной связи с Нобелем, Манташевым, Мещерским, Коноваловым и другими крупными капиталистами-эмигрантами. От них они получали необходимые для своей преступной деятельности денежные средства, и на них они работали не за страх, а за совесть, вдохновляемые самим Пуанкаре и его агентурой.

«Промпартийцы», как и шахтинцы, делали ставку также на вредительство и интервенцию и приурочивали осуществление своих агрессивных замыслов к весне 1931 г. Как известно, эти замыслы были разоблачены, заговорщики были схвачены и беспощадно раздавлены.

* * *

Провал шахтинцев и их преступных замыслов кое-чему научил господ контрреволюционеров и в частности «промпартийцев». Они поняли, что вредить социалистическому строительству такими способами, какими пробовали подорвать наше хозяйство шахтинцы, очень трудно, а главное — крайне рискованно. Преступления шахтинцев, выразившиеся в уничтожении государственного имущества, в затоплении шахт, в устройстве завалов, в сокрытии от разработки ценных угольных пластов и т. п. и т. д., нередко именно из-за слишком большой топорности и грубости вредительской работы бросались в глаза и проваливались. Вот почему, вредители из «промпартии», используя все методы вредительства, перенесли центр своей вредительской работы в плановые учреждения, стараясь путем вредительского составления планов народного хозяйства добиться своих преступных целей, сорвать социалистическую индустриализацию, задержать, замедлить успехи социалистического строительства.

Вредительство этого периода можно охарактеризовать как вредительство преимущественно в области планирования, «плановое вредительство». Шахтинцы портили имущество, прямо и непосредственно разрушали материальные ценности, принадлежащие Советскому государству. «Промпартийцы» составляли вредительские планы, омертвляя вкладываемые в народное хозяйство капиталы, всевозможными преступными средствами подготавливая, как они тогда говорили, «всеобщий кризис» нашего народного хозяйства, о котором не переставали мечтать наши враги как внутри СССР, так и за его пределами. Вредители из «промпартии» старались разрушить наше топливное хозяйство, добиться уменьшения добычи металла, нефти, выработать меньше электричества, сорвать электрификацию, создавая различные «больные узлы», ставившие нашу промышленность в ряде случаев в чрезвычайно затруднительное положение.

Вредители старались всемерно задержать развитие оборонной промышленности, добиваясь снижения темпов работ, сокращения производственных возможностей, снижения планов и невыполнения даже этих сниженных планов. Они шли на откровенное жульничество, выпуская, например, один и тот же кирпич под разными марками, поставляя худший кирпич на более ответственные участки строительства и, наоборот, лучший кирпич — на менее ответственные участки.

На транспорте «промпартийцы» сдавали в лом хорошие, вполне пригодные для работы паровозы, всемерно задерживали постройку новых паровозов и вагонов, сознательно ухудшали качество топлива. Ведя подготовку к интервенции, вредители задерживали снабжение наиболее важных в оборонном отношении железных дорог нужными материалами и запасными частями. Они вообще не заботились о наличии материалов и запасных частей для ремонта, откровенно делая ставку на дезорганизацию железнодорожного транспортного хозяйства.

* * *

Но при всем различии методов и средств борьбы с советской властью, применявшихся шахтинцами и «промпартийцами», между теми и другими было то общее, что они, как это подчеркнул в своем докладе на последнем пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин, были «открыто чуждыми нам людьми».

Другое дело нынешние, современные фашистско-троцкистские вредители. Современные троцкистские вредители обманывали советскую власть и партию политически, двурушничали и изменяли родине, прикрываясь партийным билетом.

«...Троцкистские вредители, как люди с партбилетом, имеющие доступ во все места наших учреждений и организаций, оказались прямой находкой для разведывательных органов иностранных государств», — сказал товарищ Сталин, говоря о троцкистских агентах иностранных разведок.

В этом громадная разница между вредителями тогдашнего периода и нынешними вредителями. Это делает нынешних вредителей еще более опасными, чем были шахтинцы и «промпартийцы». Это требует еще большей бдительности и умения своевременно и полностью раскрыть и разоблачить все

преступные методы, всю преступную практику и технику троцкистско-бухаринских фашистских бандитов.

Шахтинцы и «промпартийцы» тоже всячески старались замаскировать свои преступления, но эта маскировка была сравнительно менее искусной, чем маскировка, практикуемая теперь троцкистско-бухаринскими агентами фашизма. Ни шахтинцы, ни «промпартийцы» не доходили до таких геркулесовых столбов цинизма, коварства, лицемерия и двурушничества, до каких дошли троцкисты. Но несмотря на самые хитрые приемы маскировки и двурушничества, искусные методы конспирации троцкистско-бухаринские бандиты и их гнезда разоблачены.

Товарищ Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. говорил:

«Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы». Именно поэтому основной задачей является сейчас ликвидация политической беспечности, повышение бдительности, овладение большевизмом.

Одним из средств ликвидации политической беспечности является правильное и ясное представление о задачах и целях троцкистских, правых и иных преступных организаций, групп и группок, о тех методах, способах и приемах, при помощи которых троцкистские и им подобные бандиты пытаются осуществить свои преступные замыслы. Поэтому товарищ Сталин указал на необходимость «разъяснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов».

Это указание имеет исключительно важное значение в деле правильной и успешной организации борьбы с кознями врагов народа — вредителей и диверсантов, каким бы флагом они ни маскировались — троцкистским или бухаринским.

В этом деле играет громадную роль изучение «практики и техники» вредительско-диверсионной и шпионской работы наших врагов.

Не лишне напомнить, что в статье «Как организовать соревнование?» Ленин указывал на необходимость выработки «тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами...», что именно в этом овладении опытом борьбы кроется залог нашего успеха, что сейчас «все дело в практике».

Для борьбы с «идиотской болезнью беспечности» особое значение приобретает знакомство с преступными методами и способами, которыми пользуется наш враг. Это отлично понимает раньше всего сам враг. Поэтому-то в его планы маскировки своих преступлений входит создание соответствующей атмосферы, «в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства...» (Сталин), убивающей и приглушающей всякую искру критики и самокритики, анализа, просто свежей мысли. В такой атмосфере, как в густом чаду, нельзя

разглядеть ни того, что делается вокруг, ни ориентироваться в обстановке. Этим умело пользуется враг для развертывания своей преступной деятельности, ускользая от наказания, все более и более наглея, делаясь все более дерзким и опасным в своих преступных посягательствах. В борьбе с таким врагом недостаточно одной решительности: нужно большое искусство, большое умение разоблачать врага и его преступные махинации. В этом заключается одна из важнейших задач в борьбе с троцкистско-фашистскими бандитами. Для этого, указал товарищ Сталин, мы обязаны «...знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов».

* * *

Методы, практика и техника преступной вредительско-диверсионной и шпионской деятельности чрезвычайно разнообразны. Очень трудно поэтому дать исчерпывающий перечень всех способов и видов этих преступлений. Однако можно дать характеристику наиболее распространенных способов вредительско-диверсионной деятельности и вскрыть некоторые «основные установки», общие «методические» правила этой преступной деятельности.

Анализируя факты, можно заключить, что при осуществлении своих преступных замыслов троцкистские вредители и диверсанты руководствуются следующими правилами: «наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах», как это сформулировал в своих циничных показаниях враг народа Пятаков; тщательно подготавливать и всячески маскировать эти удары, используя в своих преступных целях различные организационные и технические неполадки в работе отдельных предприятий и учреждений; в качестве маскировки прибегать к показному усердию, давать время от времени положительные факты в своей работе; добиваться наиболее полных вредительских диверсионных шпионских результатов при минимуме риска провала и разоблачения. Конечно, этим не исчерпывается арсенал вредительских методов. К этому необходимо добавить еще одно правило — максимальная конспирация в организации и осуществлении своих преступных планов. В этих целях вредители и диверсанты осуществляют связь между отдельными членами своей преступной организации и между отдельными группами по способу так называемой «цепочки»: каждый член организации поддерживает связь только с одним членом организации. Выделяется ряд членов подпольной организации, которые вообще не ведут никакой обычной преступной работы,— это так называемые «сугубо законспирированные» члены организации, вроде разоблаченного на процессе объединенного троцкистско-зиновьевского центра троцкиста-террориста Гольцмана. К этой категории относятся и так называемые «запасные» члены организации, остающиеся до известного условного момента в резерве.

Важно отметить, что, широко применяя методы двурушничества и маскировки, вредители и диверсанты обычно внешне проявляют кипучую энергию, всячески стараясь зарекомендовать себя преданными советской власти людьми. Они энергично и часто выступают на собраниях, зачастую притворно «разоблачают» «врагов народа», одновременно не стесняясь клеветой,

фальсификацией фактов, прямыми подлогами, чтобы скомпрометировать честных и действительно преданных партии и делу социализма людей. Иногда они жертвуют в этих целях кое-чем из собственных сообщников, создавая видимость борьбы с «вредителями», «троцкистами» и т. п. Они подогревают атмосферу «заянства и самодовольства», «парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений», как об этом говорил на последнем пленуме товарищ Сталин. Притупляя политическую бдительность, усиливая политическую беспечность, обманывая, фальсифицируя подлинное положение вещей, демобилизуя и всячески размагничивая людей, опутывая их своими коварными сетями, враги искусно используют и такие факты, как падение или ослабление трудовой дисциплины, нарушение правил внутреннего распорядка, разгильдяйство и расхлябанность на отдельных участках производства. Они поощряют беспечное отношение к такого рода фактам, всячески поддерживая пережитки капитализма в сознании людей, всевозможные старые навыки и привычки, мешающие развитию новых форм производства и общественной деятельности. В такой обстановке вредителям и диверсантам легче всего осуществлять свои коварные замыслы, вести свою подрывную работу.

Еще в 1933 г. в докладе «Итоги первой пятилетки» на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) товарищ Сталин указывал на то обстоятельство, что враги советской власти, полные лютой ненависти к новым формам хозяйства, быта, культуры, не будучи в состоянии пойти в прямую атаку против советской власти, «...пакостят как только могут, действуя тихой сапой».

* * *

Это в полной мере применимо и к современным троцкистским вредителям и диверсантам из японо-германской разведки.

Факты последних лет говорят о довольно широко распространенной системе вредительства и диверсий при помощи уничтожения инструментов, машин, организации пожаров, попыток массового уничтожения имущества социалистических предприятий, особенно на транспорте, устройства крушений, влекущих за собой человеческие жертвы и гибель подвижного состава.

Судебные процессы так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского центра и антисоветского троцкистского центра в Москве и ряд судебных процессов на периферии (кемеровский процесс, процесс группы диверсантов на Амурской железной дороге и др.) показали, что все эти преступления носят строго организованный характер, что они составляют целую систему преступной деятельности, направленной на дезорганизацию советского хозяйства, на ослабление обороноспособности СССР, на подготовку наиболее благоприятных условий нападения на нашу родину.

Успешности этих преступлений в огромной степени способствуют политическая беспечность и ротозейство со стороны ряда наших людей, их неспособность своевременно вскрыть эту преступную деятельность, эти преступные махинации врага.

Товарищ Сталин указал, что политическая беспечность в свою очередь объясняется достаточно широким распространением различных гнилых и

опасных теорий, которые усыпляют, заводят наших людей в капкан, а классовому врагу дают возможность оправиться для борьбы с советской властью.

Одной из таких гнилых теорий, особенно опасной в период кануна войны или самой войны, является теория о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на-нет вредительство и результаты вредительства. Товарищ Сталин разоблачил эту теорию наряду с другими гнилыми теориями, подчеркнув, что «какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о „систематическом выполнении хозяйственных планов“».

Этой теорией, между прочим, особенно широко пытались воспользоваться вредители и диверсанты на железнодорожном транспорте, стараясь прикрыть свою вредительскую работу ссылками, на успехи транспорта, в частности на достижение высоких скоростей и усиление общих темпов работы железных дорог.

Делая все, что только от них зависит, для того чтобы развалить работу железнодорожного транспорта, дезорганизовать его деятельность устройством железнодорожных катастроф, причиняющих огромный ущерб Советскому государству и уносящих в могилу десятки и сотни человеческих жизней, эти господа лицемерно и кощунственно на всех перекрестках кричат о перевыполнении ими «хозяйственных планов», успокаивая «ведомственное самолюбие» наших работников и тем самым ослабляя их борьбу с вредительством.

Троцкистско-бухаринские агенты фашистских японо-германских разведок, естественно, сосредоточили основное внимание на разрушении социалистической промышленности и железнодорожного транспорта. На транспорте слаженность всех участков производства является одним из важнейших условий правильного функционирования всего транспортного механизма, и там, следовательно, нарушение правильной работы какой-нибудь одной части этого механизма неизбежно влечет за собой чрезвычайные затруднения, а в отдельных случаях и на отдельных участках — и полное расстройство всей работы.

* * *

Это учли в полной мере японо-германские вредители, диверсанта шпионы и террористы, облюбовавшие для своих преступлений ряд участков нашего железнодорожного транспорта, в особенности те магистрали, которые имеют наиболее важное общегосударственное и оборонное значение.

Чрезвычайно ярким примером того, как «работает» иностранная разведка, какими методами осуществляет вербовку, служит история Строилова, осужденного по делу антисоветского троцкистского центра.

Немало поучительного в этом отношении можно извлечь и из последнего процесса банды Тухачевского, Якира и др. Эти фашистские агенты, шпионы и диверсанты в своей подлой, преступной деятельности пользовались испытанными методами двурушничества, лжи и вероломства, действуя по всем правилам разведывательного искусства, изученного ими в недрах некоторых иностранных

разведок. Нельзя преуменьшать умение и «искусство» этих разведок решать свои задачи. Нельзя отрицать, что иностранная разведка действует с большим искусством и достаточно тонко расставляет свои сети и капканы. Она при этом тщательно изучает людей, изучает слабости этих людей, отыскивая или стараясь отыскать в каждом своем объекте больные струны, которые надо уметь затронуть, чтобы добиться успеха. Разведывательные органы иностранных государств в прямом смысле слова подкарауливают каждую «слабость», каждый неосторожный или неосмотрительный шаг намечаемого объекта для вербовки, чтобы запутать его в своих коварных сетях или, во всяком случае, максимально использовать неосторожность в своих интересах. Приведу несколько примеров.

В январе 1937 г. в 4 часа утра некий советский гражданин К. возвращался домой с вечеринки. По дороге он увидел ресторан и, уже будучи навеселе, зашел в него. Здесь он встретил за одним из столиков также весело настроенного человека в военной форме. За другим столиком сидел иностранец. Гражданин К. видит, что «военный» пристаёт к этому иностранцу, стараясь вызвать его на скандал. Гражданин К. вмешивается, считая негостеприимным поведение «военного». У гр. К. зреет намерение «разоблачить» иностранца, в котором он заподозрил разведчика. Гражданин К. решает приступить к делу. Иностранец, действительно, оказался разведчиком, но достаточно опытным, чтобы не «провалиться» на знакомстве с гр. К. В результате гр. К. попадает на квартиру к этому разведчику, а затем петля на шее гр. К. затягивается все туже и туже, и гр. К., вместо того чтобы «прославиться» разоблачением шпиона, сам оказывается в его руках, пока и иностранец и гр. К. не были разоблачены органами НКВД.

Вот другой случай, имевший место в 1935 г. в Москве. В Центральном парке культуры и отдыха около театра масок один иностранный разведчик завел знакомство с двадцатилетним комсомольцем, сыном научного работника гр. Д. Разведчик предложил комсомольцу пойти с ним в Большой театр. Тот согласился. Пошли. Пригласил дальше разведчик своего нового знакомого пойти с ним в оперетту. Снова пошли, посмеялись, весело провели время. Дальше разведчик стал интересоваться тем, как гр. Д. живет, кто его семья, кто и где работает, не нуждается ли в чем и пр. Рассказал этот шпион и о себе, о своем достатке, и т. д. и т. п. Наврал, естественно, при этом с три короба, явно рассчитывая, что его новый знакомый окажется простофилей. Так оно и оказалось. Тем временем разведчик через гр. Д. расширяет круг своих знакомых. Д. познакомил своего нового «друга» с целым рядом своих товарищей, среди которых оказались работающие на предприятиях, представляющих для разведывательных органов определенный интерес. Таким путем разведчик очень широко развернул круг своих знакомых. Сначала ничего подозрительного в этом не было. Он не проявил себя нетактичным: не задавал неудобных вопросов, не делал никаких предложений о шпионской и осведомительной деятельности.

Но так было лишь в начале знакомства. А потом, подлавливая, соблазняя, угрожая, играя на всяких слабостях, используя нравственную нечистоплотность и неустойчивость этих, с позволения сказать, «граждан», с некоторыми из этих знакомых гр. Д. разведчик связался по линии прямого шпионажа.

* * *

Был случай, когда один инженер гр. К. отправился в отпуск в Гагры. Хотя настроение у него было, конечно, отпускное, но как человек деловой он захватил с собой кое-какие материалы, думая поработать в отпуску, соединить приятное с полезным. В Гаграх этот инженер познакомился с одной дамой — вероятно, приятной во всех отношениях. Дама эта познакомила его вскоре с другими дамами, не менее приятными. Образовалось интересное и приятное «общество», в центре которого оказался московский инженер. Все шло по-хорошему. Неожиданно появляется муж дамы. Инженера К. знакомят с мужем. К «приятному обществу» прибавился еще один «приятный» человек. Скоро инженер получил от своей дамы предложение оказать ему чисто дружескую помощь в работе. Она, видите ли, случайно захватила с собой на курорт пишущую машинку и может помочь ему перепечатать его материалы. Очень любезно!

Договорились. Дама стала писать под его диктовку очень интересный материал. А в результате, воспользовавшись ротодейством этого инженера, оставила материал у себя дома, а на другой день инженер К. не обнаружил ни своих документов, ни дамы, ни ее мужа. Две «дамы» и муж оказались разведчиками одной иностранной разведки.

Вот к чему приводят иногда «приятные» знакомства на курортах!

Вот другой случай. В Ленинграде проживает семья. Отец — китаец, мать — русская, у них 16-летняя дочь. Дочь эта выдается замуж за командира Н-ской батареи, М-ской стрелковой дивизии.

Мать и отец этой новобрачной нежно полюбили своего зятя. Постоянно встречались. Через командира отец-китаец завязывает широкие знакомства с другими военными людьми. Квартира китайца вскоре превратилась в место постоянных встреч друзей, желанных гостей и днем и ночью. Стол всегда накрыт, самовар шумит, на столе варенье, сухарики, конфеты, патефон — словом, все удовольствия. За чаепитием, за выпивкой ведутся различные разговоры. Разговоры всякие — и о Красной Армии, в том числе о составе данной части, о новом вооружении и т. д. Что же оказалось? Оказалось, что китаец, тесть командира, не только — тесть, но одновременно по совместительству — и японский шпион.

Таких фактов можно было бы привести немало.

Прибегают агенты иностранных разведок и к такому приему. Откроют в человеке «женскую» слабость, «прикомандируют» к нему даму «приятную во всех отношениях» и через эту «даму» выведывают что могут, или просто шантажируют, грозят семейным скандалом, разоблачением интимных связей. Люди неустойчивые, слабые духом, попадают в беду, доходят до прямого предательства.

* * *

Так работает вражеская разведка. Разведчики шныряют взад и вперед, в трамваях, в театре, в кино, в пивнушке. Заводят знакомства и с трезвыми и с подвыпившими, и с серьезными и с несерьезными людьми, с бессовестными негодяями и с «совестливыми» людьми. С серьезными — знакомства серьезные, с несерьезными — несерьезные, но цель одна. Методы очень гибкие,

разнообразные, в зависимости от обстановки, от характера и индивидуальных особенностей людей. При честном отношении к своему долгу гражданина, при наличии собственного достоинства и уважения к самому себе все эти методы и шпионские приемы в конце концов разоблачить не трудно. Нужно только помнить о капиталистическом окружении, не забывать о борьбе врагов против нас, не забывать о политической обстановке. Нужно уметь разбираться в знакомствах, в людях, уметь подбирать себе друзей и знакомых.

Был такой случай. Один очень старый партиец, стаж которого исчисляется чуть ли не с 1905 г. или с 1904 г., среди своих знакомых имел приятеля — художника. Он считал его своим другом. А когда при случае стали выяснять, знает ли наш партийный товарищ с большим партийным стажем этого «художника», с которым он ведет знакомство целых 30 лет, то оказалось, что «художника» этого он знает очень плохо. А между тем этот художник неоднократно бывал за границей, и не без содействия нашего партийца! Допустимо ли это? Конечно, нет!.. Такое отношение к своим знакомствам должно быть решительно осуждено.

В чем нередко заключается задача иностранных разведчиков? Задача их заключается нередко в том, чтобы иметь хороший круг «подходящих» знакомых. Разведчик сидит где-нибудь как резидент, притаившись, — он пока не организует ни диверсий, ни террористических актов. Он просто «живет», как всякий обыкновенный человек. Он «живет» и наблюдает за тем, что происходит вокруг него, и посылает куда нужно сведения и этим делом пока ограничивается. Но только «пока». Сидит он так до тех пор, пока ему не дадут сигнал — «действуй». Тогда он начинает действовать при помощи всех тех средств, какие он сумел за эти долгие годы получить в свои руки.

Часто думают у нас, что разведчик должен обязательно чем-нибудь проявить себя: либо антисоветскими разговорами, либо иными враждебными стремлениями, что-нибудь выявить, что-нибудь сделать и т. д. Надо иметь в виду, что бывают разные категории разведчиков, с разными заданиями. Сплошь да рядом до известного момента разведчик-резидент вообще ничего не должен «предпринимать» враждебного. Наоборот, чтобы лучше замаскироваться, он вынужден лицемерно делать вид и пускаться на всякие махинации, чтобы зарекомендовать себя с хорошей стороны, завоевать себе авторитет, втереться в доверие в максимальной степени и доказать всем, чем только возможно, не только свою «лояльность», но и «преданность» советской власти. Разведчика по внешнему виду, конечно, распознать нельзя. Да и вообще трудно прописать какой-либо раз навсегда действующий рецепт по поводу того, как распознавать врага, к тому же еще так ловко маскирующегося. Нужно просто каждому взять за правило вести себя с любым человеком так, что если этот любой человек окажется врагом, то все равно он не сможет ничего извлечь из знакомства с тобой для своей вредительской и шпионской деятельности против Советского государства. Ведь очень часто начинается дело с пустяков, маленьких разговоров, с пустой болтовни. Узнает иногда человек какую-нибудь новость с булавочную головку, а своей болтовней делает из мухи не только одного, а целую дюжину слонов. Пускает этих слонов гулять на воле, а разведка из этой болтовни извлекает для себя кое-какие факты.

Говоря о вредительско-диверсионной преступной деятельности врагов народа на железнодорожном транспорте, нужно сказать прежде всего о паровозном хозяйстве. Железнодорожные депо являются излюбленным местом развертывания преступной деятельности диверсантов и вредителей. Враги в первую очередь всячески стараются сорвать мероприятия по улучшению технического состояния и эксплуатации паровозного парка.

На судебном процессе антисоветского троцкистского центра подсудимый Лившиц вынужден был признать, что развертывание вредительской и диверсионной деятельности на транспорте было одной из основных задач троцкистской организации, действовавшей по прямым указаниям врага народа Троцкого и японо-германской разведки. Об этом же говорил и подсудимый Князев, признавший свою связь с японской разведкой через г-на Х., который прямо поставил перед Князевым, Туроком и Лившицем задачу подрывной работы в паровозном хозяйстве путем вывода из строя паровозов, организации крушений и т. п.

Враги народа Лившиц и Пятаков, вместе с Серебряковым вырабатывая план вредительско-диверсионной деятельности на транспорте, поставили основную задачу по срыву выполнения приказа № 183 наркома путей сообщения т. Кагановича. Как известно, приказ № 183 говорит специально об организации работы паровозного и деповского хозяйства. На разрушение этого хозяйства, на развал работы депо — основного, ведущего звена во всей системе железнодорожного транспорта — были направлены усилия троцкистско-фашистских вредителей и диверсантов на транспорте.

Какими средствами эти господа достигали своих преступных целей? Об этом можно судить хотя бы по следующему показанию Князева на судебном заседании 27 января 1937 г. На прямой вопрос одного из членов Верховного суда о том, как проводилась вредительская работа по разрушению паровозного хозяйства, Князев ответил: «В депо Курган были введены мощные паровозы „ФД“. Пользуясь тем, что их слабо знали в депо, администрация сознательно ухудшала качество надзора в текущем ремонте, вынуждала машинистов часто выезжать с неполным ремонтом. Были доведены до разрушения почти все водопробные приборы. В итоге этой запущенности в январе 1936 г. на перегоне Роза — Варгаши произошел взрыв топки. Были, насколько помню, убиты помощник машиниста и кочегар, а машиниста отбросило в сторону метров на 30. Паровоз был совсем выведен из строя».

Важно подчеркнуть особенность диверсионного метода, применявшегося троцкистскими бандитами, — ухудшение качества текущего ремонта. Вредительский ремонт представляется одним из очень удобных средств подготовки диверсий, так как при наличии нескольких членов троцкистской или иной преступной организации в данном депо дефекты такого ремонта легко скрыть, а впоследствии оказывается более удобным и возможным самую диверсию (крушение, аварию и т. п.) объяснить не умыслом, не сознательными действиями преступника, а «объективными причинами». Вот почему этот метод вредительства, подготовки диверсии является более распространенным, чем какой-либо другой.

По делу одной троцкистской группы, вскрытой на железнодорожном транспорте, было установлено, что в одном только депо было выпущено за 2 месяца 1936 г. с недоделками и браком 18 паровозов, что в этом депо систематически выпускались из промывки паровозы с неправильной центровкой осей, т. е. с таким дефектом, который заведомо угрожал аварией. Вследствие такого вредительского ремонта ряд паровозов был приведен в негодное состояние, и они могли быть использованы только на местной работе. В результате паровозы сплошь и рядом возвращались на повторный ремонт, причем в некоторых случаях это повторялось 4—6 раз.

* * *

Не удовлетворяясь прямой порчей паровозов при помощи такого «ремонта», троцкисты-диверсанты в отдельных случаях пытались действовать и иными способами. Они подкатывали под паровозы заведомо неисправные колесные пары. В одном случае при обкатке шейка оси отвалилась, крушение было неминуемым и было предотвращено лишь благодаря исключительной бдительности машиниста.

В другом случае диверсанты подкатывали под паровозы колесные пары с недопустимой по технической норме толщиной реборд, что при недостаточной бдительности также должно было неминуемо принести к крушению. И в этом случае им опять-таки помешала бдительность машиниста, принимавшего паровоз. Зарегистрирован ряд случаев, когда из этого депо паровозы выпускались с неправильным разбегом оси в буксе, с ненормальным разбегом кулисы и неправильным механизмом рессорного подвешивания. Дело доходило в отдельных случаях до того, что с целью вызвать крушение или, по крайней мере, аварию на паровозы умышленно ставились лопнувшие буксовые коробки. В одном случае катастрофа была предотвращена комсомольской бригадой, вовремя заметившей и вскрывшей эту дьявольскую махинацию. Надо тут же сказать, что элементарная бдительность и честное отношение к своим обязанностям, к своему долгу помогают легко и быстро разоблачать коварные замыслы преступников.

В некоторых случаях диверсанты, члены троцкистско-шпионской организации, используют свою работу в депо и на других участках железнодорожного хозяйства для систематического осуществления мелких вредительских актов, которые, однако, сплошь и рядом приводят к крупным и тяжелым последствиям. В одном случае медник депо, оказавшийся членом троцкистской шпионской, диверсионной организации, заправлял буксы в поездах заведомо загрязненным баббитом, в который был примешан песок и железные стружки. Такие мелкие вредительские акты на транспорте и производстве совершаются затесавшимися сюда троцкистами. Несомненно, эти вредительские акты могут иметь место лишь при недостатке бдительности и при нечеткости работы людей, ничего общего с вредителями не имеющих, но зараженных «идиотской болезнью беспечности».

Наиболее острым методом антисоветской подрывной деятельности японо-германских диверсантов на нашем железнодорожном транспорте является организация аварий и крушений. Об этом с циничной откровенностью показывали на суде осужденные по делу антисоветского троцкистского центра Лившиц,

Князев и Турок. Князев, например, показал, что представитель японской разведки г-н Х. во время одной из встреч с Князевым передал ему, что «подрывная работа японцев не удовлетворяет, а что необходимо перейти к диверсиям, особенно с воинскими поездами, идущими на Дальний Восток, чтобы деморализовать Красную Армию». И Князев добавил: «В сущности эти установки, которые развивал г-н Х..., потом подтвердил Лившиц». Другой обвиняемый по этому делу, подсудимый Турок, сознался в том, что у него была специальная задача — создать из троцкистов на Пермской и Южноуральской дорогах организацию, которая могла бы осуществить разрушительную работу, в первую очередь устраивая крушения поездов.

Негодяям удавалось в ряде случаев осуществить свои преступные планы. Им удалось, например, произвести крушение на станции Шумиха, очень искусно замаскированное в свое время Князевым, который, будучи начальником Южноуральской железной дороги, возглавлял здесь троцкистскую группу и являлся одним из главных организаторов этого крушения.

Успех такой маскировки объясняется не только и не столько объективными трудностями разоблачения приемов и методов преступной деятельности, применяемых диверсантами и вредителями, сколько неопытностью, отсутствием должной проницательности у самих органов расследования. В этом отношении весьма показательным делом о крушении на станции Козырево Южноуральской железной дороги. Это крушение представляет собой один из характерных случаев диверсии. При правильном анализе фактов, с самого начала следствия оказавшихся в руках следственных органов и прокуратуры, с несомненностью можно было бы установить наличие в этом случае диверсии. При помощи тщательного разбора фактов и при помощи квалифицированного расследования с самого начала можно было сказать о наличии здесь не просто должностного преступления, а именно диверсии. Этого, однако, не было сделано.

Каковы эти факты? Как выяснилось на следствии, главный виновник крушения, дежурный по станции Козырево — Факеев сознательно допустил ряд таких действий, которые можно объяснить только злым умыслом. Так, принимая на станцию поезд № 801, Факеев по совершенно непонятным причинам задержал отправление с этой станции поезд № 721 и отправил его лишь в самый момент прихода к станции поезда № 801, хотя оба поезда должны были проходить одну и ту же стрелку.

Следствием установлено, что, встречая входивший на станцию поезд № 801, Факеев давал неясные сигналы, путавшие машиниста. Сам Факеев на следствии признал, что он сознательно нарушил правила технической эксплуатации и технико-распорядительного акта станции, и в качестве оправдания таких действий привел чрезвычайно странное объяснение. Оказывается, эти правила он считал «устаревшими» и хотел, видите ли, «проверить на практике», насколько они в действительности устарели. Наконец, при обыске у Факеева было обнаружено несколько чужих документов. Уже это обстоятельство при расследовании обязывало направить основное внимание на установление преступных связей Факеева, на разрешение основного вопроса о его политическом лице, о прямых контрреволюционных его замыслах. Этого, однако, сделано не было. Факеев, правда, был строго наказан, но крушение на станции Козырево в то время не было еще раскрыто полностью. Из этого факта нужно,

разумеется, сделать чрезвычайно серьезные выводы и органам следствия и органам прокуратуры.

Но, с другой стороны, возникает законный вопрос: как могло получиться, что дежурный по станции допускает ряд грубых нарушений правил технической эксплуатации на глазах у других? Это можно объяснить только расхлябанностью, отсутствием бдительности, низким уровнем трудовой дисциплины на этом участке железнодорожного транспорта, низким уровнем политического и общественного развития отдельных работников транспорта.

* * *

На водном транспорте преступная деятельность японо-германских, троцкистских агентов выражается в различных формах разрушительной работы на отдельных пароходах. В одном случае троцкистские диверсанты заложили в аппарат главной машины обрезок газовой трубы, в другом случае заложили под вентиль коллектора слесарное зубило, в третьем случае, с целью вывести из строя воздушный насос, заложили под клапан насоса столовый нож. Наблюдаются случаи, когда ставят непригодные вентили, из-за чего на пароходе отказывается работать штурвал, пароход теряет направление, и т. д. и т. п.

На водном транспорте, по крайней мере в некоторых бассейнах (например в Каспийском бассейне), имеют хождение различные гнилые теории, которыми ловко пользуются вредители и диверсанты.

Так, в связи с расследованием по делу о гибели на Каспийском море парохода «Советская Армения» было установлено, что среди руководящих работников Каспийского пароходства господствовала «теория» о работе флота «на износ». Один из руководителей Каспийского пароходства прямо говорил, что в пароходе надо беречь главным образом «сердце», т. е. машину, а корпус — это дело второстепенное. На практике это означало риск гибели кораблей, корпуса которых изнашивались и требуют капитального ремонта. Эта «теория» приводила к невнимательному отношению к состоянию пароходного корпуса. Случайно ли, что у Наркомвода обычно не хватает средств на «докование» пароходов, т. е. на своевременную постановку парохода в док, на смену устаревших и ветхих пластов обшивки корпуса и т. п.?

По делу о гибели парохода «Советская Армения» установлено, что регистром был запрещен выход этого парохода в море из-за плохого состояния корпуса. Тем не менее руководство Каспийского пароходства выпустило этот пароход из порта, рискуя и людьми, и ценным грузом, и самым кораблем. Этот совершенно недопустимый, антигосударственный, преступный шаг руководители пароходства допустили, прикрываясь якобы государственными интересами, необходимостью выполнить план перевозок. Ясно, что в данном случае не обошлось без злого умысла или без преступной беспечности. Допустившие такое вредительское отношение к судьбе флота должны быть строго наказаны судом, которому теперь преданы руководители Каспийского пароходства.

* * *

Характернейшим отличием современных методов троцкистского вредительства от методов вредительства периода шахтинского процесса и

процесса «промпартии» является особая озверелость и ожесточенность вредительских методов и приемов, установка троцкистских вредителей не только на порчу имущества, на торможение хозяйственных успехов, на подрыв хозяйственной мощи наших предприятий и отдельных отраслей промышленности, но и прямая установка на гибель людей, и притом в возможно большем количестве. На судебном процессе антисоветского троцкистского центра это было вскрыто с предельной ясностью. Об этом говорили и Пятаков, и Дробнис, и Лившиц, и Князев, с исключительным цинизмом повествовавшие о том, как они ставили ставку на истребление людей в мирное и особенно в военное время. Нельзя без содрогания вспомнить показания Князева о том, какие установки давал японский агент г-н Х., под руководством которого троцкисты организовали поджоги воинских складов, пунктов следования воинских поездов и готовились к заражению вагонов, предназначенных для перевозки войск, острозаразными бактериями, которые этот самый Х. обещал доставить троцкистам в нужное время.

При раскрытии одной диверсионно-троцкистской группы было установлено, что троцкисты, пробравшиеся на некоторые элеваторы и зерносклады, распространяли под видом фосфорно-желатиновой приманки для отравления грызунов самовоспламеняющееся вещество, которое вызывало пожары на зерноскладах. К счастью, пожары эти были своевременно прекращены пожарной охраной и честными работниками складов. Но факт остается фактом. Враги народа, затесавшиеся в совхозы и машинно-тракторные станции, стараются пакостить и вредить, выводя из строя отдельные тракторы и комбайны, срывая завоз горючего, всячески затягивая и срывая сроки сева и уборки и т. д. Всевозможными мелкими и крупными «неполадками» они вредят нашему народному хозяйству, нанося ему в общей сложности немалый ущерб, выражающийся в миллионах и десятках миллионов рублей.

Исключительно разнообразны методы диверсионно-вредительской деятельности японо-германских троцкистских и бухаринских агентов в области промышленности, в частности в области угольной промышленности. Здесь эти господа специализировались на заведомо преступной организации паления в угольных забоях, искусственном и умышленном загазовании шахт, на применении такой системы горных работ, которая неизбежно влечет за собой возникновение подземных пожаров, вызывающих большие потери угля и срывающих добычу угля. Троцкисты стараются действовать здесь в наиболее замаскированных формах, прикрывая свою преступную деятельность якобы рационализаторскими мероприятиями. Действуя осторожно и исподволь, они, как правило, избегают резких и грубых вредительских мероприятий. Однажды, показал Пятаков, будучи на стройке и увидя, что вредительство осуществлялось настолько грубо, что бросалось в глаза даже при самом поверхностном наблюдении, он немедленно принял необходимые меры: «Я был этим весьма обеспокоен и сказал Жарикову, что так делать нельзя. Я предложил ему внешне подтянуть стройку и вести себя осторожнее. В этих целях мы с Жариковым тогда приняли более замаскированные методы вредительства. Мы условились, что он „проявит энергию“, подтянет стройку, начнет строительство каких-либо объектов, но с таким расчетом, чтобы меди все же не было».

Товарищ Сталин на пленуме ЦКВКП(б) 3 марта 1937 г. подчеркнул, что «...настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу».

Именно так действовали Пятаков и его сообщники. Поставив, например, своей задачей разгромить медную промышленность и в частности Средуралмедьстрой, который должен был строиться как комбинированное предприятие, троцкисты во вредительских целях его «раскомбинировали». «Химическую часть, — говорил Пятаков на допросе, — передали Главхимпрому, где Ратайчак ее и заморозил». В результате строилась (и то вредительски) только медная часть производства, а к строительству химической части даже не приступали. Шестов признал, что, следуя указаниям Пятакова, и он ставил себе задачу «создать видимость широкого развертывания нового строительства и производственного эффекта на очень коротком промежутке времени, с большим капиталовложением, но с тем, чтобы в дальнейшем был эффект обратный».

Не брезгуя малым, вредя делу нашего социалистического строительства там, где только возможно, и так, как только возможно, эти преступники, однако, основные усилия свои сосредоточивают на важнейших объектах, на главнейших, ведущих участках нашей промышленности, применяя разнообразные методы вредительно-диверсионной работы в соответствии с разнообразием тех условий, в которых они вынуждены действовать.

Нельзя утешаться тем, что вредителей немного, а честных строителей социализма миллионы. Нельзя утешаться тем, что вредительство не может поколебать мощь нашего хозяйства, силы нашей страны.

«Для того, чтобы напакостить и навредить, — говорил на пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин, — для этого вовсе не требуется большое количество людей».

Одним из средств решения великой задачи, указанной товарищем Сталиным, — задачи искоренения троцкистских и иных двурушников — является систематическое и последовательное разоблачение всех приемов и методов троцкистско-фашистских вредителей и диверсантов, всей их предательской, подлой практики и техники совершения гнуснейших преступлений. Это, в свою очередь, возможно на основе овладения большевизмом, укрепления большевистской самокритики, постоянной и подлинно большевистской связи с массами, на основе устранения без остатка политической беспечности, основе укрепления политическом дальновидности и подлинно большевистской бдительности.

Андрей Януарьевич Вышинский был одним из ближайших соратников И.В. Сталина. Их знакомство состоялось еще в 1902 году, когда молодой адвокат Андрей Вышинский участвовал в защите Иосифа Сталина на знаменитом Батумском процессе. Далее было участие в революции 1905 года и тюрьма, в которой Вышинский отбывал срок вместе со Сталиным.

После Октябрьской революции А.Я. Вышинский вступил в ряды ВКП(б); в 1935—1939 гг. он занимал должность Генерального прокурора СССР и выступал как государственный обвинитель на всех известных политических процессах 1936—1938 гг. В последние годы жизни Сталина, в самый опасный период «холодной войны» А.Я. Вышинский защищал интересы Советского Союза на международной арене, являясь министром иностранных дел СССР.

В книге А.Я. Вышинского рассказывается о И.В. Сталине и его борьбе с врагами Советской России. Автор подробно останавливается на политических судебных процессах второй половины 1920-х — 1930-х гг., приводит фактический материал о деятельности троцкистов, диверсантов, шпионов и т.д. Кроме того, разбирается вопрос о юридических обоснованиях этих процессов, о сборе доказательств и соблюдении законности по делам об антисоветских преступлениях.

ISBN 978-5-4438-0019-6

9 785443 800196 >